ЧАКА

М. Брюхнов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Огромное личное мужество, блестящий организаторский и полководческий талант позволили Чаке, сыну вождя небольшого племени зулу, сломить раздробленность своего народа. Могущественное и богатое государство зулусов с сильной и дисциплинированной армией было опасным соседом для английской Капской колонии. Англичанам удалось организовать убийство Чаки, но зулусский народ, осознавший благодаря Чаке свою силу, продолжал многие десятилетия неравную борьбу с английскими колонизаторами.

- Марат Акимович Брухнов
  - Введение
  - Пролог
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
  - Глава VIII
  - Глава IX
  - Глава X
  - Глава XI
  - Глава XII
  - Основные даты жизни и деятельности Чаки
  - Краткая библиография
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

Марат Акимович Брухнов
Чака

Введение

В этой книге речь пойдет о той части Южной Африки, которая носит название Наталя. Первые сведения о Натале и населяющих его народах были привезены в Европу португальцами из экспедиции Васко да Гамы, чьи корабли причалили к этому берегу 25 декабря 1497 года. Отважные мореплаватели нарекли его Наталем, что по-португальски означает «рождество». Стоянка была непродолжительной, но европейцы смогли отметить, что местные жители знакомы с употреблением меди и железа, строят свои жилища из травы и отличаются большим гостеприимством. Даже этих скудных сведений достаточно для вывода о том, что португальцев принимало одно из племен нгуни, но какое именно, неизвестно.

К моменту появления европейцев на территории Южной Африки жили люди двух различных рас — койсанской и негроидной. К койсанской расе относились бушмены и готтентоты. Если бушмены (от «бошиман» — «люди кустарников» — голланд.) вели весьма примитивный образ жизни, то готтентоты представляли собой группу значительно более развитых скотоводческих племен, владевших огромными стадами крупного рогатого скота, коз и овец.

Племена банту, обитающие главным образом в Центральной и Южной Африке, составляют две трети населения Черного континента и разнятся друг от друга чисто лингвистическими признаками. Термин «банту» в основном означает, что эти племена изъясняются на языке, характеризующемся делением существительных на классы, каждый из которых отличается своими приставками. Многократное повторение этих приставок в предложении дает определенный звуковой эффект. По тем же языковым признакам большинство южноафриканских племен банту отнесено к «нгуни». Главная особенность этой группы — наличия взрывных и щелкающих звуков.

Теперь, ввиду полного отсутствия каких-либо исторических Данных, трудно установить причину переселения банту, но по Пути им пришлось преодолеть сопротивление уже живших здесь Племен, о чем свидетельствуют наскальные рисунки бушменов, сохранившиеся в Драконовых горах.

Стычки с бушменами и готтентотами не наносили большого ущерба какой-либо из сторон — пастбищ и охотничьих угодий хватало на всех, и борьба велась без особого ожесточения. Установилось даже некоторое равновесие сил. Однако все изменилось с приходом европейцев.

После того как португальцы обогнули мыс Бурь и, выйдя да просторы Индийского океана, добрались до Индии, Африка стала важнейшей базой для их кораблей. Вызывающее поведение португальцев сразу же привело к ответной реакции местного населения. Еще в 1497 году на берегах бухты Святой Елены произошло столкновение туземцев с моряками Васко да Гамы. Трос из его людей и он сам получили ранения. А 1 марта 1510 года на берегу Столовой бухты завязался ожесточенный бой между моряками Франциско д'Альмейда, первого португальского вице-короля восточных морей, и готтентотами, которые наголову разбили европейцев.

Вскоре после падения морского могущества Португалии и перехода ее владений в руки голландцев была основана в Нидерландах знаменитая Ост-Индская компания для торговли со странами Юго-Восточной Азии.

В 1647 году корабль Ост-Индской компании потерпел крушение в Столовой бухте. Спасшаяся команда провела на побережье пять месяцев, пока не была подобрана на обратном пути кораблями той же флотилии. Офицеры спасшейся команды представили подробный доклад о месте своего пребывания, который был рассмотрен палатой компании и ее советом семнадцати. Пыли учтены все достоинства бухты: надежность укрытия кораблей от свирепствующих здесь штормов, наличие пресной воды и даже соседство скотоводческих племен. В результате пришли к быводу о необходимости основать здесь базу.

Так па берегу Столовой бухты у подножия горы того же названия возникло укрепленное поселение, окруженное садами и огородами. Крепость была названа: «Goede Hoop», то есть «Добрая Надежда», а поселение получило название Капштадта (по-английски Кейптаун) — «Города на мысе». Все началось довольно мирно — с покупки нескольких голов скота у готтентотов. Позднее голландцы расширили захваченную территорию, что привело к новым кровопролитным столкновениям. Готтентоты потеряли в них почти весь свой скот и вынуждены были отойти в глубь страны. Стали прибывать все новые и новые партии переселенцев: сначала голландцы и фламандцы, затем немцы, еще позднее полнились швейцарцы, французы, скандинавы, шотландцы, поляки. Колония росла как на дрожжах. В 1657 году в ней было всего 57 человек; в 1698–1124 человека, а в 1708–1723 колониста. Поселенцы различных национальностей перемешались между собой, превратившись в настоящих буров (от голландского boer — крестьянин, земледелец), и только видоизмененные фамилии, вроде Журдан, Дю-Туа, Де-Вилье,

говорили о их прежней национальной принадлежности.

С самого начала бурам понадобились рабы для обработки полей и выпаса скота. Рабов привозили из Алголы и Мозамбика, из Индии, с Малайских островов и с острова Мадагаскар. К 1708 году таких привозных рабов насчитывалось уже 1300 человек. Однако дорогие привозные рабы не могли решить проблема нехватки рабочих рук, и тогда началась самая настоящая охота за бушменами и готтентотами — их безжалостно уничтожали или превращали в рабов на фермах. К концу XVIII века бурами были уже почти полностью захвачены тучные пастбища на плоскогорье Карру, и они вошли в соприкосновение с племенами коса, относящимися к банту, чьи владения лежали на реке Грейт-Фиш. Эта рака и была в 1776 году объявлена восточной границей колонии. Северной границей колонии была река Оранжевая, по другую сторону которой жили басуто-бечуанские племена, также относившиеся к банту.

Господству Ост-Индской компании положила конец война с англичанами. В 1795 году победа французской революции привела к образованию на месте Нидерландов Республики Батавия. Штатгальтер Нидерландов бежал в Англию, он же и уполномочил британское правительство отправить эскадру для захвата Капской колонии.

13 августа 1814 года после поражения Наполеона была подписана конвенция, по которой Капская колония окончательно перешла к Англии. Население колонии к этому времени составляло 72 тысячи человек, из них 26 тысяч европейцев, 17 тысяч готтентотов и 29 тысяч рабов.

Англия «ликвидировала все созданные голландскими колониями и от них зависящие административные учреждения, включая бюргерский совет в Кейптауне, посадила везде английских чиновников и объявила английский язык обязательным языком в официальной переписке и в школе. Чтобы содержать привезенные из Англии колониальные войска и армию чиновников, колонисты были обложены высоким налогом, значительно превышавшим то, что им приходилось платить голландской Ост-Индской компании и на содержание местной администрации…»

Положение буров стало еще более трудным из-за постоянного притока английских колонистов. Власти отводили им самые плодородные земли, постепенно оттесняя буров в засушливые западные районы. Особенно грозным для последних оказался 1820 год, в течение которого прибыло пять тысяч английских колонистов, поселившихся в районе бухты Алгоа и основавших там Порт-Элизабет.

Границы Капской колонии стали тесными для двух противостоящих групп поселенцев. Не в силах сопротивляться оказываемому на них давлению англичан, буры первыми пришли в движение и решили осваивать новые, еще не занятые европейцами территории. Необходимость расширения колонии понимали и англичане.

На юго-восток от колонии лежали плодороднейшие земли племен коса, и англичане, приободренные поначалу слабым сопротивлением готтентотов, решили присоединить их к своим владениям. Но тут им пришлось столкнуться со значительно более сильным противником: племена нгуни, к которым относятся и коса, отличаются воинственностью и крайне независимым нравом. Помимо скотоводства, они занимались еще и земледелием и были более привязаны к своей земле, чем готтентоты или бушмены.

Страна, которую европейцы окрестили Наталем и которую современные зулусы по праву считают своей родиной, расположена в юго-восточном углу Африканского материка и омывается Индийским океаном. Лесистая прибрежная низменность, постепенно поднимаясь, сменяется цепью холмов и переходит в доросшую травой безлесную равнину, расположенную на высоте 300–900 метров над уровнем моря. И, наконец, примерно в 150 километрах от океанского побережья начинается обширное плоскогорье. Страну пересекает множество долин и ущелий, по которым стекают стремительные, в большинстве своем несудоходные реки. На побережье и в речных долинах жара летом бывает невыносимой, а почва пересыхает и трескается, но стоит пройти дождям, как и здесь все покрывается буйной растительностью. На открытых же плоскогорьях степной части климат значительно прохладней и мягче. Это так называемый вельд — южноафриканская степь, саванна — идеальное пастбище для скота, который представляет собой главное богатство и предмет гордости племен нгуни.

Весь быт зулуса тесно связан со скотоводством. Отсюда и особая форма их поселений — крааль. Слово это голландского происхождения и означает загон для скота. Так буры называли селения готтентотов, а потом перенесли это название и на поселения банту. На языках банту краали называются иначе. По-зулусски, например, умузи. Крааль представляет собой огороженный скотный двор, вокруг него располагаются хижины, которые, в свою очередь, обносятся внешней оградой. В нем обитает обычно одна большая патриархальная семья, состоящая из нескольких поколений родственников по мужской линии с их детьми и женами. Бывает, что тут же поселяются и более дальние

родственники, а иногда и посторонние. В крупных краалях возводилось до сорока хижин.

Высшей формой социальной организации населяющих Наталь банту было племя, возглавляемое вождем. Должность вождя считалась выборной, сохранялось еще народное собрание, которое формально имело право выбирать и смещать вождей. Однако уже успели выделиться династические семьи, и народному собранию оставалось только стать на сторону того или иного представителя все той же семьи. Уже оформилась сложная иерархия соподчинения вождей отдельных племен. Однако крупных межплеменных объединений пока еще не было. Они начали возникать с начала XIX века, то есть в то время, когда на арене общественной жизни появились Дингисвайо и Чака.

В своей фундаментальной работе «Формирование национальной общности южноафриканских банту» один из крупнейших советских африканистов, И. И. Потехин, дает подробный анализ социальной структуры банту в период разложения племенных отношений и образования народностей.

«Племя — этническая общность (и форма общественной организации), присущая первобытнообщинному строю, народность — этническая общность, присущая классовым докапиталистическим социально-экономическим формациям. Народность складывается в период перехода от общества доклассового к классовому. В основе племенной общности лежат кровнородственные отношения: племя — это общность людей, ведущих свое происхождение от одного реального или мифического предка. Народность образуется па базе распада племенной общности, перемешивания, слияния племен и образования классов.

Формирование народностей начинается, хотя далеко не всегда и потому не обязательно, с союза племен, но союз племен еще не есть народность. К. Маркс в конспекте книги Моргана «Древнее общество» писал, что «народ[1] возникает только тогда, когда племена, объединенные одним управлением, сливаются в единое целое». И далее «Союз предполагает наличие независимых племен, занимающих отдельные территории; слияние же представляет собой более высокий процесс, объединяет племена на одной общей территории, хотя бы тенденция к локальному разделению по родам и племенам продолжала существовать. Союз племен является ближайшим подобием народа»…

Для периода разложения первобытнообщинного строя и становления классового общества характерно несоответствие формы общественных отношений их экономическому содержанию. Специфичность производственных отношений

первобытнообщинного строя состоит в том, что отношения людей в процессе производства находят свое внешнее выражение в кровнородственных связях. На поверхности видны кровнородственные, а не экономические отношения. Это было особенно характерно для ранних этапов истории первобытнообщинного строя, когда никаких иных отношений, существующих отдельно и независимо от кровнородственных, не было. Вся история первобытнообщинного строя представляет собою с внешней стороны историю отделения экономических отношений от кровнородственных; внутренним содержанием этого процесса является развитие форм собственности…

Несоответствие формы и содержания общественных отношений в период становления классового общества наиболее характерно для скотоводческих народов, какими южные банту и были в недалеком прошлом…

Частная собственность, основанная на личном труде, как основная форма собственности при сохранении общинной, родо-племенной собственности на землю, наличие богатых и бедных, зависимость бедных от богатых, концентрация богатства в руках родо-племенной верхушки, эксплуатация вождями племен и родовыми старейшинами рядовых общинников — такова в основных чертах картина производственных отношений южноафриканских банту в начале XIX века, таков экономический базис разлагающегося первобытнообщинного строя банту. Ему соответствовала и политическая надстройка».

Однако крупных межплеменных объединений пока еще не было.

Первый шаг на пути объединения племен нгуни сделал вождь небольшого племени мтетва Дингисвайо. Став в 1808 году вождем, он приступил к реорганизации армии. Хотя Дингисвайо уже успел ознакомиться с европейцами и их порядками, армия его ничем не напоминала европейскую. Новую военную организацию он строил на основе характерного для стоящих на стадии первобытнообщинного строя народов института возрастных классов. У племен нгуни все мужчины с возрастом проходили за свою жизнь через четыре социальные ступени, то есть делились на четыре возрастных класса. Третьему классу соответствовал возраст от 20 до 40 лет, и члены его номинально считались воинами.

С этой армией Дингисвайо удалось подчинить себе многие окрестные племена, но, приводя их к покорности, он не нарушал племенной организации и чаще всего оставлял на своих местах прежних вождей. Таким образом ему удалось создать союз племен, что само по себе явилось крупным шагом на пути к

объединению. Его преемник Чака пошел значительно дальше.

Чака сохранил существовавшее и до него деление мужчин на четыре разряда, но оно при нем значительно отличалось от прежнего, и переход из одной категории в другую зависел теперь уже не только от возраста. К первому по возрасту, но отнюдь не но значению разряду относились юноши, не достигшие 20 лет. Они пасли скот и выполняли чисто хозяйственные функции, а в военных экспедициях играли роль носильщиков. Второй разряд составляли неженатые воины, ими становились юноши, достигшие, так сказать, призывного возраста. Только особо отличившиеся в боях получали право жениться и носить головное кольцо — признак зрелого мужчины. Этим самым они переводились в третий разряд — разряд женатых воинов. Из них формировались отборные воинские части, своеобразная «старая гвардия». И, наконец, четвертый разряд составляли индуны — военачальники, советники и ближайшие помощники Чаки.

Воины, особенно принадлежавшие ко второй, самой многочисленной категории, вели спартанский образ жизни. Вся страна была покрыта сетью военных краалей — гарнизонов (иканда) с опытными индунами во главе. Краали эти были одновременно и административными центрами, а главы их — наместниками прилегающих территорий.

С введением ассегая — ударного копья для рукопашного боя — претерпела значительное изменение и тактика сражений.

Новля армия. Чаки с боями прошла до всей территории Наталя, а это, в свою очередь, привело к массовому перемещению племен. Армия пополнялась за счет иноплеменников, а целые племени исчезали с этнической карты страны. Этому немало способствовали и введенные Чакой новшества: если переход мужчин на первого разряда во второй происходил автоматически по достижению определенного возраста, то дальнейшее продвижение по социальной лестнице зависело уже только от храбрости и личных качеств человека. И тут племенная принадлежность не играла в глазах Чаки ни малейшей роли — среди индун его ближайшего окружения было немало иноплеменников, а иногда даже и людей, вовсе не относящихся к племенам нгуни.

Для жителей северного полушария родина зулусов полна экзотики: тут и мангровые заросли, и переплетенные лианами пальмы, вельд с его бесчисленными стадами антилоп и диких буйволов, на которых охотятся львы и леопарды, тут гигантские слоны и гиппопотамы, а в ночном небе горят невиданные созвездия… Да что там говорить — ведь даже тень от палки, воткнутой в полдень в землю, укажет не на север, как у нас, а

точно на юг, и даже солнце совершает свой привычный путь, двигаясь не слева направо, а, наоборот, против часовой стрелки.

Однако люди, населявшие созданную гением Чакн империю зулусов, считали эту страну своей родиной и никакой экзотики вокруг себя не замечали. Более того, они даже и не представляли себе, что где-то может быть иначе. А ведь именно люди с их горестями и заботами, с их радостями и свершениями являются героями настоящей книги.

Имя Чаки еще при его жизни обросло легендами, ибо никто из современников не мог представить себе, что все свершения Чаки удались ему без помощи сверхъестественных сил. Многие из этих легенд надолго пережили самого героя п до сих пор имеют хождение не только среди зулусов и их соседей, но прочно обосновались в поэтической и даже научной литературе, обретя таким образом новую жизнь. Сейчас уже невозможно найти книгу по истории Южной Африки, в которой не упоминалось бы имя Чаки.

Деятельность Чаки получила весьма высокую оценку таких выдающихся советских африканистов, как Д. Л. Ольдерогге и покойный ныне И. И. Потехин. Крупный советский историк-африканист А. Б. Давидсон в предисловии к переведенной на русский язык книге Э. А. Риттера «Чака Зулу» пишет, что автор «посвятил свою книгу человеку, который сыграл в прошлом Африки южнее Сахары, может быть, самую важную роль. Человеку, чьим именем до сих пор клянутся зулусы. Человеку, чье имя вызвало и вызывает такие бурные споры, как, наверное, никакое другое в африканской истории.

Пожалуй, единственное, в чем сходятся историки, писавшие о Чаке, — это признание изумительного полководческого таланта… Чаку называют африканским Наполеоном…»

Отмечая, что в последние годы у африканских историков и писателей пробуждается интерес к своему прошлому, А. Б. Давидсон продолжает:

«О Чаке теперь нередко говорят как о вожде, который перед надвигающейся опасностью англо-бурского завоевания Южной Африки сумел объединить десятки родственных племен байту.

О Чаке говорят как о родоначальнике зулусской государственности, как о «короле-воине», который выступал прежде всего не завоевателем, а собирателем «земли зулусской».

Таким считают Чаку нынешние лидеры демократического движения Южно-Африканской Республики. Таким видел его Альберт Лутули, генеральный президент Африканского национального конгресса — крупнейшей политической организации африканского населения ЮАР…

В программе Южно-Африканской коммунистической партии упоминается, что зулусы героически боролись против вторжения бурских и английских завоевателей, «используя боевую тактику Чаки».

Руководитель революционного подполья Южно-Африканской Республики Нельсон Мандела заявил на суде в Претории в 1965 году, что «на борьбу за человеческое достоинство родного народа его подняла мысль о великих делах Чаки».

Когда в 1816 году Чака стал вождем второстепенного племени зулу, его владения составляли всего примерно 275 квадратных километров, а к моменту его смерти в 1828 году созданное им зулусское государство имело территорию почти в 300 тысяч Квадратных километров, что значительно больше площади Англии. Влияние же его в той или иной степени распространилось на огромное пространство примерно в 3,5 миллиона квадратных километров, что чуть ли не вдвое обширней площади всех тогдашних колониальных держав, вместе взятых.

Необходимо отметить и то весьма важное обстоятельство, что если мероприятия Дингисвайо с некоторыми натяжками можно хоть в какой-то мере связать с европейским влиянием, то к Чаке это никак не относится. С европейцами он впервые встретился всего за четыре года до своей смерти, пребывая в зените славы и могущества, да и европейцы эти ставили себе целью отнюдь не укрепление зулусского государства, а подготовку почвы для нового колониального захвата. Именно на этот аспект обращают внимание почти все добросовестные историки Африки. Вспоминая о деятельности Чаки, один южноафриканец подчеркивал: «Еще задолго до того, как мы, африканцы, встретили белого человека, мы уже вступили на путь укрепления национального самосознания. Нас уже тревожили наши собственные судьбы».

В своем послании конференции в Аккре один из крупнейших африканистов, лауреат международной Ленинской премии мира Уильям Дюбуа, призывая народы Африки к жертвам во имя единения, писал: «…когда в племени рождается ребенок, он оплачивает свое воспитание одной ценой — отказывается в интересах племени от части своей личной свободы. Либо он постигает эту истину, либо погибает. Когда племя становится союзом племен, каждое отдельное племя отказывается от части своей свободы в пользу всего союза племен. Когда складывается нация, все составляющие ее племена, роды и группы должны поступиться властью и отдельными свободами во имя интересов нации. В противном случае нация умрет еще до того, как

родится».

Перед вождем маленького племени зулу стояла грандиозная задача объединения сотни племен, разбросанных по огромной территории и управляемых независимыми и свободолюбивыми вождями. Объединение это могло быть достигнуто единственным путем — силой. В истории вообще трудно найти объединителей, которые прославились бы мягкостью характера, а тут еще и надвигающаяся угроза европейского порабощения заставляла дорожить буквально каждым днем. Да, Чака бывал жесток по отношению к трусам, преступникам и нарушителям своей воли, но ведь зулусы в то время вели почти непрерывные войны…

Процесс объединения — процесс трудный и мучительный, но жертвы, понесенные племенами нгуни, не пропали даром. Слитый воедино гением Чаки зулусский народ проявил свою сплоченность и жизнеспособность в многолетней борьбе с колонизаторами. Загнанный в резервации расистским режимом ЮАР, он и сейчас не прекращает этой борьбы и — в этом нет сомнений — выйдет из нее победителем.

Пролог

Тропинка шла через лес, солнце давно уже перевалило за полдень, а Синда и его спутники все еще не добрались до вельда. Лес — плохое место для жителей степей, и люди из племени э-лангени стараются держаться от него подальше… И то сказать, разве не духи леса подстроили встречу Нанди с Сензангаконой. Мало того, они лишили дочь вождя, Нанди, разума, и она утратила сдержанность.

Что ж, духи леса могут радоваться — скоро все в краале заговорили о том, что Нанди предстоит стать матерью. Мфунда, мать Нанди, прекрасно знала законы предков. А законы эти гласят: вину можно загладить браком. Для этого мужчина, виновный в совращении, объявляет о намерении жениться и посылает родителям девушки двух-трех коров, а девушка, виновная в том, что позволила совратить себя, не смеет отказать ему в сватовстве. Брачный подарок вручается и принимается как залог дружбы двух родов и доброго отношения новой семьи к невесте, которой придется жить вдали от родных.

Правда, здесь все еще осложнялось и тем, что Мфунда была дочерью Кондло, а гвабе и зулу вели свой род от общего предка, и браки между ними запрещались. Но и этой беде можно было помочь — Мфунда принесла духам предков искупительную жертву, и запрет был снят. У Сензангаконы, правда, уже есть две жены, но он молод и богат, а Нанди хороша собой, трудолюбива и Готова занять в его краале скромное место третьей жены.

Но Сензангакона целыми днями распивал в своем краале с молодежью сорговое пиво и, казалось, не помышлял о новой женитьбе. Застрельщиком был его дядя Мудли, внук Ндабы. Когда отец Сензангаконы — Джама умер, наследник его был слишком юн, и управление делами племени было возложено на брата и вдову покойного. Сейчас Сензангакона уже достаточно возмужал, чтобы самому стать во главе зулу, но Мудли отнюдь не торопится выпускать из своих рук бразды правления.

Старый Синда недаром провел вечер и ночь в краале Эси-Клебени — ему удалось перекинуться словечком-другим с нужными людьми. Веселый бражник Мудли хитер и властолюбив. Прекрасно сознавая, что близится конец его владычеству, он устраивает одну пирушку за другой и не дает простодушному и жадному до развлечений Сензангаконе передышки. Об этом, уже не стесняясь, болтали в краале. А наутро Синда окончательно убедился в справедливости слухов.

Когда посланцев э-лангени привели к дому вождя, Синда

после обычных приветствий коротко изложил суть дела.

— У Нанди будет ребенок. Он ваш, и место ему в краале зулу, — хмуро закончил он свою речь.

Сензангакона, рослый, хмельной и красивый, глупо ухмылялся, выжидающе поглядывая на Мудли, как будто ради этого толстого пьяницы проделал Синда столь далекое путешествие.

И действительно, нарушая освященный традициями предков порядок, вместо вождя заговорил Мудли:

— Зачем пришли вы к нам и просите скот? Разве люди э-лангени обеднели до того, что уже не могут прокормить своих женщин? Сын моего брата, Сензангакона — вождь людей зулу, чтит законы предков, и ему незачем брать себе в жены девушку, родственную гвабе. Зачем же ты, Синда, старый воин, ходишь как нерадивый пастух и ищешь скот в чужих краалях?

Пять юных спутников Синды с любопытством глазели по сторонам. В толпе, собравшейся у дома вождя, слышались хихиканье и перешептывания. Назвать собеседника по имени — оскорбление. Синда облизал внезапно пересохшие губы. Воину не пристало вступать в перебранку, а свои копья и палицу он оставил на месте ночлега в знак мирных целей.

Ободренный смехом слушателей, Мудли продолжал:

— Ты говоришь, что Нанди ждет ребенка? Девушки всегда чего-нибудь ждут — подарка, праздника, жениха, а кое-где бывает, что и ребенка — и дивиться тут нечему. Но ты еще утверждаешь, что сын моего брата и вождь людей зулу потерял голову и позабыл о сдержанности. Это невозможно! Иди и скажи пославшим тебя, что в лоно девушки просто забрался жук!..

Нет, Синда не ослышался — он так и сказал: и-чака, то есть жук. Люди э-лангени прекрасно понимают наречие зулу — оно ведь почти ничем не отличается от их собственного.

Синда выжидающе посмотрел на Сензангакону, ведь тот здесь вождь, и это из-за него пришли сюда посланцы э-лангени, но Сензангакона не сводил восхищенного взгляда со своего красноречивого дядюшки.

— Хорошо, Мудли, — сказал Синда. Обращаться в присутствии вождя к его подданным, да еще называть их при этом по имени, было тоже нарушением вековых порядков, но разве в этом краале считаются с приличиями? — Духи предков не оставят Нанди, дочь Мфунды, и, если у нее родится сын, мы наречем его Чакой — Жуком. С этим именем он всю жизнь будет помнить о тебе. Идемте, — кивнул он сопровождающим его воинам, и они все вместе, так и не произнеся принятых прощальных слов, направились к воротам крааля сквозь медленно расступающуюся

толпу…

Да, духи леса зло подшутили над людьми э-лангени!

В далекие годы юности Синды все обстояло бы иначе. Кто посмел бы отказать в брачном подарке внучке могущественного Кондло! Не пятерку юнцов и немощного старика, а добрую сотню отборных воинов послал бы вождь к краалю обидчика. И сейчас на месте богатого крааля Сензангаконы гиены вырывали бы друг у друга падаль, а загон И-Нгуга, крааля Нанди, пополнился бы тучным скотом зулу.

Синда споткнулся — это, вероятно, тоже подстроили духи леса — ведь в открытом вельде корни не торчат на тропах людей. Боль в ушибленном пальце прервала ход его мыслей, и он оглядел наконец своих спутников. Пятеро юных воинов легко шагали за своим предводителем, но на лицах их Синда не прочел ничего, кроме желания поскорее выбраться из этих гиблых мест.

Лес вскоре кончился, и все вздохнули с облегчением. Один из воинов даже затянул было песенку, но Синда так взглянул на него, что тот сразу же виновато умолк — посланцам, несущим дурные вести, не пристало горланить веселые песни…

Для ночлега выбрали место под огромным деревом, одиноко возвышающимся над холмистой равниной. Юноши разложили костер, а Синда опять погрузился в свои невеселые думы.

Нанди пока что носит девичий наряд и украшения, подобающие девушке, но скоро она станет матерью, а матери следует ходить в наряде и украшениях замужней женщины — ведь с рождением ребенка амулеты девушки теряют свою силу, а женщина без амулетов — страшная угроза для всего крааля! Злые духи получают над ней полную власть, более того — она, и сама того не подозревая, может наслать на крааль злых духов, и этому не помешают ни жертвы, ни заклинания.

До сих пор духи предков хранили крааль И-Нгуга от подобной напасти, но теперь, кто его знает, как вое это может кончиться. Давно, когда Синда был еще совсем мальчишкой и ему впервые доверили присматривать на пастбище за скотом, пришлось ему услышать рассказ о женщине без амулетов. Давно это было, задолго до рождения Нанди…

Вождь земель ндвандве, горячий воин, задумал совершить набег на соседний крааль. Алчность и жажда подвигов вскружили ему голову, и он пренебрег тем, что мать его, старая и мудрая Нонтома, родилась в краале, обреченном им на разграбление. Нонтома долго упрашивала сына не осквернять могил ее предков, но строптивый вождь велел резать быков для великого пиршества и приказал воинам готовиться наутро к выступлению.

Велика материнская любовь, но что может быть выше

почтения к духам предков! В голове Нонтомы созрел жуткий план…

Никто из пирующих не заметил, как выскользнула она за ограду крааля. Там, в вельде, среди гиен, шакалов и львов провела она целую ночь, и никто не тронул ее, старую и слабую женщину, ибо духи многих поколений ее предков — пастухов, охотников и воинов — стерегли ее от зверья, змей и прочей ночной нечисти.

А когда утром с первыми лучами солнца воины во главе со строптивым сыном раскрыли ворота крааля, они увидели перед собой Нонтому — одинокую женщину, выступившую на защиту родных могил. Широким жестом развела она руки и одним взмахом разорвала ожерелья. Чудодейственные талисманы — разноцветные бусины, ракушки, привезенные с далекого морского побережья, — дождем посыпались на желтую, выжженную солнцем землю вельда. Тяжелые серьги, которые впервые надела она при рождении неблагодарного сына, а потом так и не снимала все эти годы, плотно вросли в мочки ее ушей, но она сорвала и их, и кровь тяжелыми каплями падала на обнаженные плечи и грудь, струйками стекая по животу и по спине.

Ни один из воинов так и не осмелился выйти за ворота крааля. А молодому вождю пришлось потом раздать колдунам и знахарям лучших быков из своего стада, чтобы хоть как-нибудь оградить крааль от неистовства злых духов. И при этом еще люди всего племени благодарили Нонтому за ее доброту, ибо, не желая им зла, она сорвала украшения за внешней оградой. Сделай она это внутри крааля — и никакие жертвы не спасли бы их от бед.

Да, женские украшения — вещь нешуточная, и глуп тот, кто думает иначе.

Глава I

Когда хотят построить дом, приглашают мужчин, а они строго по кругу отрывают канавку шириной и глубиной в ладонь, а затем вбивают в нее жерди, которые составят каркас дома. Жерди задней стены переплетают более тонкими прутьями с тем, однако, чтобы оба конца этих прутьев уходили в канавку. То же самое делают и с передней стеной, оставляя в ней отверстие для двери. Потом приступают к постройке боковых стен. Когда стены доходят примерно до пояса, жерди начинают постепенно загибать внутрь дома и переплетают опорные жерди передней стены с задней, а правой с левой. Кровля получается двойной, причем места каждого пересечения жердей перевязываются травяной веревкой узлами наружу. Внутри дома вбивают несколько столбов с уложенными поперек балками, на которые опирают кровлю.

Решетчатые стены обкладывают длинной и сухой травой, равномерными слоями толщиной в две пяди, и дом готов.

Такой дом сохраняет тепло в холода и прохладу в самую сильную жару, дым очага, просачиваясь сквозь стены, выводится наружу, а прочный и упругий каркас успешно противостоит самым страшным ветрам.

Именно такой дом и отвели Нанди в краале Эси-Клебени. Он стоял третьим от дома вождя, ее мужа, и это означало, что Нанди здесь будет жить на правах третьей жены.

Только спустя некоторое время Нанди узнала, что дом этот был построен к ее приходу по настоянию Мкаби, первой, «великой» жены Сензангаконы, которая состояла в близком родстве с матерью Нанди. Фудукузи, вторая жена вождя, была бездетна. Единственный сын Мкаби недавно умер, и появление Нанди с крохотным Чакой явилось для нее некоторым утешением — ведь в жилах его текла родная ей кровь. Мкаби сразу же взяла Нанди под свое покровительство и часто защищала ее от нападок Мудли.

И первая же стычка произошла именно из-за дома. Всем был хорош этот дом, да только он буквально ничем не отличался от жилища любого подданного Сензангаконы. Поэтому, когда Нанди привели сюда из дома Мкаби, где она жила первые дни пребывания в Эси-Кле-бени, контраст ее жилища с домом «великой» жены неприятно поразил мать Чаки. Она тут же отправилась к Сензангаконе и попросила у него бычьего жира, который потом принялась тщательно втирать в земляной пол и так отполировала его плоским камнем, что вскоре и сам пол стал походить на черный блестящий камень. Стены дома она покрыла

тростниковыми матами и еще раз обвязала веревками. И вот дом получился па славу, но радость в нем так и не поселилась!

А ведь, казалось бы, ничто не предвещало Нанди беду в тот погожий день, когда юноша из ее родного крааля встретил в вельде своих сверстников из племени зулу. Те очень приветливо обошлись с ним и вкусно угостили. Вернувшись домой, он много говорил об этой встрече, а лучше всего он отзывался о юном вожде зулу — молодом и красивом Сензангаконе, который принимал участие в пиршестве. Послушать его, так это был просто образец того, каким должен быть мужчина, воин, вождь. Девушки крааля внимательно прислушивались к словам рассказчика, но внимательнее всех, что тут скрывать, слушала его Нанди. Никто бы не сказал о ней худого слова в то время, девушка она была красивая, работящая, разве только слишком уж избалованная вниманием молодых людей соседних краалей.

Она довольно быстро подбила своих подружек сходить поглядеть на этого необычайного человека. И вот, запасясь на дорогу снедью и сорговым пивом, девушки отправились в далекий путь.

Им без труда удалось отыскать место, где обычно собирались юноши зулу, и завести с ними разговор.

— Кто вы, красавицы, и куда направляетесь? — выкрикнул кто-то из толпы юношей.

— Мы из крааля И-Нгуга, а идем мы в гости в крааль Э-Нтузума.

Крааль Э-Нтузума лежал несколько в стороне, и было совершенно очевидно, что девушкам незачем было делать такой крюк, но никто не стал уличать их во лжи.

— А кто из вас дочь Бебе?

— Вот она, Нанди. — И кто-то вытолкнул Нанди в первый ряд.

— А зачем вы пришли сюда?

— Мы пришли сюда посмотреть на вашего вождя, — вызывающе ответила Нанди.

— А зачем вам глядеть на него?

— Потому что он мне нравится.

— А смогла бы ты отыскать его среди нас? — Этот вопрос задал самый рослый и нарядный из юношей. Сомнения Нанди окончательно рассеялись.

— Вот он, — сказала она, указывая на спрашивающего.

Однако приятную беседу пришлось вскоре прекратить, так как было уже поздно, а ходить ночью по вельду опасно. Путешествие свое девушки повторили на следующий день. На этот раз Нанди заметила, что и Сензангакона нетерпеливо

высматривает ее в толпе. Решив еще больше подзадорить его, она сделала вид, что собирается после долгого пути искупаться в реке. И тут ей удалось расслышать слова Сензангаконы, с которыми тот обратился к стоящему рядом с ним парню.

— Вон та, что стоит на камне у воды, — моя.

Девушки снова двинулись в обратный путь. После этого Нанди под любыми предлогами старалась вырваться из крааля, торопясь на свидание с молодым вождем пулу. Весь крааль следил за частыми ее исчезновениями, но это только льстило девическому тщеславию. И дело здесь было вовсе не в том, что ее избранник — вождь, Нанди, дочь и внучка вождя, не видела в этом ничего удивительного. То, что браки между зулу и э-лангени были под запретом, придавало их встречам особую прелесть. Однако все в краале знали, что подобные встречи ни к чему хорошему не приведут. Знала это и Мфунда, которая не раз предостерегала дочь. Но разве привяжешь девчонку к ограде крааля!

Беда не заставила себя ждать. Нанди поняла, что у нее будет ребенок. А тут еще, как назло, наступил период дождей, проделывать дальний путь к краалю зулу стало труднее. А может быть, все дело в том, что Сензангакона уже тогда охладел к ней?

Вина ее сразу же стала известна всем. По обычаям племен нгуни, к которым относились и зулу и э-лангени, девушки пользовались относительной свободой, но, однако, беременность незамужней накладывала пятно на весь крааль. Теперь уже требовалось вмешательство старших, чтобы уладить дела Нанди с Сензангаконой. Ей оставалось сидеть дома и стараться не показываться па глаза посторонним.

Правда, подружки Нанди предлагали самые сумбурные планы, которые в обычном случае, может, и привели бы к благополучному исходу, но сейчас речь шла о вожде, и притом вожде довольно сильного племени. Мфунда решила, что лучше всего будет направить, в крааль зулу посланцем человека заслуженного. И выбор пал на старого Синду. Но старик вернулся ни с чем, раздосадованный высокомерным приемом.

Однако Нанди все еще не теряла надежды и все эти долгие месяцы дожидалась посланцев из Эси-Клебеля. Готовясь стать матерью, она заботилась о своем будущем ребенке и, как каждая мать, делала псе, чтобы он родился сильным и здоровым. Особенно осторожной, ей приходилось теперь быть с пищей. Ведь если она, к примеру, будет столь неразумна, что поест мяса гвинейской курицы, то ее ребенок непременно будет некрасивым. Если поест зайца, то у ребенка будут безобразно длинные уши, а если отведает мяса ласточки, то отпрыску ее так и не удастся

свить себе гнезда. И уж, конечно, ей приходилось воздерживаться от мяса любых самцов.

Роды прошли благополучно. Женщины вырыли в задней части хижины ямку, обмазали ее коровьим пометом, потом налили туда пастой травы умлали и выкупали в нем новорожденного, чтобы он рос послушным ребенком — не плакал и не капризничал, если матери придется отлучиться. Затем роженицу и ребенка натерли красной глиной, а живот Нанди несколько раз туго обвили веревкой. В доме ей выделили отдельную ложку и миску — роженице нельзя пользоваться общей посудой.

Восемь дней провела Нанди в своей хижине, лежа на циновке из толстого тростника, и только на девятый день сняли с нее наконец веревку, перетягивающую живот, и вручили повязку умквила. По обычаю предков ей теперь надлежало бы угостить пивом помогавших ей при родах женщин и показать ребенка отцу. Но отец был далеко, и Нанди велели собираться в дорогу.

Когда невеселая процессия приблизилась наконец к краалю Эси-Клебени, женщины направились к дому вождя и сказали ему:

— Вот тебе! Там, у ворот, твой «жук» — Чака. Иди и бери его, ибо он твой.

Мудли, посмеиваясь, приказал заколоть быка для угощения женщин, а Нанди с Чакой увела в свой дом Мкаби.

И потянулись для Нанди тусклые и безрадостные дни. Мудли, невзлюбивший ее с самого начала, отравлял ей жизнь самыми различными способами, а если Нанди или Мкаби, не выдержав, шли к Сензангаконе с жалобой на него, тот даже и не пытался вникнуть в суть дела. Послушать Мудли, но Нанди и шагу ступить нельзя по краалю мужа, а вина ее так и будет всю жизнь тяготеть над нею и ее сыном. Он прямо так и сказал ей это во время одной из перепалок. И тогда Нанди охватил великий страх за сына.

Мир, который она еще так недавно воспринимала легко и бездумно, теперь оказался полным всяких опасностей. Чужие люди, профессиональные отравители, злобные соседи, знахари проходили мимо ее дома, они несли с собой разные магические снадобья, зловредные, чудодейственные. Даже запах этих ядов мог на пути или уже дома настигнуть ее, мог проникнуть к ребенку и привести к ужасным последствиям. Еще девушкой слышала она от матери о разных уловках злых людей и теперь хорошо знала, какие коварные козни подстерегают ее. Поэтому теперь она с большой осторожностью ходила по тропинкам, подбирая всякий подозрительный хлам на своем пути, и сжигала его на маленьком огне, специально разводимом для этого в доме, в сторонке от очага. В дыму этого огня она держала Чаку, чтобы

уберечь его от действия ядов.

Одно время Нанди даже казалось, что ей удалось окончательно вернуть любовь мужа. Она забеременела вторично, а вскоре на свет появилась Номцоба, но Сензангакона ждал сына, а может, это только Мудли внушил ему, что он его ждет, — и все опять пошло по-старому. Нет, не о такой жизни мечтала беззаботная дочь Мфунды. Другие жены Сензангаконы, а теперь у него появились еще две жены, часто наведывались к своим родственникам и возвращались из родных краалей с подарками и свежими новостями, но Нанди была лишена и этого. Забеременевшая в своем доме и отосланная в крааль мужа без обычного свадебного подарка родителям, она стыдилась появляться в опозоренном ею краале. И постепенно безрадостная любовь сменилась сначала безразличием, а потом и ненавистью. Все свои помыслы и надежды перенесла она теперь на сына, и если бывали теперь у нее какие-нибудь радости, то они непременно связывались с Чакой.

Сегодня именно такой день. Сегодня с восходом солнца ее сын впервые отправился вместе с другими мальчиками крааля на пастбище, гоня перед собой десятка полтора овец и коз из отцовского стада.

К этому событию, означавшему для мальчика первый шаг на пути к самостоятельной жизни, Чака готовился заранее. Нанди не раз замечала, как сын ее, пристроившись в укромном уголке, тщательно, не по-детски сосредоточенно строгал и полировал свои палки, которые будут его единственным оружием до совершеннолетия.

И вот он, важный и торжественный, как и подобает настоящему мужчине, отправился наконец на пастбище. Нанди не сумела скрыть своей радости. Полюбоваться первым выходом на пастбище своего любимца вышли и Мкаби с Лангазаной, четвертой женой Сензангаконы. А Нанди готова была бежать за ним и за ограду, да только боязнь смутить его удерживала ее. На обратном пути она внезапно обнаружила, что не только друзья решили проводить ее сына. В столь необычно ранний для него час Мудли вышел из своего дома и пристально глядел вслед маленькому пастуху. Более того — он улыбался. Терзаемая злыми предчувствиями, Нанди никак не могла бы догадаться, что Мудли следил не за важной и смешной в своей важности фигуркой маленького пастуха, а за сопровождавшей его собакой. У этого мальчишки всегда все было по-особенному! Мало того, что само появление его на свет наносило вред людям пулу, он чуть ли не с младенческого возраста резко выделялся среди сверстников. Нельзя сказать, чтобы был он чем-нибудь хуже других — скорее

наоборот. Мудли даже приходилось отгонять назойливую, все чаще возвращающуюся к нему мысль, что будь его сын таким, это только служило бы поводом для отцовской гордости. Сын Нанди и Сензангаконы унаследовал лучшее, что было у них: у Нанди твердость характера, а у Сензангаконы — его рост, стать, силу и мужественную внешность. Именно это и вызывало раздражение Мудли. Что приятного в том, что этот мальчишка возглавит в конце концов людей зулу. После всего, что произошло, пытаться сблизиться с Нанди для него бессмысленно, а она уж сумеет привить своему первенцу ненависть к источнику всех ее бед! Нет, в те отдаленные уже дни, когда только возникла связь Сензангаконы с Нанди, Мудли был отнюдь не против нового брака своего племянника, если бы брак этот пошел на пользу племени зулу. На его глазах рушились, ломались вековые традиции и законы, небывалую силу заполучали люди, принадлежавшие к родам, о которых в дни его, Мудли, юности никто и слыхом не слыхал. Поэтому вождь и обязан был выбирать себе жен в краалях тех людей, чья дружба и родство укрепили бы, поддержали бы престиж людей зулу. Нет, не только к власти стремился он, сознательно оттирая легкомысленного Сензангакону от управления делами племени. Что ему власть? Богаты его краали скотом и припасами, плодовиты и тучны коровы, да и на жен своих он не может пожаловаться — они растят ему здоровых и многочисленных детей. Но кто поручится за то, что скот этот не станет добычей все более крепнущих бутелези, а сыновей своих ему не придется отправить на службу к далеким и могущественным мтетва, ндвандве или гвабе, чьи вожди и пальцем не шевельнут, если кто-то нападет на краали зулу. А что принесет людям зулу противозаконный союз с э-лангени, кроме позора и всеобщих насмешек?! Добро бы еще были у Сензангаконы другие сыновья — наследники славы и доброго имени людей зулу. А ведь мальчишка растет на редкость складным, но еще неизвестно, чем это обернется, когда наступит время стать ему во главе племени. Правда, для него, для Мудли, это никак не может обернуться чем-либо хорошим. Впрочем, пусть себе наследует огромную, но уже начинающую затягиваться жирком тушу отца, пусть перенимает неистребимое упрямство и стремление выделиться матери — мудрости в совете ему наследовать не у кого. Взять хотя бы и эту историю с собакой. Испокон веков принято считать — собака призвана служить человеку, и не мудрено, что мальчишки всех краалей стараются взять их с собой на пастбище. Но и здесь сынку Нанди захотелось отличиться. Проявляя недетское упорство, он привадил к себе не обычную собаку инджа, отличающуюся добрым правом и

послушанием, а породы исика — злобную и строптивую тварь, неспособную к подчинению. Ну что ж, об охотнике судят не потому, сколько берет он с собой копий, а по тому, сколько дичи приносит он с охоты. Пусть Нанди наконец убедится, что отказ от общепринятого чаще всего чреват неприятностями. И Мудли усмехнулся.

Именно эту его улыбку и разглядела Нанди.

Широких дорог в вельде нет. Тропки прокладывают как кому заблагорассудится. Но у ворот крааля Сензангаконы трава была вытоптана, и скот, отправляясь на пастбище, подымал тучи пыли, несмотря на обильную утреннюю росу.

Впереди под присмотром ребят постарше, уже почти юношей, важно и неторопливо шествовали быки с коровами, а сзади, подбадриваемая криками мальчишек, дробно перебирая копытцами, семенила плотно сбившаяся в кучу отара овец. Самым маленьким доводилось плестись в хвосте, они-то и страдали больше всего от пыли. Неунывающие мальчишки, уже давно привычные к такому порядку, весело перекликались между собой, и только Чака, впервые отправившийся на выгон и не вполне уверенный в себе, вышагивал молча. Неуверенность эта была отнюдь не страхом перед тем, что он не справится со своими новыми обязанностями. Выросший в краале, он уже знал все, что следует знать о долге мужчины и воина. Дело в том, что чуть в стороне и позади стада независимой рысцой трусил его недавно обретенный друг И-Мини. Подружился с ним Чака недавно, и дружба эта была настолько примечательной, что привлекла внимание даже жителей соседних краалей. Произошло это не более одной лупы назад, когда Чака, обиженный в игре старшими, спрятался от всех в укромном уголке на самом солнцепеке, за оградой крааля. Честно говоря, все его силы уходили на то, чтобы не расплакаться. Он сидел, мрачно уставившись в землю и перебирая в уме кары, которым следовало бы подвергнуть обидчиков, но, кроме колдуна верхом на гиене, который увел бы их всех в лесную глушь, он так ничего и не придумал. И надо же, чтобы именно в тот момент, подняв глаза, он увидел в двух шагах от себя страшную гиенью морду. Чака оцепенел от ужаса, и прошло немало времени, пока он наконец понял, кто перед ним. Нужно отдать мальчику должное — зверь этот, хотя и чуть ниже ростом, мало чем отличался от гиены: тупая морда, светло-коричневая шерсть и грива могли ввести в заблуждение и взрослого. Конечно же, это исика. Собак этой породы держат иногда в краалях из-за их смелости на охоте, но недолюбливают за свирепый и независимый нрав.

Мальчик сидел не шелохнувшись. А пес, чуть опустив голову,

мрачно уставился Чаке куда-то в переносицу, как бы выжидая, что тот предпримет. И Чака заговорил с ним. Он называл его самыми ласкательными именами, своим другом и даже, решившись на явную лесть, своим братом. Может, именно это и подействовало. Во всяком случае, Чаке показалось, что пес смотрит на него менее настороженно. Мальчик шевельнулся, пытаясь встать, и тут же шерсть на загривке пса вздыбилась. Тогда Чака решил испытать другое средство: он принялся перечислять те лакомства, гостинцы, которыми он оделит своего нового знакомого, и, перечисляя их, увлекся настолько, что чувство страха совершенно незаметно для него самого уступило вдруг место острому чувству голода. Он сулил псу груды самых вкусных вещей и все явственней ощущал, что у него все сильнее сосет под ложечкой. Собака, привычная только к резким и повелительным окликам, вслушивалась в его слова с благожелательным вниманием. «Мясо, много мяса!» — уже почти выкрикивал Чака, все более воодушевляясь. И пес, казалось Чаке, поверил ему. Во всяком случае, когда Чака поднялся, шерсть на собачьей холке лежала спокойно. Вдоль внешней ограды Чака двинулся в сторону ворот, и пес сделал несколько неуверенных шагов вслед за ним, но потом врожденная осторожность взяла верх, и он с независимым видом уселся на траве. Оглянувшись, мальчик увидел, что пес внимательно и как бы выжидающе смотрит ему вслед, но, когда их взгляды встретились, исика отвернулся и лениво зевнул.

У ворот крааля мальчик увидел пригнанное на дневную дойку стадо. А это означало, что наступило время полдника. Хотя обычно пищу для Чаки и Номцобы готовила Нанди, Чака знал, что сегодня Мкаби стряпает отцу особое лакомое блюдо — у-билебиле — рубленое жирное мясо, сваренное вместе с бобами и овощами. И поэтому, несмотря на голод, Чака не очень спешил домой. Уж кому-кому, а ему, баловню Мкаби, наверняка перепадет что-нибудь с отцовского стола. И это было очень удачно, ибо как же иначе он смог бы выполнить обещание и принести собаке гостинцы. Ведь обычно, как и положено, он ел в доме Нанди на мужской половине, но выносить с собой пищу из дома ему никогда не приходилось: в этом не возникало надобности, а если бы такая потребность и возникла, то он все равно не смог бы этого сделать. Как и все остальные ребята крааля, он разгуливал голышом, а в руках разве будешь носить пищу? Но сейчас только правила приличия по позволяли Чаке наскоро проглатывать еду, подаваемую Нанди. Прополоскав рот холодной водой и вторично вымыв руки, Чака сразу же бросился вон из хижины. Но ждать ему пришлось довольно долго. Его отец, великий вождь Сензангакона не был связан обещанием и поэтому

ел, как всегда, неторопливо и обильно, запивая каждое блюдо добрым кувшином пива. Чака уже совсем было приуныл, но тут из-за дома вождя показалась Мкаби, которая, заговорщицки улыбаясь, вдруг протянула ему кувшинчик. Чака сначала удивленно уставился на нее, но, почувствовав теплоту сосуда, сунул руку внутрь и, все еще недоумевая, облизал пальцы. Да, конечно же, это у-билебиле! Мкаби молча удалилась, а Чака по давно заведенному между ними порядку отправился в укромное местечко, чтобы на досуге и вдалеке от посторонних глаз насладиться пищей вождя.

Горшок успел уже изрядно поостыть, и мальчик несколько раз осторожно спивал вкусную жижу, честно оставляя мясо и бобы на дне сосуда. Потом он предусмотрительно сорвал несколько крупных листьев и отправился на поиски. Вновь обретенного друга он нашел довольно быстро. При его приближении пес настороженно вскочил, но не убежал. Чака напомнил ему о своем обещании, а потом выложил часть гущи на лист и протянул псу. На этот раз тот с рычанием отскочил в сторону. Чака положил угощение на траву, а сам, продолжая ласково приговаривать, отошел на пару шагов в сторону. Вздыбив на загривке шерсть, пес осторожно подошел к гостинцу и долго принюхивался. Чака неосторожно шевельнулся, и пес зарычал. Потом уже Чака не двигался, пока пес не расправился с первой порцией. Чака положил пригоршню жирной массы на новый лист и протянул его псу, по тот так и не тронулся с места. Пришлось Чаке снова отойти в сторону, оставив лист на земле. Так повторялось несколько раз, пока они окончательно не расправились с содержимым горшка. Теперь предстояло самое неприятное — отправиться к ручью и самым тщательным образом вымыть горшок. Операция эта — чисто женское занятие — несколько ущемляла мужское достоинство Чаки, но тут уж ничего не поделаешь — ведь только под таким предлогом Мкаби и могла подсунуть своему любимцу лакомства с отцовского стола. Пес вслед за мальчиком отправился к ручью и, более того, на обратном пути шел за ним до самых ворот крааля. У ручья Чака и дал имя своему приятелю. Время было полуденное, и Чака назвал его полднем — И-Мини.

И вот теперь этот новоявленный друг счел своим долгом сопутствовать Чаке в этот столь важный для него день.

На пастбище все шло поначалу обычным путем: старшие ребята погнали коров с быками дальше, на более сочную траву, а Чаке вместе с младшими мальчишками, пасущими, как и он, овец и коз, пришлось остаться на том месте, где всего несколько дней назад пасся крупный рогатый скот. Овцы довольно быстро

сбились в общую отару, а ребята занялись своими мальчишескими делами, только изредка отрываясь от игр, чтобы вернуть особенно далеко отбившуюся овцу или козленка. Чака неплохо подготовился не только для трудов мужчины, но и для игр со сверстниками.

Несколько дней назад он вылепил из глины и тщательно высушил на солнце фигурку быка, чуть подлиннее собственной ладони. Правда, у быка этого вместо ног торчали короткие обрубки, но не ноги были у него самым важным, а рога, и Чака немало попотел над ними — они получились не слишком длинными и не слишком толстыми — в самый раз. Теперь он сразу же решил испытать их прочность на деле. Еще до того, как он был допущен к пастьбе овец, ему не раз доводилось следить за играми других ребят — зажав в руках глиняные игрушки, мальчики заставляли их бодаться и старались при этом обломать рога бычку противника. Игра получалась весьма азартной, поскольку окружающие громкими криками подбадривали противников, принимая сторону того или другого. Игра эта столь широко распространена, что о человеке, совершившем опрометчивый поступок, говорят, что он поставил не на того быка.

Даже здесь, среди маленьких пастушат, Чака оказался самым младшим. Он понимал, что его не особенно охотно допустят к игре, ибо какая честь от победы над мальчишкой, впервые появившимся на пастбище. Выйди же Чака победителем, проигравшему никак не избавиться от неминуемых насмешек. Но Чака знал, что бычок его хорош, и терпеливо дожидался своего часа. На пастбище, как и повсюду, были свои заводилы. Двое подростков, которым уже в недалеком будущем предстояло перейти на новую, более высшую ступень и стать пастухами коров, считались здесь непререкаемыми арбитрами в играх и мальчишеских спорах. По давно заведенному порядку они первыми затеяли поединок. Остальные обступили их настолько плотным кольцом, что Чака оказался вообще оттертым в сторону. Потоптавшись на месте, он наконец обошел играющих по кругу, но, кроме тесно сгрудившихся спин, так ничего и не увидел. О ходе сражения он мог судить только по отдельным выкрикам более счастливых зрителей. И тут мальчик снова обратил внимание на И-Мини. Пес лежал, опустив тяжелую голову на лапы, и только изредка поглядывал на пастухов, в шумной ватаге которых затерялся его любимец. Теперь же, когда и Чака оказался за пределами круга играющих, пес поднялся и выжидающе глянул на него, как бы напоминая, что пора возвращаться в крааль. Он еще не знал, видимо, что отныне Чака должен ежедневно

пребывать на пастбище. И мальчик решил не подходить к нему — пусть привыкает.

Поединок затягивался, видимо, силы и искусство сражающихся были равными. Потом взметнулся дружный вопль, и круг немного раздался. Чака тут же протиснулся в пего и увидел, что на траве, торжествующе подняв своего неповрежденного бычка, сидит Мзики. Его более рослый соперник только что грохнул поломанную фигурку оземь и что-то сердито объяснял своим сразу погрустневшим сторонникам. Мзики без особого труда обломал рога быкам еще двух мальчишек и ждал новых противников. Но никто из ребят не отзывался, возможно, им просто жаль было своих игрушек. И тогда Чака присел на корточки напротив Мзики, крепко сжимая в ладони своего бычка. Мзики, который, несмотря на малый для мальчика его возраста рост, был все же на добрую голову выше Чаки, для начала обрушил на своего противника целый град насмешек.

В словах его вроде бы не было ничего обидного — он называл Чаку «великим сыном великого вождя», сыном «великого воина», «непобедимым», да только тон этих похвал был настолько издевательским, что все постепенно принялись хохотать. Чака терпеливо сносил насмешки, медленно пододвигая своего бычка к бычку Мзики. Тот решил было расправиться с ним сразу и, зацепив рогом за рог, стал с силой поворачивать бычка. Но Чака крепко вцепился в глиняную фигурку, пытаясь ни в чем не уступить противнику. Тут Мзики, чувствуя, что может обломать рога у своей игрушки, ослабил нажим и резко повернул руку в обратную сторону, но и на этот раз у него ничего не получилось. Зрители хранили молчание, и до Чаки доносилось только их взволнованное сопение. Полагая, что Чака не вполне знаком с правилами игры, Мзики решил пойти на явное плутовство и принялся толкать рог Чакиного бычка лбом своей игрушки, но тут за Чаку вступился Мвази, и все опять началось сначала.

У Чаки уже стала затекать рука — он, видимо, от излишней старательности и из боязни нового подвоха слишком сильно сжимал фигурку, но и Мзики, одержав столько побед, успел изрядно утомиться. Однако интерес присутствующих не ослабевал. Теперь уже раздавались подбадривающие крики в адрес Чаки, а больше всего тут усердствовали посрамленные сторонники Мвази. Вдруг послышался чей-то крик:

— Эй, Чака! «Подарок» отца уходит к бутелези…

К этому Чака никак не был подготовлен. Он, правда, сразу понял, о чем идет речь. «Подарком» называли одну из овец его отца, но в краале никто не осмеливался произносить эту кличку вслух. Не вполне понимая, каким образом овца может влиять на

престиж вождя, его отца, Чака все же невзлюбил ее, а странная окраска этой овцы только лишний раз напоминала и ему и всем окружающим о ее существовании.

Появилась она в краале недавно, и связано это было с событиями, неприятными не одному только Сензангаконе, но и всем людям зулу. Примерно две луны назад, выведенный из себя все учащающимися нападками бутелези, Сензангакона решил разрешить спор оружием. Из дальних краалей были срочно собраны молодые люди вдобавок к тем двум-трем десяткам воинов, которые постоянно находились при вожде. Решив тряхнуть стариной, пришли и ветераны, хорошо помнившие сражения еще при отце Сензангаконы, который в молодости был известным забиякой. Бутелези был послан вызов, а женщины тут же принялись готовить пиво. В назначенный срок Сензангакона велел заколоть двух быков из своего стада, и наутро вся его армия, насчитывающая сотни полторы воинов, двинулась на бутелези. За воинством увязались женщины с пивом и подростки с различной снедью.

Да только ничем хорошим это не закончилось. Храбрецы бутелези настолько досадили воинам зулу своими насмешками, что те, метая на ходу копья, бросились на врага. Все разгорячились до того, что успели метнуть в противников по три копья, пока добежали до укрывающихся за щитами врагов, а поскольку почти все они только и имели по три копья, то оказалось, что большинство подбежало к врагам, в сущности, безоружными. Тут-то бутелези, не теряя времени зря, и захватили изрядную часть воинов зулу в плен. Самое обидное во всем этом было как раз то, что во главе атакующих зулу находился Сензангакона. Именно он и подал пример несдержанности, за что и поплатился, попав одним из первых в плен.

Крепкого и вкусного пива наварили женщины зулу, да только потчеваться им довелось бутелези. Потери с обеих сторон были невелики, а захваченные пленные и, главным образом, пиво привели бутелези в благодушное настроение, поэтому, кода к краалю победителей подходило их войско, ведя под конвоем незадачливых зулу, недавние противники уже перекидывались шутками, а в краале Пунгаше, вождя бутелези, дело и вовсе завершилось общей пирушкой.

Правда, женщинам зулу пришлось с поля боя отправляться несолоно хлебавши за скотом, чтобы выручать своих соплеменников. Выкуп потребовали нетяжелый, только за Сензангакону Пунгаше запросил трех быков.

Наутро женщины зулу под эскортом нескольких старых воинов пригнали к воротам крааля Пунгаше скот, и пиршество

возобновилось с новой силой. Теперь, когда самое неприятное осталось позади, вчерашние противники вели себя как старые и добрые друзья, какими они, по сути дела, и были. Пунгаше усадил Сензангакону рядом бой на почетном месте и угощал его самыми изысканными блюдами. Сензангакона же, изрядный знаток яств и большой любитель выпить, не скупился на похвалы щедрому хозяину. Особенно он расхваливал поданную баранину. Баранина и впрямь была хороша, кроме того, не хвалить же ему мясо быков из собственного стада. Явно польщенный Пунгаше предложил своему пленнику-гостю осмотреть его отару, а отару эту — предмет зависти соседей — посмотреть стоило. Овцы были подобраны одна к одной, и все они были невиданной масти — белые, с черно-коричневой головой. Тут уж Сензангакона, не кривя душой, принялся осыпать похвалами и доблести Пунгаше, и достоинства его стад. Кончилось это все тем, что когда воины зулу, изрядно отяжелевшие от выпитого и съеденного, двинулись наконец к своему краалю, во главе их вышагивал Сензангакона, гордо таща за собой на веревку подаренную ему Пунгаше темноголовую овцу. Путь был неблизким, и молодые воины несколько раз предлагали вождю взять на себя заботы о животном. Но Сензангакона не уставал твердить, что это подарок его друга и даже более того — залог благополучия не только его, Сензангаконы, но и всех людей зулу.

В краале выяснилось, что предусмотрительные женщины унесли на поле битвы далеко не все заготовленное пиво, да к тому же наварили и нового, справедливо полагая, что мужчинам захочется запить им горечь поражения. Запас оказался порядочным, и Сензангакона решил, что не имеет смысла откладывать пирушку на завтра. Наскоро умывшись с дороги, он тут же потребовал пива и принялся угощать им свих соратников. Далеко за полночь он велел привести овцу из крааля Пунгаше прямо к своему дому и принялся расхваливать ее. Кувшины с пивом ходили по кругу, а у овцы обнаруживались все новые и новые достоинства.

Из речей Сензангаконы явствовало, что он не так уж прост и сражение с бутелези было затеяно им не зря. Подумаешь, одно проигранное сражение! Но ведь зато люди зулу заполучили теперь овцу бутелези, потомство которой насытит все их краали! Подумаешь, три быка, да ведь отара таких овец стоит сотни отборных быков. И более того, ценой малой крови люди зулу пользуются теперь дружбой и расположением могущественных соседей. Разве это не так? Вот перед ними подарок его друга Пунгаше, залег прочности их союза.

Пиршество закончилось уже на рассвете, а наутро и сам

Сензангакона позабыл многое из сказанного им этой ночью. Но с легкой руки какого-то остряка за диковинной овцой прочно закрепилась кличка «Подарок».

И вот именно эта овца, только недавно пущенная в отару, отбилась сейчас от своих товарок. Может, она и впрямь решила отправиться па поиски стада Пунгаше? Обычно овцы пасутся тесно сбитой массой, и вернуть в отару отбившуюся овцу не составляет никакого труда. Потому-то присматривать за ними поручают самым маленьким. Но тут было что-то новое: овца, точно заранее наметив себе определенную цель, рысцой двинулась в путь.

Так и не выпуская из руки бычка, Чака наспех подобрал свои палки и бросился в погоню. Но не тут-то было — овца тоже припустила. Чака уже успел здорово запыхаться, когда заметил, что вслед за ним с мягко подрагивающей холкой, размеренной рысцой трусит И-Мини. Овца успела удрать так далеко, что среди высокой травы мелькала только ее спина. Тогда Чака, окончательно отчаявшись, вспомнил об И-Мини. А что, если тот сумеет ему помочь?

— Вперед, И-Мини, вперед! — выкрикнул он и указал рукой на удаляющуюся овцу. Пес как будто только и дожидался этого. Тяжелыми прыжками он бросился вперед, стремительно сокращая расстояние. Чака в изнеможении опустился на траву, но тут же встал, желая посмотреть, как пес справится со своей задачей. Поведение И-Мини ничуть не походило на поведение пастушеских собак. Догнав овцу, пес бросился к ней, та метнулась в сторону, но он двумя прыжками снова настиг ее. И что самое удивительное, Чака так и не услышал обычного лая. Потом и овца и пес вовсе исчезли в траве. Предчувствуя недоброе, Чака побежал из последних сил. То, что он увидел, превосходило самые мрачные его предчувствия. Нелепо подвернув голову, ни траве лежала овца, а чуть в стороне от нее сидел И-Мини, спокойно, с полным сознанием выполненного долга дожидаясь своего маленького хозяина. Все еще рассчитывая на что-то, Чака с трудом повернул овцу на бок и увидел на ее горле страшную рваную рану. Не зная, что предпринять, Чака обежал к мальчишкам. Теперь уж было не до игр. После долгих и безуспешных споров решили, что все равно придется дожидаться дневной дойки. В полдень двое старших ребят на палке понесли задушенную овцу к краалю. Шагали молча. В хвосте процессии понуро тащился Чака.

Сензангакону охватил великий гнев. Распаляясь все больше от собственных слов, он кричал, что этому мальчишке ничего нельзя доверить, что теперь рухнуло благополучие его дома, что

неблагодарный сын хочет разорить его, что из-за нерадивости Чаки пропали теперь те три быка, которые якобы были внесены в обмен за овцу. Понимая несправедливость своих слов, Сензангакона окончательно обозлился и решил было собственноручно выпороть Чаку. Но тут вмешалась Нанди. Она тоже не выбирала выражения, а если и выбирала их, то только для того, чтобы побольнее уязвить самолюбие своего мужа и вождя.

Совершенно позабыв о сдержанности и почтении, она кричала, что Чаке не за что быть благодарным отцу, что овца это и есть овца, а никакой не бык и тем более не три быка, что Сензангакона уж больно щедр, когда речь идет о выкупе его собственной персоны, но что когда следовало послать быков ее, Нандиным, родным, он не проявлял такой щедрости, что если бы ее муж не был толстой и трусливой бабой, то люди зулу захватили бы весь скот бутелези, а не выпрашивали бы у них овец. Все это она вопила так громко, что ее было слышно и в соседних краалях.

Сензангакона сначала опешил от ее ярости, но обвинения в трусости он уж никак не мог стерпеть.

— Можешь убираться к своим э-лангени, которые так щедры на девушек с детьми, — закричал он во всю мощь своих легких. — Убирайся к ним со своим Чакой — все равно этот мальчишка ни на что не пригоден.

Нанди бросилась к своей хижине, так сильно рванув за собой Чаку, что тот чуть было не свалился от неожиданности. Там она торопливо собрала нехитрые пожитки и наспех завернула их в циновку. Посадив на спину маленькую Номцобу, взяв за руку Чаку, с циновкой под мышкой, она вышла за ворота крааля и, ни разу и не оглянувшись на дом, в котором провела семь безрадостных лет, зашагала в сторону родного крааля.

Путь их пролегал через пастбище. На вытоптанной траве валялся брошенный в спешке глиняный бычок Чаки, но мальчику даже в голову не пришло его поднять.

Глава II

Неожиданное возвращение Нанди с двумя детьми в крааль И-Нгуга не обрадовало никого. По настоянию Мфунды ее временно поселили в доме младшей сестры, которая уже подросла настолько, что пожелала жить в отдельной хижине. Потом мужчины построили Нанди собственный дом, да так этим все и ограничилось. Положение в краале было весьма незавидным. В ее возрасте, да еще с двумя детьми полагалось бы иметь свое хозяйство. Но основа благосостояния — скот, а откуда было его взять? Вот и пришлось ей жить при матери на положении не то помощницы, не то нахлебницы. И хотя ока честно трудилась не покладая рук, родные косились на нее. Правда, никто не попрекал ни ее, ни детей съеденным куском, но, сколько бы ни работала она дома и в поле, воспринималось это как должное. Чака с первых же дней исправно ходил па пастбище. Он ревностно выполнял обязанности пастуха, однако против него тут же ополчились сверстники. Судьба Нанди и ее детей была предметом всеобщего обсуждения, и мальчишки изощрялись друг перед другом в придумывании различных способов досадить Чаке и его матери, опозорившим все племя. Заступиться за них было некому, а возможность безнаказанно поиздеваться над сыном вождя только больше подстегивала изобретательность его мучителей. Будь Чака сдержанней или научись он терпеливо сносить обиды, всем, может, и наскучило бы вскоре это занятие. Но смирению он так никогда и не научился, постоянно заводя с обидчиками безнадежную драку. Более того, всякий раз, когда Нанди удавалось добиться у обычно скрытного Чаки признания в причиненных ему обидах, она подымала крик на весь крааль, над чем немало потешались его обитатели.

Выделяясь ростом и силой среди своих сверстников, Чака мог бы легко победить в драке любого из них, но в том-то и дело, что ему никогда не удавалось встретиться с противником один на один. Тогда он выработал новую тактику. Отбросив принятый среди мальчишек всего мира | ритуал вступления в драку, он молниеносно бросался на обидчика и успевал задать ему жестокую трепку до того, как к тому поспевали на выручку товарищи. Желающих задирать его становилось все меньше и меньше. Привычка рассчитывать только на собственные силы была, таким образом, привита ему в самом раннем возрасте, а положение отщепенца и постоянная угроза оказаться высмеянным заставляли его с особой тщательностью следить за своими поступками. Все реже вспоминалась ему жизнь в отцовском

краале, и, если бы не Нанди, он, возможно, и вовсе позабыл бы о тех днях. Однако но вечерам Нанди, страдая от униженного положения в родном краале, пыталась подыскать слова утешения и заглушить собственную боль. Утешая сына, она постепенно и сама поверила, что мальчику се предстоит славная и завидная доля, что все свалившиеся на их головы беды — лишь временные испытания, а пройдя их, ее сын, ее огонек — ум-лилване — как она называла его, прочно займет в жизни то высокое место, на которое он имеет полное право и по рождению и по своим качествам.

Постепенно Нанди сдружилась с Нцевой, которая вышла замуж за одного из обитателей И-Нгуга. Она выросла у истоков реки Аматпкулу в племени ама-мбедвенн и здесь, среди э-лангени, чувствовала себя неуютно и одиноко. Нцева часто рассказывала Нанди о своих родных местах, и если верить со словам, в мире трудно найти людей более достойных, чем ее соплеменники.

Родные места ее были далеко, и она очень редко могла навещать своих родственников. Обычно она делала это в период дождей, когда трудовая жизнь крааля затихала, и проводила там по нескольку дней. Каждый раз Нцева звала с собой Нанди, как бы понимая, что той бывает особенно тоскливо в эти ненастные дни. Нанди отправилась бы из крааля куда угодно, только бы не видеть опостылевшие ей лица, но решилась она на такое длительное путешествие только тогда, когда Чака уже подрос достаточно для того, чтобы уметь постоять не только за себя, по и за сестру.

А Чака тем временем превратился в подростка, и ему доверили присматривать па пастбище за быками. Если он чем и отличался от своих сверстников, то разве только некоторой нелюдимостью и серьезностью не по годам. Забота о матери рано легла па его плечи, поэтому он всячески старался облегчить ее участь. Так, если остальные пастушки занимались обычными детскими играми просто ради того, чтобы дать выход кипучей мальчишеской энергии, то Чака пытался извлечь из этих развлечений максимальную пользу. А игры эти, состоящие в большинстве своем из подражания делам взрослых, помогали мальчикам стать достойными мужчинами. Так, ребята скатывали с холма шарообразный, величиной в среднюю дыню корень растения интсема и, рассыпавшись по склону холма, метали в него свои игрушечные копья. Здесь у Чаки не было соперников. Несколько уступал он в другой игре, при которой по земле разбрасывались ягоды: в них нужно было попасть маленькой заостренной палочкой. Палочку упруго зажимали между

мизинцем, большим и средним пальцами и с силой бросали в цель. Наградой служила приятная на вкус ягода. Впрочем, Чака давно уже считал это занятие детской забавой.

Особенное искусство он проявил при ловле птиц. Он умел расставлять индлване — силки из укрепленной на колышках петли, настраивал исифе — ловушку-давилку из плоского камня, опирающегося на хитроумно поставленные палочки, пользовался также и силками с клеем. Он никогда не упускал случая принять участие в охоте на птиц со старшими ребятами, которые уже имели собак и пользовались метательными дубинками. Правда, добиться того, чтобы его приняли в свой круг старшие, было нелегко. И вовсе не потому, что Чака был еще мал или неловок на охоте. Дело в том, что вся добыча по неписаному, но бесспорному закону принадлежала отцам малолетних охотников, а поэтому «послушные дети», приносящие отцу дичь, никогда не пользовались результатами своих трудов — им доставались только жалкие объедки. Вот ребята и жарили тут же в поле «утаенную» дичь, Однако Чака всегда старался принести всю свою добычу матери, прекрасно сознавая, что для них, не имеющих собственного скота, птичье мясо является немалым подспорьем. Аппетитный запах поджаренной дичи доносился до соседних домов, и раздразненные им отцы семейств не скупились на упреки своим сыновьям, ставя тем в пример старательность и добычливость Чаки. Само собой разумеется, что упреки эти не помогали Чаке завоевать расположение сверстников и более старших ребят.

Однажды Нанди принимала гостей. С визитом к ней пришла из далекого крааля Эси-Клебени Мкаби в сопровождении Мкабайи и Лангазаны. Они притащили с собой множество гостинцев, и в хижине Нанди было устроено настоящее празднество. До поздней ночи просидели они при свете очага, делясь новостями о женитьбах, рождениях и смертях. Воспользовавшись тем, что Мкабайя вышла поболтать с одной из своих приятельниц, Мкаби более свободно заговорила о семейных делах Сензангаконы. Нет, пусть Нанди не думает, что только ей пришлось пострадать из-за сумасбродства вождя зулу. Сензангакона окончательно запутался. Естественно, вождю незачем ограничивать себя двумя-тремя женами, но ведь существует порядок, и муж должен каждой из них указать ее место. Взять хотя бы эту Биби. После того как она родила Сензангаконе сына Сигуджану, на нее совсем не стало управы. Как будто у вождя зулу нет других сыновей — например, Бакуза, сын Сензаны дочери Сондабы, не говоря уже о первенце Чаке, а кроме того, разве Мкаби кто-либо лишал ее прав первой и

«великой» жены Сензангаконы? Но не только в этом корень бед людей зулу. Вождь их, несмотря ни на что, продолжает считать себя непревзойденным воином. Вбил себе в голову, что может тягаться с Мацингвааном, вождем цуну, и вечно ввязывается в ссоры с воинственным соседом, и каждый раз домочадцам приходится гнать скот в качестве выкупа, дабы вернуть незадачливого вояку к родному очагу.

Подруги торопливо, перебивая друг друга, рассказывали подробности, а Нанди время от времени поглядывала на правую половину, где давно уже спал крепким сном Чака. Слушая историю злоключений ненавистных ей зулу, она окончательно уверилась, что только под властью ее сына они сумеют восстановить былую репутацию.

На следующее утро Чака отправился на пастбище в особенно радостном, приподнятом настроении. Впервые за много лун ему казалось, что в вельде просто скучно, что солнце слишком медленно ползет по небосводу и долгожданный полдник так никогда и не наступит, — Чаке не терпелось вернуться домой, где его ждали добрые тетки. Но нее шло своим чередом, и он, постепенно успокоившись, принялся более тщательно следить за стадом, может только чуть чаще, чем обычно, срываясь с места, чтобы прикрикнуть на отбившегося от стада быка. Возможно, не будь он с утра так возбужден, ему никогда бы ц не удалось обнаружить черную мамбу. Собственно, поначалу он и впрямь ничего не разглядел. Он только заметил, как огромный бык, краса и гордость всего стада, вдруг как-то странно шарахнулся в сторону, а потом замер на месте, низко опустив украшенную грозными рогами голову. Чака сразу понял: случилось что-то неладное. Соседние быки испуганно бросились врассыпную, а значит, это не леопард и не какой-либо другой крупный хищник. Ведь в подобных случаях быки сбиваются в круг, прикрывая тяжелыми рогами упрятанных за их спинами коров и телят.

Мальчик закричал на бегу, пытаясь отогнать неведомого зверя, и уже почти вплотную приблизился к быку, когда увидел наконец змею.

Змеи бывают разные — злые и добрые. Добрые — в первую очередь ииьяндезулу и умхлавази, обе зеленого цвета. Первая из них покрупнее и пользуется особым почетом, ибо в нее перевоплощаются после смерти верховные вожди и их ближайшие родственники. Встречается она редко. Сам Чака, например, ее никогда не видел. Умхлавази поменьше, длиной не более руки взрослого человека. Змея эта ярко-зеленого цвета с темными пятнами по бокам и черной полосой по спине. Ее облик часто принимают после смерти люди, некогда жившие в том краале, где

она поселилась. Бывает, правда, и так, что глава крааля, если умер он очень старым, превращается после смерти в толстую и крупную змею коричневого цвета — умсенене. Женщина же, какое бы высокое положение ни занимала она при жизни, после смерти может принять облик всего лишь умабибини — небольшой темно-коричневой змейки. Всего несколько дней назад один из пастухов указал Чаке на такую змею, утверждая при этом, что именно в нее перевоплотилась якобы его недавно умершая бабка. Парень был намного старше Чаки, поэтому тот не стал с ним спорить, хотя и младенцу понятно, что такая древняя старуха могла вернуться на белый свет только в образе ящерицы-саламандры, а никакой не змеи. Добрые змеи никогда не причиняют зла и мирно живут в краалях, а иногда даже и в хижинах, где никому и в голову не приходит обижать их. Совсем иное дело злые змеи — так называемые мамбы. К ним относятся черная мамба, хохлатая, коричневая, зеленая и зелено-полосатая. Все они ядовитые, и встреча с ними не сулит ничего хорошего.

Змея, которую увидел Чака, относилась к самой страшной их разновидности — черпая мамба. Ужалив быка, она пыталась теперь скрыться в зарослях кустарника. Чака понял, что быка уже не спасти, но и упускать ядовитое чудовище было нельзя.

— Мамба, мамба! — закричал Чака, пытаясь призвать на помощь товарищей, но крик его лишь окончательно перепугал пастухов, никто и не подумал поспешить ему на выручку… Еще не поздно было вернуться, и никто не посмел бы упрекнуть его в робости. Но вместо этого мальчик швырнул в змею увесистый камень. Перед нею лежала свободная от травы пролысина, и тут только Чака разглядел змею во всю ее гигантскую длину. Почти не шевелясь, чуть приподняв узкую треугольную голову, сверкая на солнце маслянисто-черной спиной, мамба как бы стекала по склону холма, но чтобы не отстать от нее, приходилось бежать изо всех сил. Палки мешали ему, и на бегу он начал метать их в змею, стараясь попасть в голову. Только одну из них, настоящую боевую дубинку, он предусмотрительно переложил в левую руку. Дубинка эта — предмет зависти остальных мальчишек — была самым настоящим оружием юноши, и Чаке носить ее было рано. Но тем не менее он все же старательно выточил ее из самого твердого дерева умсимбити и придал ей форму булавы. Древко ее длиной в руку закапчивалось массивной шарообразной шишкой величиной в два кулака. Подражая взрослым, он старательно отполировал ее поверхность жиром.

Чака вспомнил о том, что во время кладки яиц черные мамбы сами бросаются на людей и преследуют их по вельду с необычайным упорством. Но змея не проявляла агрессивности.

Миновав лощинку, разделявшую два холма, змея поползла вверх по каменистому склону. Мальчик сразу же стал отставать. На пути мамбы лежал большой плоский камень, и она представляла собой отличную мишень, когда, приподняв голову, пыталась переползти через него. Чака не сдержался. Палица его, описав короткую дугу, с треском ударилась о камень, отскочила и покатилась вниз к его ногам. Первое мгновение он думал, что промахнулся, но тут началось самое страшное: тело змеи гигантской плетью сверкнуло в воздухе и с влажным шлепком плюхнулось рядом с ним, только теперь Чака разглядел ее ослепительно белое брюхо. Он едва успел подхватить дубинку и отскочить в сторону. Не решаясь повернуться к мамбе спиной, Чака попятился, но, наткнувшись на какой-то куст, потерял равновесие и упал. «Конец», — пронеслось у него в мозгу. Он почти тут же вскочил, но весь успел покрыться холодной испариной. Змея делала какие-то странные движения, и только хвост ее с силой хлестал по сухой траве, оставляя на ней пыльные полосы. Дубинка Чаки перебила ей хребет. У Чаки поначалу просто не было сил, чтобы убежать, но потом он вдруг понял, что опасность миновала. Держась от нее на всякий случай подальше, он, тщательно примерившись, снова метнул дубинку. На этот раз она точно попала в голову мамбы. Потом он несколько раз спускался к подножию холма, чтобы насобирать камней, и долго еще кидал их в раздробленную змеиную голову. Наслышавшись рассказов о необычайной живучести этих гадов, он боялся, что стоит ему уйти, как мамба оживет и скроется. Хвост змеи все еще колотился по земле, но удары его были уже совсем вялыми. Мальчику стало ясно, что теперь змея никуда не денется, и тут его охватила страшная усталость. Он попытался позвать на помощь, но из пересохшего горла вырвалось только какое-то хрипение, и, закашлявшись, Чака опустился на нагретый солнцем камень. Усталость не проходила, и, подобрав дубинку, тяжелым шагом хорошо поработавшего человека он направился к стаду.

Коровы и быки разбрелись по вельду, и только пастухи, обязанные следить за ними, стояли, испуганно сбившись в кучу. На подошедшего Чаку уставились как на выходца с того света. Продолжая хранить молчание, он взял прислоненную к камню колебасу с водой, неторопливо прополоскал горло и, отпив несколько глотков, присел на корточки. Его тут же окружили тесным кольцом, ожидая рассказа. Никто так и не решался задать вертящийся у каждого на языке вопрос. Наконец не выдержал самый маленький.

— Мамба ушла? — спросил он с надеждой. Чака выдержал длительную паузу и только, когда молчание стало уж совсем

невыносимым, сказал наконец:

— Я убил ее.

…Когда возглавляемое орущими на бегу мальчишками стадо приблизилось к краалю, навстречу ему высыпало буквально все население. Двое мужчин, прихватив с собой одного из пастухов, отправились на место происшествия, а Нанди, крепко вцепившись в Чакину руку, потащила его к дому, как будто сыну ее все еще продолжала угрожать смертельная опасность. Там она с такой горячностью принялась рассказывать своим гостьям о происшедшем па выгоне, что сам Чака даже и словечка не мог вставить. Смеясь и плача, тараторила она до тех пор, пока кто-то не крикнул, чтобы все шли смотреть на мамбу, которую как раз притащили к воротам крааля. Нанди, не выпуская Чакиной руки, бросилась к выходу.

Змею, видимо, долго волокли по пыльной земле, и кожа ее утратила маслянистый блеск, так поразивший Чаку. Правда, только теперь можно было по достоинству оценить ее величину — толстая, значительно толще мужской руки, она вытянулась в длину на добрых два человеческих роста.

Протолкавшись в первые ряды, Напди гордо следила за тем, как все исподтишка указывают друг другу на Чаку, будто впервые разглядев ее сына, который, по существу, и вырос здесь, в этом краале.

Толпа почтительно расступилась, пропуская к мамбо вождя э-лангени Мбенге. Вождь только мельком глянул на змею и, подойдя к Чаке, уставился на него испытующим взглядом. Чака с трудом незаметно освободился от цепкой руки Нанди и замер перед вождем в почтительной позе. Мбенге вдруг добро улыбнулся, но, тут же согнав улыбку с лица, заговорил громким и торжественным голосом, отчетливо выговаривая слова так, чтобы их могли расслышать все присутствующие:

— Мальчик! Сегодня ты совершил подвиг взрослого мужчины! — Затем, уже более обыденным тоном, он приказал одному из сопровождавших его воинов поймать в загоне жирную козу и привести сюда. А потом, как бы давая мальчику время оправиться от смущения, принялся рассматривать мамбу.

Чака огляделся и увидел, что рядом с ним стоят невесть откуда взявшиеся Мкаби и Лангазана с Мкабайи. Впрочем, все они обладали уби-коси, то есть осанкой и видом избранных, так что никто не посмел бы оттирать их в толпе. Чака хотел было вернуться в хижину, но Нанди удержала сына, и они дождались, пока коза будет поймана, приведена и передана Чаке в награду за его мужество. Так и двинулись они домой — впереди Чака с козой на веревке, за ним Нанди с гостями из Эси-Клебени, а позади

толпа, не желающая расстаться с героем дня.

Ради такого случая Мкаби со спутницами решила остаться в И-Нгуга еще на одну ночь. Это окончательно определило судьбу козы — ее зарезали в тот же день, честно разделив мясо между взрослыми родственниками и пастухами — сверстниками Чаки. Да как было упустить впервые представившуюся возможность угостить других мясом животного из собственного загона!

День этот наложил неизгладимый отпечаток на всю дальнейшую жизнь Чаки. Да и отношение Нанди к своему первенцу стало иным. Когда Нцева, отправляясь к своим родственникам, снова пригласила ее с собой, она неожиданно согласилась.

Визит этот затянулся па две лупы. Напди вернулась полная новыми и неожиданными планами. По вечерам она рассказывала Чаке о жизни среди гостеприимных ама-мбедвени, с особой теплотой упоминая о некоем Гендеяне. Вскоре Чака из случайного разговора понял, что Нанди ждет ребенка. Но шло время, у Чаки появился маленький брат, которого нарекли Нгвади. Нгвади уже научился ходить, а Нанди все не решалась переселиться на новое место. И только новая беда толкнула ее на решительный шаг.

…Беда эта разразилась над всеми землями нгуни, и предшествовали ей многие знамения. Однако люди нгуни, привычные к спокойной и сытой жизни, не обратили на них никакого внимания. Когда же колдуны и знахари прямо указали им на эти приметы, время было уже упущено, и исправить что-либо оказалось невозможным.

Впервые после рождения Чаки расцвел кустарник ухлалване. И ведь не зря сложили старики поговорку: «Ухлалване расцвел — быть голоду». Однако посевы дали богатые всходы, и все легкомысленно решили, что, возможно, на этот раз беда обойдет их стороной. Но не прошло и луны, как с северо-запада, где, как говорят бывалые люди, лежит пустыня Калахари, подул горячий и сухой ветер. Посевы, не успев окрепнуть, сникли и пожухли под его палящим дыханием. Трава в вельде стала желтеть, так и не набравшись сил. Пастухам приходилось все дальше угонять скот в поисках влажных речных долин, но мест таких оставалось все меньше и меньше, и из-за них возникали жестокие драки. Голодный скот привлекал своим ревом окрестных хищников. Теперь и дня не проходило, чтобы кто-нибудь не забивал корову или быка, опасаясь, что животное все равно падет от голода. И хотя почти в каждой хижине была мясная нища, радоваться ей могли разве что неразумные младенцы. Наступило время уборки урожая, а убирать было нечего. У коров уже давно пропало

молоко, а запасы зерна окончательно исчерпались. Тяжелее всех приходилось Нанди с ее детьми. Теперь каждый заботился только о себе. С утра до вечера, оставив Номцобу с маленьким Нгвади, бродили они с Чакой по вельду в поисках съедобных корней и плодов, но добыча их с каждым днем становилась все более скудной. Пытался Чака охотиться, но дичь покинула выжженную солнцем степь. И тогда Нанди решила уйти с детьми в далекий крааль Гендеяны, пока они еще не окончательно ослабели от голода. Воспользовавшись щедростью Нцевы, у которой как раз пала корова, Нанди постаралась поплотнее покормить детей и еще раз поделилась с подругой своими планами. Та горячо поддержала ее намерения и даже по секрету призналась ей, что и сама не прочь бы уйти из этих голодных мест к родным ама-мбедвени и что удерживает ее только долг жены и матери.

Наутро Нанди наспех собрала нехитрый скарб — благо что и собирать-то было почти нечего — и, прикрепив на спине маленького Нгвади, вышла за ворота крааля, ведя за руку Номцобу. Вспомнился ей тот далекий день, когда так же горестно покидала она крааль Сензангаконы. Казалось, что все повторяется заново, по только теперь во главе их скорбного кортежа, вооруженный палками и метательной дубинкой, легко шагал рослый, хотя и сильно отощавший за эти дни Чака.

Как непохоже было это путешествие Нанди на ее прошлую прогулку с Нцевой! Дорога была та же, те же встречались на пути рощи и реки, по как изменились люди! Жадные до новостей, щедрые и гостеприимные обитатели лежащих на их пути краалей стали теперь скрытными и подозрительными. Нанди и сама прекрасно понимала, что рассчитывать на обычное угощение не приходится, по даже и ночлег предоставляли им теперь неохотно. Горе было в каждом краале, и люди стеснялись своей бедности и вынужденной скупости. Дорога под палящим солнцем тянулась бесконечно, и Чака, презрев мужское достоинство, все чаще тащил на спине ослабевшую Номцобу. Когда они добрели наконец до земель ама-мбедвени, никто не признал бы в этих жалких бродягах жену и сына Сензангаконы.

Отправляясь в путь, Нанди никак не могла предположить, что беда обрушилась не только па их поля, но и поразила огромные пространства, лежащие далеко за пределами известных ей земель. Несчастье это докатилось до морского побережья, где обитали странные белокожие пришельцы, и они впоследствии долго вспоминали страшную засуху 1802 года.

Гепдеяиа настолько обрадовался прибытию своего первенца Нгвади, что поначалу вовсе не выпускал беженцев из крааля, всячески ухаживая за ними и щедро делясь своими скудными

запасами. Крааль его никогда не считался богатым — у него было всего лишь небольшое стадо коз, но, вероятно, поэтому засуха и не нанесла ему сильного ущерба. Козы, как известно, легче находят себе пропитание, чем коровы. Но больше всего обрадовалась пришельцам жена Гендеяны, бездетная М-Мана, которая уж и не надеялась заполучить когда-либо помощницу. Следуя сначала указаниям Гендояны, а потом и самостоятельно, Чака отыскал по берегу Аматикулу немало мест для выпаса коз. Ему даже не пришлось особенно враждовать с соседями из-за скудных травой выгонов. После жизни в краале И-Нгуга, где Нанди терпели только из жалости, скудное хозяйство Гендеяны радовало ее. Своей энергией она сумела заразить даже постную и унылую М-Ману, и когда наступил наконец долгожданный период дождей, Гендеяна придумывал различные предлоги, чтобы полюбоваться большим и тщательно подготовленным к посеву полем. Только мужское достоинство не позволяло ему более шумно выражать радость. Земля, как бы стремясь загладить прошлогоднюю вину, радовала глаз дружными и сильными всходами. Все с нетерпением дожидались праздника урожая, сметая в ямах для зерна последние крохи. С особенным нетерпением дожидалась его Нанди. Но духам, может быть, завидно стало глядеть на ее счастье, и они придумали ей новое испытание.

На этот раз носительницей злой вести оказалась ее добрая подруга Нцева. Появилась она неожиданно, а голод и перенесенные несчастья так изменили ее, что Нанди даже не сразу узнала подругу. Устало присев у очага, она монотонным, невыразительным голосом поведала о своих горестях…

Нцева, отяжелев от съеденного, несколько раз впадала в полудремотное состояние, и рассказ ее перемежался Длительными паузами. Нанди, не очень вникая в смысл ее слов, каким-то внутренним чутьем поняла вдруг, что та говорит теперь о самом для нее, для Нанди, главном. Оказывается, именно теперь, в преддверии нового урожая, о Чаке наконец вспомнили. Из крааля Эси-Клебени приходил специальный гонец от Сензангаконы. Тот предъявлял свои отцовские права и требовал возвращения сына. Это настолько возмутило обитателей И-Нгуга, что посланцу было объявлено — люди э-лангени и не подумают возвращать Чаку, он взращен и выкормлен в их краале, они, и только они, имеют на пего все права и не замедлят воспользоваться ими. Сразу же после ухода посланца зулу э-лангени решили направить гонца к ама-мбедвени с требованием вернуть мальчика тем, кто вложил в его воспитание столько сил и средств. И если гонец этот все еще не объявился в краале

Гендеяны, то объяснить это можно только тем, что в обедневшем краале И-Нгуга сейчас просто не нашлось свободного от более важных дел человека.

Известие это привело Нанди в неописуемую ярость. Да ведь эти люди чуть было не загубили Чаку, когда он был мал. И только она, Нанди, оберегала его от всех бед и напастей. А теперь, когда сын ее вырос и выглядит, хвала духам, настоящим мужчиной, он, видите ли, понадобился и тем и другим. Пусть только явится их гонец — она собственными руками выцарапает ему глаза. У нее теперь есть муж и защитник, да и Чака сумеет постоять за себя. В запальчивости она совершенно утратила чувство реального. Получалось, что Чака, которого, несмотря на рост и силу, все же никак нельзя было назвать даже юношей, да хилый и болезненный Гендеяна, ее муж, способны разогнать целые полчища врагов, буде таковые объявятся в этих краях.

Глянув на Нцеву, Нанди увидела, что та сидит у очага в позе крайнего изумления, прикрыв ладонью широко открытый рот. Но это только еще больше раззадорило ее.

Призывая в свидетели правоты своих слов всех родственников по мужской линии, Нанди вдруг объявила, что она пока вынуждена скрывать то, чего открывать ей не велено, ибо открой она истину, и все заранее остерегались бы досаждать ее сыну. И тут впервые с ее уст сорвалось странное имя: Исанусси — «Зрящий грядущее». Духи, более могущественные, чем духи предков каких-то там зулу или э-лангени, благоволят со сыну и это, дескать, ей сказал не кто иной, как Исанусси, то есть тот, кому дано наперед знать человеческие судьбы.

Панды пророчествовала теперь, мечась но тесной хижине, освещенной слабыми отблесками очага. Разбуженная Номцоба испуганно прижалась к вконец оробевшей Нцеве, в дверях хижины показалось заспанное лицо Гендеяны, но Нанди уже ничто но могло остановить. Словно юный воин, исполняющий военный танец, в исступлении размахивая руками и раздавая направо и налево удары, изображала она, как Чака разгромит своих противников, ноги ее попирали поверженных врагов, а лицо было грозным и вдохновенным — она танцевала судьбу Чаки!

…Утром, подкрепляясь перед дорогой, Нцева, вероятно, впервые за все их долгое знакомство, обращалась к Нанди с почтением и робостью. Как-то по-новому глядел па свою жену и Гендеяна. Да Нанди и сама с трудом дождалась того момента, когда ей можно будет спокойно поразмыслить обо всем наедине с собой. Взяв каменную зернотерку и прихватив пару горстей кукурузы, принялась она за дело. Гладко отполированный камень мерно перетирал кукурузные зерна, а она под это монотонное

шуршание погрузилась наконец в размышления.

То, что произошло с нею вчера, поразило и потрясло ее саму. Что заставило ее вчера пророчествовать, не боясь ни духов, ни дурных предзнаменований, и, самое главное, кто вещал ее устами, кто подсказывал ей это необычное и страшное имя Исанусси? Духи свидетели: она никогда и не слыхивала его раньше. Но слово это было произнесено, а слово произнесенное — великая сила. Не зря ведь существует хлонипа — обычай, запрещающий употреблять в разговоре определенные слова.

Колдуны и знахари владеют секретом составления множества загадочных снадобий, страшных и чудодейственных, но разве кто-нибудь из них может обойтись без ритуальных слов, а что имеет большую силу — снадобье или слово, понять трудно.

С рождения Чаки она знала, верила всем своим существом, что сын ее достоин лучшей доли. Не раз, утешая его, она предрекала ему славное будущее, по кто из матерей поступает иначе. Но то, что произошло вчера, слова, произнесенные ею, сказаны были не зря и не были продиктованы гневом или раздраженном. Несомненно, некто более мудрый и более могущественный, чем все, с кем ей приходилось сталкиваться, руководил ее поступками, подсказывал ей слова… Исанусси — Зрящий грядущее — грозный устроитель судьбы ее сына…

Когда вся семья собралась на полдник, старшие принялись горячо обсуждать дальнейшую судьбу Чаки. И только Нанди была удивительно спокойна. Нет, она не согласна с Гендеяной, который, скрепя сердце — уж больно ему не хотелось снова отправляться в вельд с козами, — повел речь о том, что Чаку все же надо вернуть родственникам. Будучи человеком по природе осторожным, он не высказался ни в пользу э-лангени, ни в пользу зулу, как бы предоставляя Нанди самой решить этот вопрос. Нанди сказала, что сыну ее незачем искать приюта у своих мучителей — он и без того уже натерпелся достаточно. Сын ее будет жить среди достойных людей. С непоколебимой уверенностью она объявила, что Чаку следует направить к многократному победителю людей зулу Мацингваапу, вождю цуну. Там сын ее станет настоящим воином и, кто знает, может, и восстановит попранную справедливость. Нанди испытывала такую уверенность в правильности своего выбора, что уже и сама не понимала, пришла ли она к нему в результате давнишнего ночного разговора с Мкаби и Лангазаной, или снова действовала по указке неведомого покровителя.

Оставалось только дождаться праздника нового урожая, — тогда Чаку не придется отправлять с пустыми руками.

Глава III

В богатом и многолюдном краале, а именно таким и был крааль вождя цуну Мацингваана, нетрудно найти место для подростка. Помешать этому могло разве что вмешательство духов или уж слишком дурное стечение обстоятельств. В краале цуну Чака попал в число пастухов собственного стада вождя. Ему удалось довольно быстро занять среди них прочное положение — он даже успел сдружиться кое с кем, и все же ему недолго пришлось пользоваться гостеприимством цуну. Голод, опустошивший земли нгуни, несколько поубавил воинственный пыл недавних соперников — зулу и цуну. Более того, он даже на какое-то время примирил их. Все это привело к тому, Что когда Сензангакона в очередной раз прислал Мацингваану подарки и попросил вернуть сына, мальчику намекнули, что дальнейшее пребывание его у цуну нежелательно, а возможно, и небезопасно. И Чака снова двинулся в путь…

На этот раз Нанди решила, что оставаться в краале Гендеяны ей тоже не имеет смысла. Два урожайных лета, последовавших за засухой, неожиданно исправили положение Гендеяны, и было решено не рисковать его благополучием, навлекая на пего месть родственников Чаки. И когда Нанди завела речь о том, что ей придется уйти из этих мест, отец Нгвади возражал только для вида.

После зрелых размышлений Нанди решила искать пристанища у многочисленного и сильного племени мтетва, расселившегося у самого морского побережья. Выбору этому нимало способствовало то, что среди мтетва жила ее тетка, а могущество их верховного вождя Джобе было неиссякающей темой вечерних бесед у всех соседних народов. Джобе этот якобы решил отказаться от давних обычаев и, призвав молодежь для несения воинской службы, не распускал ее потом по домам, а строил для каждой очередной группы специальный военный крааль.

Слухи эти вызывали законную тревогу, а от его нововведений головы у соседей шли кругом. И это было естественно — кто, кроме верховного вождя многочисленного племени, мог бы постоянно содержать такое число воинов — ведь их нужно кормить и вооружать, а кроме того, наличие большого воинства должно рано или поздно привести к соблазну воспользоваться им. Подобное положение дел не могло не беспокоить соседей, тем более что многие вожди уже подчинились его владычеству. Так Нгомаан, вождь некогда свободного племени, был поставлен во

главе округа, в который после долгих злоключений пришла с детьми Нанди. К нему-то и обратилась за помощью ее тетка, когда бездомные скитальцы попросили у нее приюта.

Нгомаан правильно рассудил, что Чаке незачем селиться в краале родственницы. У ее мужа достаточно сыновей, и появление нового и бывалого парнишки может внести раздор в семью. Старейшина решил, и мудрость его решения Нанди оцепила только в дальнейшем, что проще будет, если кто-либо из его подданных усыновит мальчика. Выбор его пал па Мбийю, человека опытного и уважаемого, заслуженного воина. Усыновление — вещь среди народов нгуни частая. Беженцы, сироты охотно принимаются в семью, где и живут зачастую на равных правах с родными детьми, а сын Мбийи успел уже обзавестись собственным краалем. Только значительно позже выяснилось, что Мбийя присутствовал при знакомстве семейства Нанди с умнамзамой — старейшиной и что Чака сразу же приглянулся ему. Человек почтенного возраста, Мбийя все реже посещал веселые сборища в соседних краалях и поэтому отводил душу в беседах с приемным сыном.

Так для Чаки наступил весьма счастливый период в его жизни. На первых порах не обошлось без обычных в таких случаях столкновений, но детство, проведенное во враждебном окружении, и огромная сила в сочетании с ловкостью и отвагой сразу же выделили его среди сверстников. Теперь впервые он почувствовал себя равным среди равных, и в этом немалую роль сыграл его приемный отец.

Именно от него узнал Чака многое об истории не только мтетва, ндвандво или бутелези, но также зулу, э-лангени… Старик мог часами рассказывать о связях и брачных союзах родов, слава которых гремела среди племен нгуни, и о тех, что забыты сейчас, и вспомнить о них могут только такие старики, как он. Но не только история племен и межплеменных связей была темой их разговоров. Чака никак не мог понять, на что жалуются так часто друзья Мбийи — ведь почти все они занимают почетные должности. И тут Мбийя, разъяснил ему, что могущество мтетва — могущество кажущееся и Джобе, их верховный вождь, не из прихоти держит постоянное войско. Точно так поступают и вожди соседних сильных племен, столкновение с которыми будет скорее всего неизбежным. А помешать этому теперь некому. Раньше такие, как он, Мбийя, старики обсуждали дела всего племени, а решениям, принятым ими, пе мог противиться ни один из вождей. Но теперь вожди забрали в свои руки слишком большую силу, они окружили себя индунами, назначаемыми по собственной прихоти, а с мнением совета старейшин считаются все меньше и

меньше. Слишком охочи они до чужеземных диковинок, слишком велики их стада, слишком большие почести оказываются им в их непомерно разросшихся краалях. На севере вожди доходили до того, что отдавали чужеземцам своих подданных в обмен на бронзовые и медные кольца, те самые кольца, в которых и у нас не прочь пощеголять многие.

Но худо все это или нет — решить трудно. Горько, конечно, что уходят в прошлое добрые старые времена, о которых молодежь вроде Чаки знает лишь но рассказам. А с другой стороны, к чему хорошему могут привести порядки, заведенные в краалях зулу или э-лангени. Ведь они уже и постоять за себя не могут и наверняка станут добычей более сильных — мтетва, ндвандве или кого-нибудь еще. Но самая страшная угроза — это таинственные пришельцы с моря. Сила их велика, и владеют они такими тайнами, что нелегко тягаться с ними народам нгуни. Он, Мбийя, их и в глаза не видел, но слышит о них все чаще и чаще. Воюют они странным оружием, а в битвах своих преследуют непонятные цели. Соблазняют они простодушных нгуни своими диковинными товарами, да только товары эти того и гляди обернутся непоправимыми бедами.

Но многие вопросы Чаки так и оставались без ответа. Старик мог поведать ему только то, что знал на основании своего опыта или опыта прошлых поколений. Чаке и его поколению придется накапливать собственный опыт, и, если духи наградят его долгой жизнью, он поделится им с юношами в то далекое время, когда Мбийя уже давно уйдет в страну теней.

Мбийе все чаще спились теперь сны, и он рассказывал их юноше, а в рассказах этих странно переплетались грезы с действительностью. Усевшись на самом солнцепеке — с годами Мбийя все больше любил тепло, — старик, казалось, дремал, а потом вдруг начинал говорить слабым монотонным голосом, и Чака поначалу не понимал, что слова эти адресуются ему и что к ним следует прислушиваться самым тщательным образом, стараясь не упустить ни крупицы мудрости.

Так между вельдом, беседами с Мбийей и нечастыми визитами к матери проходило время Чаки. Правда, теперь у него появился еще и друг. Нет, это был не кто-либо из пастухов-сверстников. Многие искали сейчас его дружбы, по шумные их развлечения мало привлекали его — уж слишком привык он держаться особняком, — а если и принимал в играх участие, то только в таких, которые помогали получите подготовиться к будущей карьере воина. А в том, что ему предстоит стать им в недалеком будущем, он не сомневался ни на мгновенье. Об этом все чаще велись разговоры: среди молодых людей — и на

пастбище, и во время пирушек, — и следует признать, что молодежь с нетерпением дожидалась своего часа, а на новые порядки чаще всего жаловались старики, которым и нести-то воинскую службу уже не полагалось.

Дружба эта первое время изрядно сгущала Чаку. Когда он впервые попал к Мбиие, угощение ему преподнесла не одна из жен или старших дочерей хозяина крааля, а девочка примерно одного с Номцобой возрасти. Однако привычный ко всему Чака если и удивился чему-либо, так разве что щедрости предложенного угощения. Но девочка, казалось, только тем и была озабочена, чтобы почаще попадаться ему на глаза, хотя Чака поначалу па замечал этого и даже имя ее — Пампата — узнал недели через две. Однако любимица всего крааля, притом состоявшая в близком родстве с Нгомааном, умела настоять на своем. Она быстро сдружилась с Номцобой и завоевала доверие Нанди, а услуги, которые Пампата оказывала семье Чаки, были и в самом деле значительными. Ведь Номцоба уже подросла и выходила имеете с другими девушками в поле, а приобрести надежного покровителя и друга из числа женского населения крааля было очень полезно для пришельцев, Именно Пампата поделилась с Номцобой своими украшениями, чтобы та достойно выглядела среди подруг, да и Нанди она сумела стать незаменимой помощницей. Мало-помалу и Чака привык к тому, что девочка постоянно вертится где-то рядом, а потом заметил, что ему все чаще ее недостает. Замкнутый и, возможно, излишне высокомерный, он редко делился своими планами с парнями па пастбище — слишком свежа была намять об издевательствах и насмешках в краале И-Нгуга. С матерью было еще труднее. Нанди возлагала такие большие надежды на своего первенца, что все его нечастые попытки посоветоваться с ней сводились к обсуждению ее собственных планов, столь грандиозных, что они никак не могли быть продиктованы соображениями здравого смысла. А вот оказалось, что именно с Пампа-той легко говорить о будущем. Помогала Чаке здесь и непреклонная вера девочки в разумность всего, что бы ни задумал ее избранник.

Развитая не по возрасту и очень общительная, Пампата первая узнавала обо всех событиях в краале и у соседей и тут же оповещала о них Чаку. Это она рассказала Чаке о гибели младших сыновей Мбийи и о ссоре старика со старшим. Более того, рассказами о Чаке она пробудила интерес к нему Нгомаана, и изгнанникам никак не следует пренебрегать сочувственным вниманием индуны.

Даже историю Мбийи поведала Чаке все та же Пам-пата. Правда, она не могла знать ее целиком, но, заинтересовавшись

однажды, Чака начал более внимательно прислушиваться к разговорам, что велись стариками в его присутствии, и мало-помалу восстановил истину. Оказывается, Мбийя приходится близким родственником верховному вождю мтетва Джобе, но у него есть весьма солидные основания не слишком распространяться об этом родстве. Дело в том, что, когда Кайо, отцу Джобе, наступило время жениться, он присмотрел себе девушку из племени семе и отправил ее родителям установленные обычаями дары. Свадьба была сыграна с большой пышностью, но вскоре выяснилось, что невеста, которая носила теперь гордый титул первой жены, пришла в его дом уже будучи беременной. Однако Кайя не отправил ее с позором домой. Горькую истину все же не удалось скрыть, и Кайя дал выход досаде, назвав свой недавно выстроенный крааль Эн-Тламбени (от слова ин-тламба — прелюбодеяние). Преждевременно родившемуся сыну своей супруги он дал имя Шангаана и относился к нему как к родному сыну. Этот-то Шангааи и был отцом Мбийи. Невиданное великодушие Кайи не вызвало, однако, сколько-нибудь серьезных нареканий у его подданных. С одной стороны, Кайя был вождем, а слишком резко осуждать вождя — вещь далеко не безопасная; с другой же — старейшины племени могли не опасаться, что во главе их может оказаться чужак. В отличие от простых семей, где наследником чаще всего оказывался старший сын, в семьях вождей наследника отцу рожала не первая, а чаще всего самая молодая из жен, и жену эту следовало брать как можно позже. Считалось, и не без оснований, что, назначив своим преемником самого младшего из сыновей, вождь тем самым устраняет из борьбы за власть старших, а заодно и гарантирует себя от покушений. В силу этого обычая, когда Кайя достиг вполне преклонного возраста, старейшины потребовали, чтобы он объявил «Великой», то есть матерью наследника, одну из уже имевшихся жен либо взял для этой цели новую. Кайя рассудил, что лишняя жена ему не помешает, тем более что все расходы по свадьбе в подобных случаях ложатся на племя. В результате этого позднего союза и появился на свет нынешний вождь мтетва — Джобе. Таким образом Мбийя приходился племянником вождю, хотя и был на несколько лет старше своего царственного дяди. Мать же Шангаана и бабка Мбийи, ставшая главой так называемой «левой» ветви семьи вождя (и-кохло), несмотря на понижение в ранге, отнеслась к своей юной сопернице весьма дружелюбно и немало помогала ей на первых порах. Потом она основала с помощью всего племени свой собственный крааль, где и жила окруженная почетом до глубокой старости. В доме ее, который продолжая считаться

домом вождя, Кайя находился в периоды свершения различных обрядов. Мальчишкой Джобе нередко встречался на пастбище с Мбийей, который по доброте душевной опекал своего маленького дядю. И все-таки неясное происхождение Шангаана набросило тень не только на него, но и на Мбийю.

Только узнав все это, Чака понял, что, выслушивая печальную повесть о злоключениях Нанди и ее детей, старый уже Мбийя вспомнил, возможно, историю своей бабки и решил оказать поддержку ни в чем не повинному мальчишке из племени зуду, с которым родной отец обошелся столь сурово.

Получалось так, что если уроки накопленной веками мудрости Чака получал у Мбийи, то о повседневных делах чуть ли не всего племени мтетва он узнавал от маленькой, но всецело преданной ему Пампаты.

Что же касается его товарищей-пастухов, то среди них у него не было ни близких друзей, ни достойных соперников. Еще на пастбищах И-Нгуга он впервые и успешно применил в драке метод молниеносной ошеломляющей контратаки. Здесь же, среди пастухов мтетва, он в первом же столкновении, памятуя прежний опыт, обрушился на противника столь яростно, что надолго отбил у остальных охоту помериться с ним силами. Драка эта чуть было не испортила ему репутацию, потому как повод для нее был ничтожный. Однако очень скоро все поняли, что Чака просто незаменим в тех случаях, когда разрешались споры с молодыми людьми более отдаленных краалей. Группа юношей под руководством Чаки неизменно одерживала победы, а сам он, постоянно готовый прийти на подмогу, часто выручал своих из трудного положения. У него появилась целая группа поклонников, которые только и ждали, чтобы хоть чем-нибудь угодить ему. Скота у Мбийи было немного, а эти добровольные помощники и тут старались освободить своего кумира от трудов, поэтому у Чаки почти все время на пастбище уходило на физические упражнения, охоту и на разработку «военных» операций против таких же пастухов из соседних краалей. А вскоре наступило время, когда он получил самое настоящее приглашение на охоту.

Однажды в полдень на скотном дворе Мбийи появился человек, который, не сказав никому ни слова и даже не глядя ни на одного из обитателей крааля, вдруг закричал: «Завтра охота! Сбор у крааля Нгомаана!» Это сразу объяснило странность его поведения: стоило бы ему заговорить с кем-нибудь, как его удача в предстоящей охоте тут же перешла бы к тому, с кем он разговаривал. Мужчин в краале Мбийи было двое — он да Чака. А значит, приглашение это, учитывая преклонный возраст Мбийи,

относилось к его приемному сыну.

Всю эту ночь Чака предусмотрительно старался лежать на одном боку, чтобы и дичь завтра не была вертлявой, а спокойно стояла на месте. Но спать ему долго не пришлось. Мбийя поднял его еще до рассвета и только тут сказал, что охота эта объявлена не столько ради дичи, сколько ради необходимости очистить пастбище от хищников. Тут только Чака заволновался по-настоящему: у него было несколько копий и палица, по копья эти были слишком легки для леопарда или льва. Однако Мбийя предусмотрел и это — из своей хижины он принес пару тяжелых копий, и хотя старик давно уже не охотился, оружие оказалось в полном порядке. Затем он напомнил Чаке, что тому следует поторапливаться, так как перед охотой на хищников участники ее проходят специальную церемонию у знахаря.

У крааля Нгомаана Чака застал уже изрядную толпу охотников, которые в ожидании прихода знахаря степенно толковали друг с другом. В подавляющем большинстве это были взрослые мужчины, многие уже с головными кольцами.

То, что неопытного юношу присоединили к испытанным охотникам, вызвало множество нареканий. Но тем же охотникам было прекрасно известно, что подобные приглашения нередко играют двоякую роль. Иногда вожди затевают так называемую «предательскую охоту», чтобы, пользуясь удобным случаем, избавиться от неугодного человека. Соображение это сразу же заставило замолчать всех недовольных. Как удивились бы они, если бы узнали, что Чака был приглашён только в результате настойчивых просьб Пампаты!

Наконец появилось несколько пожилых мужчин во главе с Нгомааном. Рядом с ним шагал умпаки — распорядитель охоты, довольно старый человек небольшого роста, которого Чака видел однажды у Мбийи, но имени его не запомнил. Остальные же были так называемыми иписи, то есть профессиональными охотниками, людьми весьма опытными, которые в выслеживании дичи не уступают даже низкорослым бушменам. Шествие замыкал знахарь.

По его знаку все расположились по кругу, в центре которого два человека тут же разложили костер. Знахарь обошел собравшихся, обрызгивая их тела и ноги специальным снадобьем. Потом тем же снадобьем он обрызгал и весело потрескивающий костер. Тут все охотники стали поочередно подходить к огню, чтобы чуть подкоптить кончики копий «па счастье». Одним из последних подошел и Чака, старавшийся не упустить ничего из церемонии, в которой он участвовал впервые. Затем на первый план выступил распорядитель охоты, который немедленно

приступил к своим обязанностям. Для начала он разделил всех участников па три группы и сам возглавил основную, центральную. Чаке, к его величайшему огорчению, как новичку велели присоединиться к группе правой руки.

Главная группа открыла охоту танцем укугуба, исполняя при этом свою охотничью песню. К танцующим, каждая со своей песней, присоединились группы правой и левой руки. После танца распорядитель разъяснил группам их задачи. И, наконец, став на колени перед выстроившимися полукругом охотниками, он сорвал три пучка травы, взяв по одному в каждую руку, а третий — в рот. Затем, подобно пасущейся антилопе, он принялся ползать на коленях и, потирая пучком травы бедра, изображал антилопу, катающуюся по траве. При этом он мычал, подражая крику животного, а все остальные отвечали ему охотничьей песней.

Наконец, швырнув пучком травы в правую группу, распорядитель назвал имя главы одного из соседних краалей и дал команду — «Вперед!», потом повторил то же с левой группой, только выкрикнув при этом другое имя. Названия краалей, принадлежащих носителям этих имен, становились названиями соответствующих охотничьих партий.

Чака так и не расслышал, что было сказано охотникам, оставшимся пока на месте, потому что его группа уже затрусила мелкой рысцой в указанном ей направлении, выкрикивая на бегу свой клич.

Правая и левая группы бежали гуськом. Основная же группа развернулась в цепь и двигалась вначале медленно, давая возможность флангам захватить как можно большее пространство. Вскоре все разошлись настолько, что Чака ясно различал только лица ближайших соседей. У многих были с собой собаки, и их тоже пустили в дело. Наконец цепи охотников стали постепенно смыкаться, прижимая всякую живность к обрывистому берегу реки. Чака уже несколько раз слышал победные вопли, сопровождающие удачный удар копьем, но на глаза ему пока ничего не попадалось. Он даже решил было, что его специально поставили на плохое место, однако, видя, что соседи его не выражают ни досады, ни раздражения, сообразил, что это не так — видимо, еще не настал их черед. Ему хотелось натолкнуться на льва или леопарда, и хотя в глубине души Чака понимал, что добытая им антилопа весьма пригодилась бы в краале, где не часто лакомились мясной пищей, желание продемонстрировать свою силу и ловкость перед таким скоплением лучших охотников и заслуженных воинов брало верх. И он надеялся на встречу со львом или леопардом, машинально

сжимая в руке тяжелое копье, более пригодное для нанесения прямого удара. Поэтому, когда буквально в нескольких шагах от него в зарослях кустарника мелькнул бок антилопы, он, не раздумывая, метнул в него именно это тяжелое копье. Выручила его только необычайная сила — наконечник почти целиком вошел в бок животного. Чака бросился вперед и палицей добил антилопу. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что никто не заметил его оплошности, он издал охотничий клич, оповещая о том, что добыча принадлежит ему, и поспешно выдернул копье из раны. К нему тут же подбежал один из соседей, мужчина с кольцом на голове, и одобрительно поцокал языком. Антилопа была крупная, из породы риндбок, чье мясо особенно ценилось знатоками. Первая удача ободрила Чаку и несколько успокоила. Несмотря на охотничий азарт, он теперь лучше разбирался в том, что творилось вокруг, легче определял направление все чаще раздающихся победных выкриков. Когда его сосед ранил антилопу, Чака бросился к нему, но, видя, что помощи не требуется, не стал добивать его добычу, хотя за это ему и полагалась бы задняя нога животного. Судя по взгляду, которым старый охотник наградил юношу, тот по достоинству оценил его такт.

Потом он увидел, как с колоссальной быстротой, почти параллельно линии охотников, в его сторону мчится антилопа желтовато-коричневой масти из породы иитлан-гу, и, прячась за кустами, кинулся ей наперерез. Интлан-гу рванулась из последних сил в сторону, подставив бок под летящее копье. Антилопы этой породы отличаются особой живучестью, и Чака почти не рассчитывал на то, что добыча достанется ему целиком, но все же бросился вслед за нею. Животное, сделав несколько по-прежнему легких прыжков, вдруг пошатнулось и замерло на месте. Чака метнул второе копье, но оно лишь скользнуло по шерсти и вонзилось в землю. Антилопа снова рванулась вперед, но прыжки ее утратили уже былую резвость. Боковым зрением Чака заметил, что от рядов охотников отделилась собака и с лаем мчится им наперерез, и метнул в животное палицу. Удар пришелся по бедру, и интлан-гу, заковыляв на трех ногах, остановилась. С победным криком он подбежал к животному, чуть опередив собаку, которую тут же отогнал, чтобы не возникло спора о принадлежности добычи.

Теперь Чака окончательно уверовал в свою удачу. Он уже менее ревниво следил за чужими успехами и тщательно прислушивался к доносящимся со всех сторон крикам, пытаясь определить, где может идти схватка с крупным хищником. Однако ничего особенного он так и не мог уловить. Солнце уже

стало клониться к горизонту, и Чака совсем было утратил надежду, как тут издалека до него донесся неистовый собачий лай, тут же перешедший в предсмертный визг. Он насторожился. Снова собачий визг и возбужденные крики охотников. Да, там, на дальнем конце линии охотников, происходило какое-то сражение. Лев или леопард — противники опасные, и Чака решил, что его никто не осудит, если ради схватки с ними он покинет свое место. Чака бросился на крик, и хотя он бежал изо всех сил, ему удалось застать лишь развязку драмы. У одиноко высящегося среди вельда дерева ничком лежал один из охотников с зияющей раной па затылке. Этот был уже мертв. Рядом, прислонясь спиной к стволу, сидел пожилой охотник, которому двое его товарищей лубяными нитками сшивали широкую рану на плече. Шагах в тридцати от них, окруженная возбужденно лающими собаками, лежала туша леопарда, из которой во все стороны торчали вонзившиеся копья. Досада Чаки была так велика, что он ощутил вдруг острую зависть ко всем, кто здесь был, далее к старику, который с невозмутимым видом принимал помощь товарищей, даже к тому, лежащему ничком.

Он сразу же и полностью утратил всякий интерес к охоте и только теперь почувствовал мучительную усталость. Схватка с леопардом как бы послужила сигналом к окончанию охоты, и охотничьи партии, подбирая по пути добычу, направились па место сбора к краалю Нгомаана. Там группы в полном составе торжественно прошагали каждая со своей песней перед вожаками партий, сидящими рядом с Нгомааном и распорядителем охоты. После этого начался дележ. Распорядитель ударял палкой по туше и вызывал того, кто предъявлял на нее свои права. Если такового не находилось, а такие случаи тоже бывали, он забирал тушу себе. В случае возникновения спора претензии адресовались распорядителю охоты, но, если спорщики не приходили к соглашению, добыча также доставалась ему.

Чака дважды выходил из радов охотников, и никто не оспаривал его прав. Правда, по поводу первой убитой им антилопы кто-то довольно громко съязвил, что юноша, судя по ране, спутал ее с буйволом, но удрученный Чака даже не глянул на пего.

Когда они в сумерках подходили, наконец к воротам крааля, их встретили сбившиеся тесной группой женщины, которые кричали: «Не вносите ее в крааль!» Относилось это к туше интлангу. Охотники ответили, как и полагалось: «Мы внесем со», поело чего крик прекратился. Формальность была соблюдена — интлангу попала в крааль помимо воли женщин, и духам, следовательно, не за что было па лих гневаться.

Туту риндбока разделили между обитателями крааля в точности так, как делят забитую корову. Разрубленное на куски мясо перенесли на плетеных лотках и сложили в большую корзину для зерна. Голова с шеей и загорбком, передняя нога и мелкие внутренности принадлежали мужчинам. Часть филея была послана Нгомаану, часть принесена в жертву духам предков, а остатки и вымя отдали дочерям. Вторая жена Мбийи получила ребра одного бока, ребра второго вместе с грудинкой, печенью, почками и одной задней ногой отдали всем женам вместе. Из второй задней и одной передней ноги приготовили убубенди — специальное блюдо, в котором рубленое мясо приправляют высушенными и растертыми на камне сгустками крови, сваренными в бульоне. Сердце и легкие были отданы мальчикам-пастухам, селезенка досталась тому из них, кто ухаживал за телятами.

Поскольку в доме мужчин, помимо Мбийи и Чаки, не было, а мясо интлангу женщины есть отказывались, вторую тушу нарезали тонкими ломтями и развесили для провяливания с тем, чтобы подкоптить впоследствии над костром.

Пиршество длилось до поздней ночи, и Чака выслушал немало похвальных слов, но это не исправило его настроения. Участие в охоте обрадовало его прежде всего тем, что теперь наконец ему представлялся случай по-настоящему отличиться, то есть выказать себя смелым и ловким мужчиной, каким он и осознавал себя, а для этого ему необходимо было совершить нечто свидетельствующее о подлинной отваге, например сразиться с леопардом, львом или буйволом. Лучше всего с леопардом — нападает он внезапно и бьется до последнего в отличие от льва, который нередко спасается бегством, а раненый старается затаиться в кустарнике или траве. Буйвол тоже опасен, но па пего охотятся все же ради мяса, тогда как на леопарда — только по необходимости или из молодечества — ведь даже шкура его не достается охотнику — ее отсылают вождю, ибо только вожди имеют право щеголять в его мехе.

Убить леопарда стало навязчивой идеей Чаки. Когда он сказал как-то, что собирается это сделать без посторонней помощи, над ним только посмеялись, что еще больше раззадорило юношу. Как это ни странно, но всерьез отнесся к его затее лишь Мбийя. Он много рассказывал юноше о повадках этого зверя, о том, где следует чаще всего ожидать встречи с ним, и он же потребовал, чтобы, разгуливая по вельду, Чака обязательно брал с собой двух-трех собак. Старик утверждал, а на его слова можно было полностью полагаться, что убивать леопарда придется, конечно, Чаке, но зверь, нападая, всегда предпочтет

собаку человеку, а это даст охотнику выигрыш во времени.

И Чака, последовав разумному совету, раздобыл себе двух собак. Это были обычные низкорослые животные, преданность которых он купил легко. После истории с И-Мини он никогда больше не заводил себе собак породы исика, но вовсе не потому, что И-Мини явился причиной обрушившихся на них бед. И-Мини был его другом, который по незнанию совершил оплошность, и вины на нем не было. Просто Чака боялся, что на этот раз попытка завоевать доверие животного не приведет к тому же результату, что собака эта не станет ему столь же верным другом или, что хуже того, он сам, Чака, не поверит в ее дружбу так, как поверил в нее тогда, малышом в краале Сензангаконы. И сейчас, отправляясь в вельд в расчете на встречу с леопардом, Чака знал почти наверняка, что собакам его предстоит заплатить жизнью за эту встречу, но относился к этому спокойно, без жалости, ибо таково их назначение. И-Мини тоже мог бы погибнуть на охоте, но это было бы совсем иное дело.

Чака без устали обшаривал окрестности, тщательно осматривая скальные расселины и пещеры, где, как он знал, могли обитать леопарды, забредал в заросшие непроходимым лесом ущелья, чего, как известно, не любят делать обитатели вельда. И тем не менее встреча произошла неожиданно и именно в вельде.

Подходя однажды к одиноко стоящему огромному дереву, он, прежде чем расположиться в его тени на отдых, внимательно осмотрел крупные ветки кроны, чтобы удостовериться, не притаилась ли там змея. Этой мере предосторожности его также научил Мбийя. Скользнув взглядом по мощному стволу и нижним толстым ветвям, он уже решил было усесться, как тут же разглядел змею. Она, видимо, собиралась спуститься с ветки и свесилась с нее локтя на два, да так и застыла в неподвижности. Чака инстинктивно отпрянул от дерева — сказалось отвращение нгуни к мамбам, — и у него тут же пропала охота отдыхать в таком соседстве. Но что за странная мамба… Переход из освещенного безжалостным полуденным солнцем вельда в густую сень древесной кроны был настолько резок, что Чака не сразу разглядел темные пятна па теле змеи. Да и свисает она как-то непонятно… И вдруг сердце Чаки яростно заколотилось где-то в гор-ле — да ведь это хвост, хвост притаившегося там, наверху, леопарда! Тела зверя совсем не было видно из-за толстой ветви, па которой он, очевидно, спал. Как выманить его оттуда? Чака оглянулся на собак, но те, как назло, куда-то запропастились. Ничего, они сейчас прибегут, но не пошлешь же их на дерево. Собаки все-таки пригодились. Весело потявкивая, подбежали они

к хозяину, но тут их беззаботность сразу же улетучилась. Взъерошив шерсть, они застыли, настороженно нюхая воздух. В какое-то мгновенье Чака даже решил, что они просто сбегут, бросив его на произвол судьбы, но, видимо, привычка подчиняться хозяину и вера в его могущество взяли верх, и они испуганно прижались к его ногам. Вдруг Чака увидел, что пятнистый хвост дрогнул и скрылся в листве. Леопард уже знал о его присутствии. Чака отскочил от дерева, понимая, что позиция зверя сейчас значительно выгоднее его собственной. Собаки с лаем последовали за ним. Теперь нужно было заставить зверя атаковать и встретить его здесь, на открытом месте, благо что трава под деревом была и ниже и реже, чем в открытом вельде. Чака принялся науськивать собак, и те, постепенно осмелев, облаивали хищника все отчаянней, не решаясь, однако, приблизиться к дереву. Чака же с изготовленным для броска копьем и прикрываясь маленьким, почти игрушечным щитом, который носят не возведенные в ранг воинов юноши, ждал появления зверя. Второе, более прочное копье он предусмотрительно держал вместе с палицей в левой руке. Чака внимательно вглядывался в крону, стараясь среди мелькающих солнечных бликов разглядеть противника. Это удалось не сразу — зверь, сжавшись в комок, застыл на ветке, изготовившись для прыжка. Мбийя был прав — леопард смотрел не на Чаку, а на собак. Тщательно примерившись, Чака метнул копье и сразу же переложил палицу в правую руку, перехватив левой второе копье поближе к наконечнику, чтобы при необходимости действовать им как ножом. И тут же последовала ответная атака. Пятнистой дугой мелькнуло гибкое тело, и одна из собак, выбежавшая шагов на восемь вперед, с визгом взлетела в воздух и шлепнулась на землю с перебитым хребтом. Вторая заметалась в панике, что на какое-то мгновение приостановило зверя, но и этого мгновения оказалось достаточно юноше, чтобы правильно выбрать позицию, — когда леопард, волоча впившееся ему в бок копье, бросился на него, Чака встретил его сокрушительным ударом тяжелой палицы по черепу, одновременно вонзив копье в бок на уровне сердца. И все же толчок был настолько сильным, что юноша опрокинулся навзничь, прикрываясь остатками разнесенного в клочья щита. Он тут же вскочил, судорожно сжимая палицу, однако леопард был мертв. Чака попытался вытащить копья и тут только обнаружил, что левая рука у него в крови. Щит, значит, тоже сыграл свою роль, несколько ослабив удар когтей. Кровь из четырех глубоких ран на предплечье текла теперь все быстрее, и Чака понял, что ему следует торопиться, пока он не ослабеет от боли и потери крови. Он извлек копья. У

второго от удара переломилось древко, но это дело поправимое. Собака с перешибленным хребтом околевала, а вторая, жалобно повизгивая, зализывала раны на боку. Чака так и не заметил, что леопард успел дотянуться и до нее. Сорвав набедренную повязку, юноша туго перетянул руку повыше раны. Теперь можно было бы кликнуть и пастухов. Правда, раз они не услышали собачьего лая, то едва ли услышат его зов. А возможно, это к лучшему. Ему ни с кем не хотелось делиться своей радостью.

Путь до пастбища оказался и в самом деле далеким. Только зря Чака загадывал наперед, что ему сказать пастухам. Раненая собака все же обогнала его, и на боку ее пастухи тотчас же обнаружили отметины леопардовых когтей, слишком хорошо знакомые жителям вельда. Всех сразу же охватила тревога за судьбу Чаки. Поэтому, когда пастухи разглядели одинокую фигуру, шагающую по вельду, все гурьбой бросились навстречу. Рана на руке сказала им остальное — живой леопард своей добычи не отпустит с миром. Все наперебой стали предлагать Чаке помощь, кто-то заикнулся было о том, что следовало бы сообщить о происшедшем в крааль, но Чака решительно воспротивился этому. Пусть ему помогут только донести тушу к краалю Мбийи. Он не был вполне уверен в том, что ему с раненой рукой удастся аккуратно спять шкуру, а пользоваться услугами посторонних в столь важном для него деле он не хотел. Несколько человек сразу же бросились к указанному Чакой дереву.

Теперь можно был заняться и раной. Чака в который раз за это время вспомнил старика, раненного леопардом на недавней охоте, и попросил дать ему кусок нитки из луба. Потом, сохраняя на лице невозмутимое выражение, принялся сшивать края рай. К концу операции он отер со лба обильный пот, но это можно было отнести и за счет полуденной жары.

Шумную процессию с убитым леопардом на жерди вышел встречать к воротам крааля сам Мбийя. Нанди была занята в поле, и он не послал за ней никого, чтобы она своими причитаниями не испортила мальчику торжественности момента. Будучи достаточно искушенным в охоте, Мбийя прекрасно понимал, что убить в поединке такого зверя юноше помогли не только ловкость и сноровка, но и немалая толика удачи, однако приветствовал его, как приветствуют зрелого и опытного охотника, вернувшегося домой с законной добычей. Мбийя тут же, пока зверь не остыл, принялся снимать с него шкуру и один прекрасно справился бы с этим делом, но, видя, что Чаке не терпится ему помочь, молча уступил ему место рядом с собой. Успел он также заметить и аккуратно зашитые раны на руке

приемыша и тоже промолчал, хотя парнишка мучился зря — раны, нанесенные когтями леопарда, если они не слишком глубоки, следует лечить травами, чтобы не было нагноения.

Поручив Чаку заботам женщин, Мбийя тщательно свернул снятую шкуру и, выкурив на дорогу трубку конопли, отправился к краалю Нгомаана. А вечером запыхавшийся мальчишка передал Чаке приказание явиться к старейшине округа. Когда юноша прибыл к хижине вождя, тот сидел у входа в окружении нескольких стариков. Немного в стороне Чака разглядел знакомую шкуру, тщательно растянутую на земле вбитыми по краям колышками.

Юношу пригласили к общей трапезе, и это уже само по себе было немалой честью, но тут еще вождь объявил, что за подвиг, совершенный Чакой, дарит ему корову, после чего все присутствующие, как и полагалось, выразили вождю благодарность за подарок.

Когда же Чака собрался уходить домой, ведя за собой первую в жизни собственную корову, Нгомаан в его присутствии приказал человеку, занимающемуся выделкой шкуры, особенно постараться, ибо такая отличная шкура будет послана Великому — верховному вождю племени мтетва. Чака оценил и это, ведь и для самого Нгомаана никто не решился бы небрежно выделывать шкуру. Просто Нгомаан лишний раз подчеркнул значимость поступка юноши.

Глава IV

Но пока выделывалась леопардова шкура, в краю мтетва произошли большие изменения. А началось все лет пять назад. Джобе, сын Кайи, — верховный вождь мтетва — был стар, но по мере роста его могущества по-прежнему увеличивалось число его жен. Одной из них но имени Мабамбе, которая, несмотря на ранг Великой, попала в опалу, он приказал построить новый крааль. Крааль назвали Енгвени и поселили в нем Мабамбе вместе с сыновьями Таной и Нгодондваной. Здесь вдали от строгого надзора юноши росли буйными и непокорными. Им уже не по нраву стало отцовское правление — особенно младшему Нгодондване, который спал и видел своего брата верховным вождем. Относительная свобода сделала их беспечными, и они даже вслух начали выражать свое недовольство. Разговоры эти в несколько приукрашенном виде были переданы Джобе вождем тех мест Нодунгой. Тану тут же вызвали к верховному вождю. Юноше якобы хотели в торжественной обстановке разрешить ношение головного кольца. На первый взгляд Тане была оказана великая милость, ибо, возводя незрелого юнца в ранг умудренного опытом мужа, вождь как бы назначал его своим восприемником. Тана же идти к отцу отказался, вполне справедливо полагая, что его вызывают на расправу. Однако отказ этот только приблизил трагическую развязку. Разгневанный Джобе немедленно выслал карательный отряд. Тана умер недоброй смертью, а Нгодондване удалось с вонзившимся в спину копьем перемахнуть через ограду крааля и скрыться в ночном мраке. Больше о нем не было ни слуху ни духу. Правда, по секрету люди иногда шептали, что Нгодондвана укрылся среди людей хлуби, родственным свази и дала, и даже пользуется расположением их верховного вождя Бунгаана и что даже имя свое он переменил — теперь его якобы зовут Дингисвайо, что означает странник, скиталец. А ведь, не замышляй он ничего дурного против отца своего, не пришлось бы ему скитаться и искать расположения чужих вождей.

Но, видно, сильно разъедала его душу жажда власти, ради которой он не побоялся пойти против старого отца своего, потому что через пять лет, как только похоронили Джобе, Дингисвайо вернулся. И вернулся он не как-нибудь, а верхом на лошади и с ружьем белого человека — вещами, невиданными не только среди мтетва, но и вообще среди всех племен нгуни. Не истек еще срок траура по старому вождю, а Дингисвайо приказал уже отобрать из отцовских стад 100 лучших быков и, присовокупив к

ним изрядное количество слоновых бивней, отправил все это добро для обмена па бусы, одеяла и прочие невиданные диковинки к белым, живущим в бухте Делагоа. Мало того, искусных людей своего племени он заставил копировать чужеземные изделия и щедро награждал тех, у кого это хорошо получалось. Многие вожди пытались на первых норах своего правления изменить былые порядки с выгодой для себя. Поэтому люди мтетва сначала не очень удивлялись нововведениям своего свежеиспеченного владыки. Но если кое-кто надеялся, что вождь по молодости лет попетушится год-другой, а потом все пойдет по-старому, то от этих надежд пришлось очень скоро отказаться.

Ранее почти все мужчины от двадцати до сорока лет лишь номинально считались воинами. И обычно спокойно жили в своих краалях, объединяясь в отряды только ради войны и набегов на соседей. Правда, иногда вождю приходило в голову собрать их для смотра или парада. Но и эту повинность никак нельзя было назвать обременительной. Сборы проходили весело, воины обменивались новостями, судачили со сверстниками, и на прощание вождь обычно приказывал заколоть нескольких быков из своего стада и устраивал обильное пиршество.

Но Дингисвайо в мирное время, когда никто и ниоткуда не угрожал мтетва, приказал собрать абсолютно всех воинов. Потом он разделил собравшихся по определенным возрастным группам примерно одинаковой численности и создал из них и-буто — полки, поставив во главе каждого по индуне, командиру, ответственному как за выправку своих воинов, так и за их воинскую доблесть. Полки, в свою очередь, подразделялись на сотни и полусотни, с наиболее опытными воинами во главе. Каждый полк имел свое название и особую окраску щитов. Полки размещались в специальных краалях, жизнь в которых из-за систематических военных занятий ничем не напоминала прежние блаженные времена. В скором времени вместо обычных отрядов, высылаемых но мере надобности отдельными краалями своему вождю, у Дингисвайо оказалась в постоянной боевой готовности сильная и дисциплинированная армия. Первые же столкновения с соседними племенами выказали ее несомненное превосходство и заставили навсегда замолкнуть недовольных.

Первыми, кому пришлось испытать на себе силу вновь созданной армии, были давнишние соперники мтетва — крупное племя гвабе. Как только создалось напряженное положение, Дингисвайо презрел обычные мелкие стычки между отрядами пограничных краалей и двинул свой полк У-Енгондлову на земли гвабе и осадил Мтандени — главный крааль их вождя Кондло. Заметив приближающегося противника, Кондло вместе со скотом

и домочадцами поспешно скрылся в близлежащем лесу. Но тут мтетва повели себя самым необычным образом: Дингисвайо велел позвать шедших за войском хорошеньких девушек своего племени и устроил веселое пиршество с пивом, песнями и плясками. Разведчики гвабе, осторожно выбравшиеся из леса, были приглашены к трапезе, после чего к веселью присоединились и остальные гвабе вместе с их вождем. Вскоре враги мирно разошлись по домам. По поводу этого бескровного сражения была сложена даже песенка, которая надолго пережила героев этого события.

Однако далеко не всегда удавалось разрешить спор дружеской пирушкой, и тут уж приходилось применять оружие. Так был решен спор с племенем эба-тенжени, вождь которых Джама, сын Мниси, сидел в своем краале Эн-Целени и не желал следовать велениям разума. Дингисвайо, изверившись в возможности мирных переговоров, применил против него испытанную тактику нгуни. Ночью крааль Джамы был окружен, население его, лишенное таким образом возможности снестись с соседями, было поставлено на колени, а самого Джаму убили в завязавшейся стычке.

Когда вождь гвабе Кондло ушел в другой мир, а власть перешла к его сыну Пакатвайо, тот по молодости лет решил, что отец его не проявил достаточной твердости в конфликтах с мтетва. Однако, когда Дингисвайо явился во главе У-Егондлову к его краалю, мужество Пакатвайо улетучилось, и он со своим незадачливым воинством скрылся в лесу, бросив на произвол судьбы не только скот, но даже и собственную семью, которая тут же попала в руки мтетва. Но Дингисвайо и на этот раз остался верен себе. Не желая излишнего кровопролития, он снова устроил пирушку и пляски, а потом обратился к присутствующим гвабе с короткой речью: «А теперь забирайте семью вождя домой. Я воюю с мужчинами, а не с женщинами. Когда же мужчинам приходится оставлять своих женщин врагу, это вполне достаточный признак того, что им нанесено поражение». Слова эти стоили нескольких сражений, ибо привлекли на его сторону многих колеблющихся.

Правда, Македама, вождь э-лангени, родного племени Нанди, не слишком полагаясь на великодушие Дингисвайо, едва только ему донесли о приближающемся со стороны моря облаке пыли, поднятом ногами воинов мтетва, укрыл своих людей и скот в лесу и переждал там грозу. И хотя лес этот потом стал называться «ен-гавени ка Македама», то есть «крепостью Македамы», одной только пыли, поднятой мтетва, оказалось достаточно, чтобы он признал главенство Дингисвайо и «добровольно» направил ему скот в качестве дани.

В удивительно короткий срок Дингисвайо удалось подчинить себе окрестные племена лестью, уговорами, богатыми посулами, а часто и оружием, включая их в «империю мтетва».

И это именно к нему принесли посланцы Нгомаана выделанную шкуру убитого Чакой леопарда.

Многое может узнать бывалый охотник по шкуре зверя, убитого другим человеком. Дингисвайо теперь часто приносили леопардовы шкуры, но почти на каждой из этих шкур оказывалось множество заштопанных дыр от ран. Это означало, что охотники в страхе перед зверем нетвердой рукой наносили случайные удары, а потом еще, обозленные собственным страхом, били его уже мертвого, вымещая на нем свой страх и свою досаду. Но на этой шкуре были всего две аккуратно заштопанные пробоины. Охотник, добывший ее, был, несомненно, смелым человеком и опытным воином.

Только чтобы лишний раз убедиться в справедливости своих наблюдений, Дингисвайо спросил:

— Кто убил этого леопарда?

— Юный пастух из округи Нгомаана. Его зовут Чака, он сын вождя людей зулу, но уже шесть лет живет с нами.

Ответ был неожиданным. Дингисвайо хотел было спросить, почему этот Чака — что за странное имя! — не живет в краале отца, но передумал. Ему ли — Скитальцу — не знать, что подобных причин бывает великое множество.

Так изгнанник в прошлом, а ныне вождь вождей могущественнейшего племени мтетва Дингисвайо впервые услышал имя другого изгнанника — Чаки. Подумал ли он о схожести их судеб — неизвестно. Но когда два года спустя Дингисвайо приказал набрать из молодежи новый полк Изи-цве, а потом вместе с Бузой, их командиром, осматривал новичков и услышал, что юношу огромного роста с горделивой осанкой зовут Чакой, он вспомнил о леопардовой шкуре и поглядел на юного воина с интересом.

Сразу по прибытии новобранцам раздали снаряжение. Чаке, как и всем остальным, дали огромный боевой щит, обтянутый шкурой буйволицы, три метательных копья, браслеты из белых бычьих хвостов, которые полагалось носить над локтями и под коленями, юбочку из меховых полосок, головную повязку с плюмажем из черных перьев и сандалии из бычьей кожи. Пока остальные юноши, примеряя обновки, весело перебрасывались шутками и дурачились, Чака отошел в укромный уголок крааля и там, медленно, как бы священнодействуя, принялся облачаться. Смущали его, собственно говоря, только сандалии — грубые и неуклюжие, они непривычно стесняли ногу и мешали двигаться.

Служи они просто обувью, это было бы понятно — от них и отказаться было бы незазорно, особенно ему, чьи ноги давно огрубели до того, что он уже совершенно не замечал колючек вельда. Самым неприятным в них было то, что ношение их рассматривалось многими как знак доблести: люди племен нгуни, с детства приученные обращению с копьем, легко уворачивались от метательных дротиков. Вот поэтому-то неуклюжие сандалии, мешающие воину свободно маневрировать, расценивались как наряд храбреца.

После первого торжественного дня, когда Дингисвайо приказал убить нескольких быков для поднятия духа новичков, наступили будни, заполненные военными упражнениями и небольшими переходами, которые должны были приучить молодых воинов к дисциплине и совместным действиям. Армия Дингисвайо жила походами и военной добычей, но в перерывах между кампаниями каждый солдат сам заботился о своем пропитании. Практически это означало, что родственники приносили им продукты из дому. Правда, если полку доставалась богатая добыча, то эти же родственники угоняли взамен принесенных гостинцев скот, доставшийся их воинам в качестве награды.

Только па третий день к воротам военного крааля Эмангвени, где расположен был полк Чаки, пришли Ном-цоба с Пампатой и принесли ему снедь. По обилию ее Чака сразу же догадался, что это опять Пампата выпросила у своих родителей провизию для него.

Вскоре Изи-цве было приказано отправляться в первую настоящую военную экспедицию. Чака с нетерпением дожидался встречи с подлинным противником.

Незадолго перед выступлением Буза собрал молодых воинов и объявил им, что согласно обычаям предков каждый из них, убив врага, обязан будет затем совершить суда изембе — искупительный поступок, который смоет лежащий на нем грех — убийство человека. До совершения сула изембе даже самый заслуженный воин считается осквернением, и ему нельзя участвовать в жизни крааля, а кроме того, он должен еще соблюдать самым строгим образом целое множество запретов.

Назначить новичкам сула изембе пришла известная знахарка Долела. Она сразу же заметила в длинной шеренге воинов Чаку — слишком уж выделялся он ростом и статностью. Чака впервые видел вблизи знаменитую колдунью, и, поскольку опыт приучил его не ждать ничего хорошего от людей, водящихся с духами, он поглядывал на нее с опаской, а когда она вплотную приблизилась к нему, то и вовсе отвел глаза. Приняв его беспокойство за

смущение, Долела испытующе посмотрела на юношу и изрекла:

— Твоим сула изембе будет провести ночь с женщиной.

Сзади кто-то хихикнул. Чака хотел было что-то сказать, но знахарка уже разговаривала с его соседом. Он оглянулся, чтобы разглядеть насмешника, но лица всех были серьезны.

Чака трудно сходился с новыми людьми и даже здесь, среди воинов Изи-цве, долгое время держался особняком. Другу следует все знать о тебе, а рассказывать печальную повесть своей жизни первому встречному ему не хотелось. И все же очень скоро у него появились два человека, дружбу и любовь к которым он пронес через всю свою жизнь. Первым из них был выходец из племени мсане, Мгобози, человек общительный, смелый и великодушный, весельчак, готовый не только разделить с товарищами и трапезу и колебасу пива, но и прийти на выручку в трудном положении. Чака и сам не смог бы точно объяснить, чем именно и когда сумел Мгобози завоевать его расположение, но, видимо, таков уж был этот Мгобози — каждый, кто сталкивался с ним, мгновенно подпадал под его обаяние. Несколько иначе обстояло дело с Нгобокой. С ним Чаку роднила скорее всего общность их судеб. Нгобоко тоже пришлось искать пристанища среди мтетва, покинув родные земли племени сокулу. Однажды, сидя у вечернего костра и попивая пиво, добытое неведомо где все тем же неунывающим Мгобози, Нгобока поведал друзьям но только свою собственную историю, по и историю своего племени.

Оказывается, сокулу в свое время прославились тем, что сумели вывести настолько жирную породу скота, что коровы и быки их могли лишь с трудом передвигаться. Со своим вождем Длабелой, дедом Нгобоки, они прибыли на побережье и попросили пристанища у вождя мтетва Кайи, деда Дингисвайо. «Хорошо, — ответил тот, — отправляйтесь на южный берег дельты Умфолози, прогоните оттуда ама-нтлевенга и оставайтесь там вместо них». Однако на следующий день Длабела вернулся, понеся тяжелое поражение. Но тут с подобной просьбой обратились к Кайе и ньяво-суто. Объединенными усилиями они разбили ама-нтлевенга, после чего племена слились под общим названием сокулу. Этому племени, столь искушенному в животноводстве, нетрудно было завоевать некоторый авторитет среди соседей, и Джобе, ставший вождем мтетва после Кайи, отдал одну из своих дочерей замуж за сына Длабелы Лангу, который стал теперь вождем сокулу после смерти отца. От этого-то брака и появился на свет Нгобока.

Однако после смерти Ланги началась борьба за власть между другим его сыном Нондлову и Нгобокой, в результате которой Нгобоке пришлось бежать к мтетва — народу его матери. Так он и

попал в Изи-цве.

Друзья попытались утешить его, но он и сам заявил, что пребывание в армии Дингисвайо послужит для него отличной школой, а там, что бы ни случилось, он уже не повторит своих юношеских ошибок, и горе Нондлову, если духам будет угодно снова столкнуть их на узкой дорожке.

И вот наступила наконец пора отправиться в первый поход. Молодежь страшно волновалась, и волнение это передалось их командиру, хотя он прекрасно знал, что предстоящая схватка эта будет иметь чисто воспитательное значение: просто вождю людей ксаве захотелось немного покуражиться, но всерьез тягаться с силами мтетва он не может.

По освященному веками обычаю враги выслали вперед своих отборных воинов, которые завязывали поединки, издалека раззадоривая друг друга насмешками. В числе воинов, вышедших из рядов Изи-цве, был и Чака.

Примерно в пятидесяти шагах от себя он увидел старого и, судя по почетному кольцу на голове, заслуженного воина ксаве. Чака хотел было сразу же сблизиться с ним, но не заметил торчащего в траве корешка и, споткнувшись, чуть было не растянулся во весь рост. Пропади они пропадом, эти сандалии, к которым он так и не смог привыкнуть!

— Полюбуйтесь на этого юнца, — выкрикнул ветеран ксаве, — он уже на ходу ест землю!

Чака яростно метнул копье. Только человек, обладающий незаурядной силой и меткостью, может надеяться поразить цель на таком расстоянии, и это сразу же должен был оценить ксаве. Но старый воин ленивым, почти неуловимым движением уклонился от удара, ловко подставив щит так, что копье только скользнуло по его коже и, мелко дрожа, воткнулось в землю.

— Тебе не терпится поскорее выбросить свои копья и сдаться в плен? — осведомился невозмутимый ксаве под одобрительный хохот своих соплеменников.

Чака сделал еще несколько шагов вперед и снова метнул копье, но с тем же результатом. Он понял, что воин ксаве намочил перед боем покрывавшую щит бычью шкуру и теперь ему достаточно слегка наклонить его, чтобы любое копье соскользнуло с его поверхности, не причиняя никакого вреда владельцу щита. Мбийя рассказывал Чаке когда-то о такой хитрости, но разве все упомнишь. Шнурок на его сандалии лопнул, и теперь она волочилась за ним, окончательно мешая передвигаться.

У Чаки осталось одно-единственное копье. И, метнув его с тем же результатом, он вынужден был бы вернуться в строй под

насмешливые выкрики врагов. Ему вспомнился леопард. Только бы сойтись сейчас вплотную, грудь с грудью с этим надутым хвастуном! Он присел и, уже вовсе не заботясь о том, что о нем подумают друзья или враги, принялся яростно срывать сандалии.

— Эй, щенок, ты что, собираешься бежать за подмогой? Ты наконец понял, что обувь воина тебе ни к чему. Иди и снова просись в пастухи! — кричал ксаве. Но Чака уже освободился от ненавистных сандалий и легкими прыжками устремился к врагу. На бегу он перехватил копье поближе к наконечнику, чтобы удобнее было действовать в ближней схватке. Только теперь воин ксаве метнул почти в упор свое копье. Чака не успел увернуться, и копье, пробив щит, прошло почти вплотную с его левым боком, чуть пониже согнутого локтя. Воин ксаве занес для броска второе копье, но было уже поздно — своим щитом Чака ударил в щит противника, разворачивая его и открывая тем самым незащищенный бок. В последний почти неуловимый миг Чака прямо перед собой увидел выкатившиеся от ужаса глаза врага и нанес страшный удар в этот незащищенный бок, действуя наконечником копья как ножом. Тонкое древко копья сломалось при этом, как сухая тростинка.

Наступив на поверженного врага, Чака выкрикнул боевой клич: «Нгадла (Я съел)!» И только после этого он подобрал копья врага. Он постоял над ним, бросая вызов остальным воинам ксаве, но ни один из них не решился выйти к нему. Чака хотел было уже вернуться в строй, по воины Изи-цве, разгоряченные неожиданным успехом своего товарища, сами устремились на врага, подбадривая себя воинственными криками. Их толпа захлестнула его, и он побежал вперед, раздавая удары направо и налево, но так больше ни разу и не метнув своих копий. Схватка была недолгой, а победа очевидной.

Сразу же после боя Буза собрал воинов и форсированным маршем повел их обратно к Эмангвени, выслав к Диигисвайо гонца с известием о победе.

Много женщин вышло встречать победителей, но Пампата была впереди всех. Она поджидала их на полпути между краалем Нгомаана и Эмангвени. Так сам собой и решился для Чаки вопрос о сула изембе. Не заходя даже в крааль, где ему делать было нечего, в полном вооружении отправился Чака вместе с Пампатой к облюбованному ею ручью. Там в тени огромной мимозы и провели они первую свою ночь, и ложем им служил огромный щит Чаки со свежими еще пробоинами первого боя. А наутро Пампата предрекла юному воину его трудную и завидную судьбу. И неизвестно, чего было больше в этом пророчество — здравого смысла, веры в своего возлюбленного или просто девичьих грез…

Время было тревожное. Государство Дингисвайо формировалось постепенно — переговорами, союзами, родственными связями, но чаще всего военной доблестью. Полк Изи-цве проводил время почти в беспрерывных походах, и из всех схваток Чака неизменно выходил победителем. Более того, тактику его переняли теперь и Нгобока с Мгобози, Сразу же после первого сражения Чака отказался не только от сандалий, но и от пары запасных копий, и теперь, когда он устремлялся навстречу врагу, у того уже обычно не оставалось времени, чтобы поизощряться в остроумии. Вскоре он сделался общим любимцем и гордостью полка — ему поручалось открывать церемонии победного танца. Единственно, что смущало Чаку, так это то, что легкие копья часто ломались при ударе, и однажды это чуть не стало причиной его гибели.

Слава о непобедимом воине проникла, по-видимому, и в стан врагов. И тогда в одном из сражений на Чаку была устроена самая настоящая засада. Когда он по установившемуся уже неписаному правилу вышел перед началом боя на поединок, его противник вместо того, чтобы стоять на месте и метать свои копья, начал отступать перед приближавшимся к нему Чакой. Бросившись вперед, Чака наконец настиг его и нанес смертельный удар. Хрупкое копье предательски сломалось у самого наконечника, и не успел Чака завладеть копьями врага, как на него со всех сторон бросилось несколько воинов противника, заблаговременно укрывшихся в густой траве у места предполагаемого поединка. Только благодаря подоспевшим на выручку Мгобози и Нгобоке Чаке удалось отделаться лишь несколькими царапинами.

Случай этот заставил его вновь задуматься над несовершенством своего оружия. Он перепробовал самые различные метательные копья, но ни одно из них так и не пришлось ему по руке. Прикидывал он и возможность использования более тяжелых копий, приспособленных для охоты на крупного зверя, но они тоже не подходили для его цели, хотя он по нескольку раз переделывал древко, укорачивая его и подгоняя поудобней. Однако труды эти не пропали даром. Воин живет своим оружием, следовательно, ему необходимо изготовить себе такое копье, которое не подведет в решительный момент. И вот постепенно благодаря всем проведенным испытаниям Чаке мало-помалу стало ясно, каким именно должно быть его новое оружие. Однако, чтобы и здесь не произошло ошибки, Чака решил обратиться к лучшему из кузнецов.

К юго-западу от земель мтетва раскинулись земли племени мбонамби, которое издавна славилось своими кузнецами, самым же знаменитым из кузнецов мбонамби был человек по имени

Нгоньяма.

Глава V

Искусство кузнеца, искусство человека, обращающего камень в железо, — ремесло трудное, почетное и загадочное. Секреты его строго охраняются посвященными, а посвященные эти пользуются недоброй славой. Как и все люди, часто общающиеся с духами — а ведь кто, кроме духов, помогает кузнецам обратить красный камень в благородное железо! — они внушают окружающим суеверный страх, а случайная встреча с кузнецом не предвещает удачи…

Давняя это история — столь давняя, что люди уже и не помнят толком, происходило ли это на самом деле или только пригрезилось кому-то. Стада племен нгуни паслись тогда далеко на севере, а соседями нгуни были могучие и воинственные народы, которыми правили грозные и жестокие цари. Воинов у них было больше, чем звезд на небе, чем травинок в вельде. И никто не мог противостоять этой силе, ибо цари ради власти запродавали себя злым духам и приносили им человеческие жертвы. А злые духи взамен обучили царей искусству обращать хрупкий камень в упругое и покорное в умелых руках железо. Но только мало кому было пользы от этого царского ремесла. Вооруженное железным оружием войско их легко опрокидывало отряды храбрейших воинов, и не помогали против копий с железными наконечниками ни отвага воина, ни мудрость пастуха, ни хитрость и смекалка охотника. И пришлось племенам нгуни собирать скот свой, жен своих и домашнюю утварь и бежать на юг, чтобы спастись от полного уничтожения. И долго еще народы нгуии охотились на зверей и сражались с врагами деревянным и каменным оружием. Много лет скитались они, пока добрались до здешних мост, но и тут пришлось вести им долгую борьбу с бушменами — низкорослыми людьми, которые не любят пристального взгляда и убивают врагов своих заговорами. Здесь научились нгуни строить краали для защиты от диких зверей и незваных гостей. Но много гибло охотников и воинов, потому что вступать в поединки со львами или леопардами им приходилось с простыми деревянными копьями.

И вот в те далекие времена появился в этих краях странный незнакомец. Дурной это был человек, и злоба руководила всеми его поступками. Был он царским сыном могущественного северного народа, того самого, от которого достаточно натерпелись люди нгуни. Много дурного совершил он в родных краях, свергнув с престола отца, долго и жестоко боролся потом за власть со своими братьями. Но не на пользу пошли ему злые

дела. Войска его были разбиты, а сам он, как преследуемый охотниками зверь, бежал в эти далекие земли.

Долго скрывался он в лесах, куда без крайней нужды не заходят люди нгуни, и только изредка попадался на глаза жителям близлежащих краалей. А потом, облюбовав укромное местечко на лесной опушке неподалеку от бьющего здесь родника, он занялся хитроумным своим ремеслом. То ли помогали ему лесные духи, то ли действительно велико было искусство царского рода, но наконечники для копий, выкованные им, были прочными и никогда не ломались. Не только скот, но и лучших юношей и девушек потребовал он в обмен на свои смертоносные изделия. Очень рассердили людей нгуни его непомерные требования, да не обойтись им было без доброго оружия в сражениях с многочисленными врагами. Вот и пришлось им идти на поклон в логово кровожадного и алчного царского сына.

Скоро крааль его стал самым богатым в этих краях. Много было у него сыновей, и смешалась кровь далекого царского рода с кровью народа нгуни. Но ревниво оберегали тайну своего мрачного ремесла его потомки, от отца к сыну передавая секреты. И смешали они нравы и обычаи добрых и справедливых жителей вельда с жестокими обрядами северных людей. Вот почему и по сей день не любят люди приближаться к краалям кузнецов, а если уж выпадет такая нужда, то отправляются туда не иначе как испросив заступничество духов предков в этом опасном предприятии.

Если прикинуть все эти соображения, станет понятно, что задуманный Чакой визит в крааль Нгоньямы был делом довольно-таки рискованным и необычным. Поэтому-то, когда он, отпросившись у Бузы па несколько дней, пустился в путь, вооруженный тремя тяжелыми копьями для охоты па буйволов и своим огромным щитом, друзья провожали его с тяжелым чувством.

Крааль Нгоньямы раскинулся в пустынной местности, окруженной мрачным и таинственным лесом. Без колебаний вошел Чака в ворота крааля и с достоинством поздоровался с жителями его, которые, изумленные необычным визитом, удивленно уставились на него. Окинув взглядом внутренние постройки, он сразу же направился к большой хижине, у входа в которую восседал мужчина средних лет с кольцом на голове. Чака безошибочно угадал в нем главу крааля.

Подойдя, Чака в соответствии с обычаем приветствовал его словами «Сакубона, баба» («Мы видим тебя, отец») и молча застыл перед ним.

Незнакомец помолчал несколько мгновений, внимательно изучая пришельца, а затем ответил: «Сакубона».

И опять, выдержав приличествующую в таком случае паузу, глава крааля осведомился о здоровье пришельца, на что тот учтиво ответил и, в свою очередь, задал аналогичный вопрос.

Затем хозяин поинтересовался, далеко ли держит путь его гость, что по правилам вежливости, которые не допускают прямых вопросов, давало наконец Чаке возможность представиться. Такая беседа велась еще некоторое время, однако цель визита все еще не затрагивалась в разговоре.

Нгоньяма, человек опытный и наблюдательный, мог бы за это время попять, что перед ним стоит человек не вполне обычный. Правда, это было ему понятно с самого начала, так как обычный человек и вовсе не решился бы на такой визит. Величавое достоинство молодого воина, его несомненно огромная сила, щит с многочисленными отметинами вражеских копий — все это говорило о том, что перед ним стоит искушенный воин, но робеющий перед лицом врага и привычный как равный вести беседу с высшими. И, несмотря на то, что па пришельце не было ни клочка леопардовой шкуры, кузнец понял, что перед ним либо вождь, либо сын вождя — явление нередкое в эти времена смут и взаимных распрей.

Когда же Чака наконец рассказал ему о цели своего визита и о своих заботах, кузнец и сам заразился его горячностью. Он тут же согласился, что наносить удары в ближнем бою метательным копьем не имеет смысла — слитком уж оно легкое и хрупкое. Сначала он предложил переделать для этой цели исипапа — одно из тяжелых копий, принесенных Чакой, которые используются для охоты на буйволов, но гость его тут же сказал, что он уже перепробовал все виды существующих копий и что ради простой переделки копья он не стал бы обращаться к столь прославленному мастеру. Ему требуется копье, которого еще никто не видывал в этих краях, копье совершенно новое. Копью этому предстоит сыграть большую роль, и поэтому ему следует придать особую форму в строгом соответствии с указаниями Чаки.

В результате ожесточенного спора, в ходе которого кузнец позабыл о своей профессиональной важности, а Чака — о своем юном возрасте, они пришли к выводу, что наконечник колья нужно сделать в виде клинка шириной примерно в три пальца, равномерно сужающегося к острию, и длиною в руку, от кончиков пальцев до локтя. Древко копья должно быть достаточно массивным, а соединение наконечника с древком особенно прочным.

Наступило время ужина, и только за обильной трапезой хозяин крааля вновь обрел свою прежнюю невозмутимость. Досадуя на то, что в увлечении он позволил себе спорить как мальчишка, Нгоньяма принялся толковать о больших затратах, которые ему придется сделать ради создания нового оружия. Ведь если при изготовлении обычного копья общепринятого вида иногда можно и пренебречь кое-какими обрядами, то теперь при выполнении заказа Чаки необходимо совершить абсолютно все обряды, чтобы заручиться поддержкой духов в этом важном начинании. На этот раз никак нельзя пользоваться металлом, побывавшим в употреблении, а это означает, что придется делать новую плавку в новой плавильной печи и с новыми мехами.

По мере того как кузнец говорил о предстоящих ему расходах, лицо Чаки все более омрачалось. Ему, никогда в жизни не владевшему собственным стадом, любая цена была высокой, и он не на шутку встревожился, что невозможность расплатиться с Нгоньямой может окончательно сорвать задуманное дело.

Однако Нгоньяма не зря славился не только своим кузнечным искусством, но и умением разбираться в людях. Сидящий перед ним юноша явно не богат, и тем не менее он задумал дело, которое, приведи оно к успеху, будет залогом богатства многих краалей. Да и на новый вид копья, сделанного в соответствии с его указаниями, наверняка найдется впоследствии немало более состоятельных заказчиков.

— Но ты не горюй, человек народа зулу, — неожиданно прервал свои сетования Нгоньяма, — за это копье ты пригонишь мне одну-единственную телку, да и ту ты пришлешь мне в любое удобное для тебя время.

Приготовления к новой плавке были начаты утром следующего же дня. Нгоньяма разрешил Чаке наблюдать за всеми стадиями появления на свет нового оружия. Но Чака не стал злоупотреблять доверием кузнеца и, как только была изготовлена плавильная печь, вернулся в свой полк. Через пять дней он снова повторил свое путешествие и прибыл в крааль Нгоньямы как раз в тот момент, когда кузнец собирался приступить к окончательной отделке наконечника. С первого же взгляда на заготовку Чаке стало ясно, что Нгоньяма отлично понял и воплотил в металле его замысел. Клинок наконечника получился именно таким, какой требовался, — массивный, достаточно длинный и широкий. Наконечник был готов. Оставалось только соединить его с древком, а это тоже немаловажная операция — ведь от прочности соединения зависит надежность оружия. Нгоньяма, оказывается, продумал и это. Для древка он уже заготовил молодое деревцо с прочной и упругой древесиной красноватого цвета. Отрезав кусок

указанной Чакой длины, он раскаленным прутом проделал в торце его отверстие и залил его соком какого-то луковичного растения, а затем, нагрев черенок клинка, вставил его в подготовленную выемку. Постепенно охлаждаясь, сок затвердел и прочно закрепил черепок. Место соединения туго обмотали лубяными нитками, а сверху натянули кожу, снятую с хвоста только что забитого быка. Высохнув, кожа еще туже стянула древко, а оставшаяся на ней шерсть не давала скользить руке. Да, такое оружие не подведет в бою!.. Но теперь Чаку волновало другое. И когда наконец он высказал свои опасения, Нгоньяма понял, что не зря назначил он столь низкую цену за свой тяжкий труд — ведь не успев нарадоваться только что рожденному ассегаю, юноша народа зулу осведомился, неужто на изготовление сотни таких копий Нгоньяме понадобится целых три года. Да, на этот раз Нгоньяма сделал ставку на нужного быка! Чуть приоткрыв завесу таинственности, покрывающую кузнечное ремесло, он объяснил будущему вождю — теперь он уже не сомневался в высоком предназначении гостя, — что строгое соблюдение всех обрядов необходимо только при рождении новой разновидности оружия, а такое случается нечасто. В дальнейшем копья того же вида можно будет изготовлять и без соблюдения всех этих формальностей. Нгоньяма понял, что вскоре ни один из кузнецов племени мбонамби не останется без дела.

Копье, изготовленное Нгоньямой, было испытано при весьма благоприятных для Чаки обстоятельствах. Пунгаше, старый противник Сензангаконы, одерживая неизменные победы над более слабыми соседями, настолько уверовал в свою непобедимость, что перестал считаться с могуществом мтетва, и Дингисвайо решил сбить с него спесь. Вождь мтетва лично возглавил сведенные в одну бригаду полки Изи-цве и У-Енгондлову. Цель похода держали в тайне, и Чака начал догадываться о ней только тогда, когда они достигли реки Умлатузи и ему все чаще стали попадаться знакомые еще с детства места и. названия краалей. В душе он не имел бы ничего против, если бы экспедиция эта была направлена против зулу, но, прикинув в уме число воинов мтетва, сообразил, что бой предстоит с более серьезным противником.

Когда стемнело, воины мтетва ускоренным маршем двинулись вперед и вскоре достигли крааля Пунгаше. То, что Дингисвайо решил покарать именно бутелези, Чака счел добрым предзнаменованием. Ему давно уже было известно, что отец его, устав от поражений, которые Пунгаше наносил ему с обидным постоянством, назначил наследником Бакузу, сына своей десятой

жены Сондабы, взятой им из племени бутелези. Может быть, духи предков сделают так, что Чаке удастся столкнуться с братом в бою, и тогда их отцу придется только пожалеть, что он не назначил своим преемником более достойного. В исходе же этой встречи, как, впрочем, и в исходе предстоящего сражения, Чака не сомневался.

Однако на этот раз проверенная тактика Дингисвайо не оправдала себя — Пунгаше проявил осмотрительность и не дал захватить себя врасплох. Когда воины мтетва, соблюдая величайшую осторожность, окружили наконец его крааль, оказалось, что западня пуста.

И все же скрыться от карающей руки Дингисвайо Пунгаше так и не удалось. Высланные во все стороны разведчики вскоре обнаружили бутелези, затаившихся в узкой долине реки, примерно в двухчасовом переходе от крааля. Полки мтетва стремительным маршем двинулись на сближение с противником.

Дальше все пошло по заведенному порядку. В последовавшей стычке Пунгаше потерял пятьдесят из своих шестисот воинов и, уплатив дань скотом, покорился Дингисвайо.

Однако напрасно Чака предвкушал поединок с наследником Сензангаконы. Ведь он никогда так и не видел своего сводного брата, а следовательно, и узнать его не имел никакой возможности. И хотя новый ассегай его изрядно поработал, то обстоятельство, что Бакуза пал именно в этом бою, было делом простой случайности. И все же сражение это сыграло в судьбе Чаки большую роль. Важно было уже то, что Дингисвайо впервые увидел Чаку в деле. Вождь мтетва не только отдал должное доблести и мужеству юноши, но и разгадал скрытый в нем полководческий талант. Молодой воин был назначен командиром сотни и получил десять голов отборного скота. Значение этого боя, по крайней мере для Чаки, не исчерпывалось этими наградами. Сензангакона, его отец, после разгрома, учиненного бутелези, без присущих ему колебаний полностью подчинился Дингисвайо, а это означало, что теперь он не только станет прислушиваться к советам вождя мтетва, но и будет вынужден подчиняться его приказам.

Дингисвайо правильно рассудил, что не имеет смысла сворачивать так удачно начатый поход, не приведя в покорность и остальных соседей бутелези. Войско мтетва двинулось на Кали, сына Шапду, вождя эма-мбатени. Племя это успело скрыться на недоступной вершине горы Нтлазаче, что и спасло его от разгрома, но тем не менее во время прочесывания окрестностей был обнаружен и убит Нкомо, младший брат Кали.

Неожиданно свернув со своего пути влево, мтетва захватили

врасплох Ньяныо, сына Согиди, вождя младшей ветви племени зламини. Вождь умер от ран, а племя признало верховенство мтетва. Затем, форсировав реку Умбекулози, мтетва добрались до Веси-Зиба — крааля Донды, вождя племени кумало. Тот, видя явное превосходство мтетва, подчинился их власти, так и не решившись принять бой…

Отметив отличившегося в сражении с бутелези Чаку, Дингисвайо продолжал пристально следить за его действиями на протяжении всей кампании. Его сотня решила исход большинства сражений, последовавших за битвой с бутелези, и это вовсе не потому, что остальные командиры уклонялись от боя. Несмотря на юношеский азарт, Чака не теряет из виду общую картину боя и появляется именно там, где он бывает нужнее всего. Если этот юноша не сорвется, ему вскоре можно будет поручить и полк.

Понравился Дингисвайо и Нгобока, но относительно него у вождя мтетва были свои планы. Что проку назначать его командиром сотни или даже тысячи — в армии мтетва и без него хватает способных военачальников, а то, что он по нраву может претендовать на место вождя племени сокулу, — обстоятельство весьма благоприятное. Пусть еще послужит, пусть заведет здесь побольше друзей, пусть убедится в могуществе мтетва и привыкнет считать дело мтетва своим собственным делом, и тогда, но только тогда, полезно будет помочь ему стать во главе родного племени. Это не потребует значительных затрат и даст Дингисвайо преданного и мужественного союзника. Чака полагал, что теперь мтетва повернут на юго-восток и расправятся с такими племенами, как цубе, цуну или тембу, но Великий решил иначе. Дингисвайо великолепно знал, что на севере крепнет сила ндвандве. Звиде, их вождь, пусть и разбитый в свое время Дингисвайо, несмотря па заверения в дружбе, напряженно следит за каждым шагом вождя мтетва и, стоит тому только оступиться, немедленно нанесет предательский удар в спину. Племя у Звиде многочисленное, и только дисциплина и отличная выучка полков мтетва обеспечивают им превосходство. С юга владычеству мтетва если и не угрожает, то, во всяком случае, успешно противостоит племя гвабе во главе с Пакатвайо. Гвабе далеко не так сильны, как мтетва или ндвандве, но, присоединившись к тем или другим, могут существенно изменить соотношение сил. Нет, пока что Дингисвайо не следует прибегать к крайним мерам, ему нужно добиваться объединения племен нгуни преимущественно мирным путем. Поэтому, не слушая советов горячих голов, вождь мтетва велел возвращаться домой.

Сотня Чаки на пути в родные места свернула к краалю Нгомаана, где командир ее намеревался рассказать о своих

подвигах, а может, и просто покрасоваться перед близкими во всем блеске своего нового чина. Здесь, однако, вместо радостных объятий и веселой пирушки воины узнали о беде, невесть откуда свалившейся на самого Нгомаана и на всю округу. Не так давно в этих местах построил себе крааль незваный пришелец, который не только не испросил у старейшин разрешения на это, но и стал нападать на соседские стада и уводить скот. Буйный нрав и гигантский рост укрепили за ним прозвище Безумного великана. Нгомаан послал к нему нескольких воинов, дабы одернуть наглеца, но тут оказалось, что человек этот способен сражаться как разъяренный буйвол или носорог. К тому же и бой он ведет невиданными среди нгуни приемами. Вооружившись тяжелым топором с рукоятью из полированной слоновой кости, — второй топор и щит для отражения метаемых в него копий он держал в левой руке — Великан ринулся на подошедших воинов, и только кое-кому из них удалось спастись бегством. Из рассказов этих беглецов следовало, что человек этот одержим духами, а накурившись конопли, он забывает о всякой осторожности и атакует врагов, не считаясь с числом их. Все свято уверовали в правдивость их слов, а у Нгомаана не было под рукой достаточного количества воинов, чтобы еще раз испытать, так ли уж могущественны духи, помогающие пришельцу.

Вот эти невеселые новости Нгомаан и поведал Чаке, когда тот прибыл к нему доложить о своем возвращении. Старейшина округа попросил дать ему воинов, чтобы предпринять еще одну попытку избавиться от незваного гостя. Искреннее горе старого друга, а главное, какая-то обреченность в тоне всегда столь спокойного и рассудительного Нгомаана, опытного и в бою и в управлении округой, произвели тягостное впечатление на молодого воина. Нет, это не дело направлять своих воинов на рискованное предприятие под руководством другого, пусть даже прославленного индуны. Во главе их пойдет сам Чака. Этим он уплатит хотя бы малую часть своего долга народу мтетва. В почтительных выражениях, но весьма твердо Чака так и объявил старейшине, а поскольку дело это не терпит отлагательств, он тут же и попросил заметно повеселевшего Нгомаана прислать ему тех воинов, которые уцелели после злополучной схватки с Великаном.

Прекрасно понимая, что, рассказывая о собственных поражениях, люди обычно склонны преувеличивать силу противника, Чака велел по одному вводить их в хижину, выбранную специально для этой беседы.

Из сбивчивых и путаных рассказов трех изрядно перепуганных обитателей краля он сделал вывод: его будущий

противник и в самом деле обладает недюжинной силой и храбростью, он легко приходит в ярость, и — что самое главное — Великан стремится сойтись с врагом вплотную. Правда, все это Чаке удалось вытянуть из них только после обещания, что им не придется приближаться к краалю Великана. Выйдя наконец из хижины, он снова обсудил предстоящее дело с Нгомааном, пригласив заодно и Нгобоку с Мгобози. После недолгого, по горячего спора, в ходе которого Мгобози вдруг потребовал, чтобы бой с Великаном был поручен именно ему, более осторожный Нгобока посоветовал вообще не затевать никаких единоборств, а взять побольше воинов и забросать врага копьями еще до того, как тот успеет пустить в ход свой хваленый топор. В конце концов Чака объявил, что поединок будет все-таки вести он, Чака, но поскольку речь идет не о демонстрации молодеческой удали, а об избавлении округа Нгомаана от вредного соседства, он возьмет с собой несколько воинов, с помощью которых и выполнят эту задачу даже в том случае, если Великану все-таки удастся одержать над ним верх.

Поручив уравновешенному Нгобоке отобрать воинов, Чака с Мгобози двинулись к вражескому краалю. По пути Чака еще раз объяснил другу, сколь многим он обязан народу мтетва и лично Нгомаану и почему ему так хочется собственными руками отвести нависшую над ними беду. Но Мгобози, без ревности относившийся к чужой и собственной славе, тут же предложил, не дожидаясь подхода Нгобоки, прикончить Великана, или как там его величают, вдвоем, а потом доложить Нгомаану, что сделал это один Чака. Старейшине это будет приятно, да и Мгобози не придется стоять в сторонке, любуясь доброй схваткой. Нгобока же с его молодцами пригонят отбитый ими у Великана скот к краалю Нгомаана в целости и сохранности — ему ли, человеку из племени сокулу, не знать, как следует ухаживать за скотом. Но тут их догнали остальные воины, и спор этот прекратился сам собой.

К вражескому краалю они подошли только перед самым заходом солнца и собственными глазами видели, как несколько мальчишек загоняли в ворота вернувшееся с пастбища стадо. Чака насчитал всего десятка полтора голов и понял, что рассказы о количестве захваченного Великаном скота явно преувеличены. Он даже немного встревожился, опасаясь, что слухи о силе и непобедимости предполагаемого противника тоже преувеличены, и окажется, что весь этот путь проделан ради встречи с каким-то надутым наглецом. Однако, увидев сидевшего перед воротами крааля человека с рогом дымящейся конопли в руках, он сразу же понял, что, по крайней мере, на этот счет опасения его напрасны.

Сидящий казался огромной глыбой из темного камня. Впечатление это, возможно, усиливалось и тем, что лучи заходящего солнца били сейчас Чаке в глаза и лишали его возможности хорошенько разглядеть того. Чака велел сопровождавшим остаться на месте, а сам двинулся к воротам. Великан, не поворачивая головы, выкрикнул какое-то приказание. Тут же из ворот появился мальчик и что-то положил на траву рядом с ним. Услышав за собой шаги, Чака недовольно оглянулся. Конечно же, это Мгобози. Не обращая внимания на сердитый взгляд Чаки, тот протягивал ему запасное копье. «Бери, — сказал он как ни в чем не бывало. — О такую тушу можно свободно сломать и твой ассегай». Улыбался же он при этом настолько благодушно, что Чака просто промолчал и машинально взял протянутое копье. Тем более что препираться было уже некогда — человек, сидевший у ворот крааля, с неожиданной легкостью вскочил и бросился ему навстречу, размахивая не то дубинкой, не то топором, выкрикивая на бегу что-то бессвязное. Только теперь Чака убедился, что, сравнив Безумного великана с атакующим буйволом или носорогом, воины Нгомаана не очень погрешили против истины — тот мчался сейчас прямо на него по склону холма, успевая при этом еще и прикрываться щитом, который, правда, был значительно меньше щитов нгуни, но зато и не сковывал движений. Испытанный прием здесь явно не подходил — гигант просто сшиб бы его с ног при столкновении, и Чака сразу же оценил предусмотрительность Мгобози. Отпрыгнув в сторону, он метнул копье только в тот момент, когда противник пронесся мимо. Удар пришелся вскользь, вспоров вздувшиеся на спине мышцы, однако Великан даже не обернулся. У Чаки мелькнула невероятная мысль, что Великан так и добежит до оставленных в лощине у подножия холма воинов. Но то ли боль в спине, то ли злость на ловко увернувшегося врага сделали свое дело. Шагов через двадцать гигант остановился и недоуменно огляделся. Теперь лучи солнца падали па него, и Чака успел даже разглядеть пузырящуюся у того в углах рта пену. Да ведь человек этот просто пьян! Дым конопли, потребляемый в умеренных дозах, снижает усталость и освежает мысли. Старики, да и молодые воины редко откажутся на досуге от затяжки-другой, но Чаке уже случалось наблюдать, как излишнее потребление этого зелья одних приводит в состояние полного отупения, а у других зато вызывает вспышки беспричинного буйства. Неудивительно, что пришелец этот заслужил у окружающих кличку «Безумного». Постоянным потреблением возбуждающего средства он доводил себя до полного исступления — отсюда и неистовство его в бою, и

нападения на соседей. Напору одурманенного коноплей человека следует противопоставить выдержку и холодный расчет. И когда Великан бросился на него, Чака снова увернулся от столкновения с ним, маневрируя, однако, с таким расчетом, чтобы солнце постоянно било тому в глаза. Пусть этот буйвол порастеряет немного прыти перед решительной схваткой. Непревзойденный мастер боя на палках, Чака не сомневался в том, что сумел бы справиться с противником, будь тот вооружен копьем или палицей. Но удар тяжелого топора, которым противник его размахивал, как легкой тростинкой, нельзя парировать ни щитом, ни древком копья. Кроме того, приходилось все время следить за тем, чтобы враг не смог метнуть в него топор. Чака буквально обтанцовывал противника, держа его на расстоянии ассегая и постоянно нанося пусть и неопасные для жизни, но изнуряющие и болезненные мелкие удары.

Великан вдруг прекратил свои буйные атаки, а Чака тоже замер в выжидающей позе. Как каменные изваяния застыли противники в двух шагах друг перед другом, один — высоко занеся боевую секиру, а второй — выставив вперед смертоносное жало ассегая. Пауза затянулась настолько, что, казалось, они побились об заклад — кто кого пересмотрит. Напряжение стало невыносимым, и Мгобози, сам того не замечая, крадущимся шагом стал подыматься к вершине холма, не обращая внимания на предупреждающий шепот Нгобоки, а вернее — просто не слыша его. И тут противники ринулись друг на друга. Плюнув на все запреты, Мгобози огромными прыжками помчался к месту схватки и, подбежав почти вплотную, увидел, что стоять остался только один из противников, а второй лежит распростертый у его ног. И только потом с несказанным облегчением разглядел дрожащий и красный в лучах заходящего солнца знакомый плюмаж из страусовых перьев на голове у стоявшего. Левый бок Великана был прикрыт щитом, и Мгобози, так и не обнаружив раны, решил было, что тот прибегнул к какой-то уловке. Однако, увидев, как в углу рта у того появилась сначала капелька, а потом и струйка крови, он понял, что с Великаном и в самом деле покончено. Он перевел взгляд на Чаку. Друг его стоял неподвижно. Именно эта неподвижность и насторожила Мгобози. Он вдруг заметил, что верхняя часть щита зияет огромной прорехой, и кинулся к другу. Самого беглого осмотра оказалось достаточно, чтобы убедиться — топор Великана, уже пораженного смертельным ударом, успел все же описать роковую дугу и обрушиться на щит, разрубив заодно до кости и предплечье Чаки. Мгобози тут же принялся перетягивать руку в локтевом суставе, чтобы приостановить кровь, которая так и хлестала из широкой

раны. Все произошло настолько быстро, что возглавляемые Нгобокой воины только теперь подоспели к вершине холма.

Вражеский крааль решено было предать огню, что же касается его обитателей, то вопрос этот разрешился сам собой — воспользовавшись сгущающимися сумерками, они разбежались по вельду, и занятый раной Чаки Мгобози просто махнул на них рукой. Скот, обнаруженный в загоне, Нгобока поручил присмотру молодых воинов, и в отблесках догорающего крааля они расположились на ночлег с тем, чтобы утром двинуться в обратный путь.

Чаку немного лихорадило. Удар топора пришелся точно по тому месту, где виднелись еще белесыми пятнами рубцы от когтей леопарда. Несмотря на победу над столь грозным противником, его не оставляло чувство неудовлетворенности. Что сделал он в своей жизни такого, чего не сделал бы любой другой? Черная мамба, леопард или этот поединок с Великаном — вот, собственно, и весь перечень его скромных подвигов, а ведь каждый из них чуть было не стоил ему жизни. А что доказал он ими? Пожалуй, только то, что он немного ловче, сильнее или храбрее первого встречного пастуха, охотника или воина. А ведь мать предрекала ему величие и власть. Видимо, понимая шаткость своих надежд, Нанди, мать его, и придумала эту историю о загадочном Исанусси.

Чаке уже давно случалось ловить робкие и почтительные взгляды, которыми награждали его юноши полка Изи-цве. Робость и почтение эти он долгое время относил на счет своих воинских подвигов. Но вот однажды, когда он возвращался к ночному костру с охапкой сухого тростника — дело было в походе, — ему довелось услышать удивительную историю. Поначалу Чака даже не понял, что речь идет о нем, однако, услышав свое имя, прислушался, скрытый от сидящих у костра собеседников ночным мраком. Из рассказов следовало, что в раннем детстве, видимо еще на землях э-лангени, ему явился некий могущественный повелитель духов и в обмен на что-то — Чака так и не понял, на что именно — посулил ему власть над всем сущим. Великий змей — Дух вод якобы тоже одобрил эту сделку, и вот теперь безвестному ранее сыну вождя зулу удача сопутствует во всех его начинаниях. Плата же за все эти благодеяния настолько страшная, что и называть ее опасно, ибо духи эти злы и требуют невиданных жертвоприношений. Только расслышав имя этого загадочного повелителя духов — Исанусси, Чака вдруг вспомнил далекую и тревожную ночь в краале Гендеяны, когда его мать Нанди, охваченная страхом за судьбу сына и вконец измученная свалившимися на нее невзгодами, выкрикивала проклятья и

пророчества при жалком свете догорающего очага. Да, именно тогда впервые было произнесено при нем это странное имя — Исанусси. Но тогда оно как-то не запало ему в память. А может, и запало — ведь не зря ему сразу же припомнилась та ночь! Великий змей — Дух вод?.. Как гордилась некогда Нанди убитой им черной мамбой, как часто и по любому поводу заговаривала она о его мальчишеском подвиге! У мтетва же, куда Чака попал почти юношей, поступок этот уже ни у кого не вызывал восхищения. Чего же иного следует ждать от такого рослого и сильного парня! Вот тут-то, по всей вероятности, скромная мамба его детских лет и превратилась в рассказах матери в загадочного Великого Змея. Только тогда Чака понял, почему это Буза вдруг поинтересовался, что это за история произошла у него со змеей. Чака, растерявшись от неожиданного вопроса, не понял, в чем дело, а потом, окончательно смутившись, ответил, что в детстве ему удалось убить черную мамбу. Буза испытующе глянул на него и отпустил, не сказав больше ни слова. А Чака потом еще долго раздумывал, с какой это стати такая безделица могла заинтересовать столь прославленного военачальника. Неужто и до него дошли эти басни?

И если в ту ночь Чака не подошел к костру и не опроверг рассказчика, причиной этому были скорее всего неловкость и смущение. Потом он постепенно свыкся со своей странной репутацией, и его даже забавляли страх и растерянность, отражавшиеся на лицах, когда ему удавалось застать врасплох глазевшего на него новичка. Что проку объяснять всем и каждому, что не было ни Исанусси, ни Змея — ведь его никто о них и не спрашивал. Сейчас Чака — командир сотни, но стал он им только благодаря своему ассегаю. А будь они у него — эти загадочные и всесильные покровители, — чего бы попросил или потребовал он у них? — Чего вообще добиваются люди? По-видимому, каждый своего.

Мгобози, например, больше всего любит добрую схватку и дружескую пирушку с полными колебасами пива.

Нгобока не менее отважен и значительно более рассудителен, но он спит и видит себя во главе своих любимых сокулу. И если Дингисвайо поможет ему стать вождем — а дело, видимо, этим и кончится, — Нгобока всю жизнь не забудет этого и будет верой и правдой служить своему покровителю, а лучшего, чем он, союзника и желать нечего.

А чего добивается сам Дингисвайо? Управляемый им народ мтетва уже подчинил своей власти многие племена. А многие стали, вольно или невольно, его союзниками или данниками. Великому, хочет он этого или нет, приходится постоянно

совершать походы. Одни — для того, чтобы разгромить явного врага, другие — чтобы сбить спесь и привести к покорности уже побежденных, но своевольных подданных, а третьи — просто ради демонстрации силы мтетва и предупреждения возможных смут. Правда, сейчас никто не может противостоять этой силе, но примеру Дингисвайо последовали вожди соседних племен, понявшие наконец необходимость держать под рукой значительное число воинов.

…Костер догорал. Воин, которому было поручено поддерживать огонь, дремал на корточках, опираясь руками о копье и бессильно свесив голову. Чака собрался было прикрикнуть на него, но решил не прерывать хода своих мыслей и принялся подбрасывать сучья в костер. Большое полено, уже почти сгоревшее, вдруг выкатилось из костра, и искры посыпались во все стороны. Пытаясь водрузить его на место, Чака неосторожно задел раненую руку. Боль оказалась настолько сильной, что он буквально застыл под ее пульсирующими ударами. Только переждав, пока она немного утихнет, он осторожно пошевелил пальцами. Нет, ничего страшного, но повязку, наложенную Мгобози, придется сменить — она насквозь пропиталась кровью. Обнажив рану, он внимательно оглядел аккуратные швы, старательно наложенные Мгобози. Стянутая лубяными нитками рана вздулась и набрякла. Чака осторожно отер спекшуюся кровь и снова увидел давно уже зажившие шрамы от леопардовых когтей. Раны, полученные им на охоте и в бою, почти наложились друг на друга. Может быть, это не зря? Что, если это не простое совпадение, а какой-то знак ему или указание… Повязка из растертых трав, собранных сведущими знахарями, приятно холодила рану. О чем это думал он сейчас? Ах да, Дингисвайо. Великий, как добрый пастух, заботится о вверенном ему стаде. Так чего же добивается он? Тучнеют стада под его хозяйским оком, мир и благоденствие воцарились наконец на этих землях. Но слишком мягка отеческая рука Великого. Время от времени он, правда, направляет военную экспедицию и карает нарушителей своей воли, да ведь точно так поступает и пастух, окриком, камнем, а то и палкой возвращающий в стадо отбившуюся корову. Безумцем сочли бы, однако, того, кто метнул бы в нее копье. Но вдвойне безумен тот, кто выйдет против дикого буйвола без надежного копья, ибо тут не поможет окрик или камень — буйволы не знают хозяев, а брошенный камень только разъярит этих грозных животных, а тогда и копье не будет служить надежной защитой. Мелкие племена уже либо покорены мтетва, либо сами примкнули к союзу племен, возглавляемому Дингисвайо. Теперь мтетва

противостоят главным образом сильные соседи, которые и сами не прочь окружить себя покоренными племенами. И Великий играет с огнем, когда, одержав очередную победу над сильным соседом, не вселяет в него благоговейный страх перед могуществом мтетва. Взять хотя бы эту последнюю кампанию против бутелези — второй раз выступают они против мтетва, а Пунгаше опять-таки отделался небольшой данью да заверениями в дружбе. А ндвандве или тембу, или гвабе? Да, Дингисвайо — великий пастух, но сейчас, пожалуй, наступает время охотников или воинов. Война и охота… Два знака на руке Чаки… Не тут ли кроется ответ на мучающие его вопросы? Неужто для того, чтобы стать великим воином, нужно прежде всего быть великим охотником?

Веками вырабатывали народы нгуни охотничьи приемы, и это особенно относится к групповой охоте, которую одну только и можно сравнить со сражением. Неужто войне — этому мужскому делу — они уделяли меньше внимания? Нет, видимо, дело обстоит здесь несколько иначе. Охота, независимо от того, ведется она ради пополнения запасов мяса или ради спасения людей и скота от хищников, преследует одну-единственную цель — убить дичь. Мелким же племенам нгуни в их столкновениях друг с другом вовсе не требовалось уничтожить врага, да и причинами подобных стычек были борьба за пастбища или водопои, женщины или простое молодечество. Победитель обычно удовлетворялся тем, что ему удавалось утвердить свои права, а побежденному приходилось смириться на время. Земель вокруг хватало, девушек — тоже, и после очередной потасовки все становилось на свои места. Чака даже невесело усмехнулся, припомнив злополучную овцу бутелези, приведенную его отцом. Да, Сензангакона, вождь зулу, бездумно следовал стародавним обычаям, не понимая, что времена изменились. Впрочем, и Пунгаше, его победитель, недалеко от него ушел. Подобным же образом пытается действовать и Дингисвайо, разве что воинов у него несравненно больше, да и цели он преследует более широкие. Но то, что может принести желаемый результат в столкновении со слабым Пунгаше, никак не годится для борьбы с многочисленными и сильными племенами, какими являются ндвандве, гвабе, тембу или даже кумало. Подобно стаду диких буйволов, они не послушаются предупредительного окрика, и борьбу с ними следует вести только не на жизнь, а на смерть. Смешно бы выглядел тот, кто, вознамерясь избавиться от хищников на своих пастбищах, ограничился бы тем, что послал бы против них не охотников, а одних только загонщиков. Поднятый загонщиками шум, возможно, всполошил бы зверье на

денек-другой, но оно тут же вернулось бы в свои логова. Повторение подобной облавы окончательно избавило бы хищников от страха перед человеком. А ведь, если здраво рассудить, именно так и поступает Дингисвайо. Нет, здесь требуется нечто иное.

Чака припомнил старика — руководителя охоты, его полные символики и глубокого смысла действия. Собранные охотники были разделены на три группы, причем пока две крайние, стремительно продвигаясь, окружали место предстоящей охоты, третья, самая многочисленная, вступала в дело только после завершения охвата. Вот тогда-то и началась собственно охота. Подобным же образом следует действовать и на поле боя. Это даст возможность атакующим не разогнать, а истребить противника. Несколько таких суровых уроков, преподанных беспощадно и решительно, — и недовольные либо смирятся, либо умолкнут навсегда, а это положит конец и своеволию вождей, и племенной розни. Да только как сказать обо всем этом Дингисвайо? Но что бы там ни было, а свою сотню Чака с первых же дней будет учить охотничьим приемам ведения войны. И понемногу все поймут его правоту, ведь когда он впервые отказался от метательных копий, это вызвало не только удивление, но и насмешки, особенно со стороны старших и наиболее заслуженных воинов. А сандалии? Но теперь-то уж во всей армии мтетва едва ли сыщется хотя бы один человек, который осмелился бы позабавиться на его счет. Более того — самые смышленые воины, не говоря уже о таких верных и преданных друзьях, как Мгобози с Нгобокой, стали перенимать его приемы.

Костер все-таки потух, но Чака так и не стал будить юношу, который теперь досматривал уже десятый сон. Боль утихла, а небо на востоке успело заметно посветлеть, и не имело смысла засыпать перед самым наступлением. Бессонная же ночь эта не прошла зря. Явись к нему Исанусси, Великий Змей или кто бы то ни было, Чака уже знал, чего бы он потребовал от них. Мгобози, пожалуй, уже добился своего, заняв место лучшего среди равных. Нгобока пускай становится вождем сокулу, пусть Дингисвайо навсегда сохранится в памяти народной как величайший из пастырей. Он, Чака, хочет стать и станет великим воином!

Глава VI

На обратном пути крылатая молва далеко обогнала воинов, и когда вдали показался наконец крааль Нгомаана, навстречу победителям высыпало все его население, не говоря уже о воинах Чаки, которые с особой тревогой дожидались возвращения своего командира. Доложив старейшине о результатах экспедиции и передав ему захваченный в краале Великана скот, Чака тут же отправился к Мбийе, сопровождаемый Нанди, Пампатой и Номцобой. Еще не успела затянуться рана, за которой усердно ухаживала Пампата, как последовал вызов в О-Енгвени — крааль Дингисвайо. Там Великий радушно принял молодого воина и потребовал отчета о происшедшем. Рассказ Чаки оказался настолько лаконичным, что за подробностями пришлось обратиться к Нгобоке и Мгобози. Именно эта лаконичность и склонила окончательно Дингисвайо на сторону Чаки. Воин этот не расписывает своих подвигов, а следовательно, и не выпрашивает награды. По отношению к такому человеку следует проявить щедрость. И Дингисвайо подарил Чаке почти весь захваченный у Великана скот — десять голов, добавив к ним еще пятнадцать голов скота из собственных стад. Он распорядился также, чтобы Чака в память о совершенном им подвиге оставил у себя оружие Великана. Не слушая заверений Чаки, что рана не помешает нести службу, Дингисвайо отправил его в крааль Мбийи.

Горя нетерпением испытать на деле новые приемы боя, Чака до предела сократил срок своего вынужденного безделья. И как только истекло достаточно дней для того, чтобы молодого воина не обвинили в неподчинении вождю, он поспешно вернулся в свою сотню и сразу же приступил к делу. Прекрасно понимая, как каждый юноша гордится возведением в ранг воина, Чака не стал объяснять им, что новый способ ведения боя, по существу, являет собой повторение давно испытанных охотничьих приемов. Желая польстить их самолюбию, он уподобил атаку новым строем атаке разъяренного буйвола. Две параллельные колонны, бросающиеся навстречу противнику и охватывающие его фланги, он назвал рогами, а фалангу из основной части воинов, остающуюся в центре, — головой и грудью быка. И молодежь, восприняв такое построение как еще одно развлечение, проявила столь невиданное рвение, что к тому времени, когда наступило время очередного похода, вся сотня Чаки уже разворачивалась в боевой порядок с молниеносной быстротой и полной согласованностью. Первые же столкновения с врагом самым убедительным образом

доказали разумность нового строя. Последующие походы служили уже только для дальнейшей шлифовки мастерства сотни.

Все эти нововведения не остались незамеченными, и Дингисвайо вскоре объявил, что Чака назначается командиром полка Изи-цве, благо и повод для этого подвернулся основательный: Буза, тогдашний командир полка, вознамерился жениться, а это было равнозначно отказу от дальнейшей службы. Нгобоке по наследству досталась сотня Чаки, Мгобози же предпочел остаться рядовым воином.

Теперь можно было проводить тренировку воинов, действуя целыми сотнями. Чака самым тщательным образом проинструктировал всех подчиненных ему командиров, подробно объяснив им их место в новом построении и стоящие перед ними задачи. Как это ни странно, но самую существенную помощь оказывал ему легкомысленный на первый взгляд Мгобози. Мгновенно разобравшись в новой тактике, он тут же стал самым ярым ее поборником, без устали разъясняя всем и каждому ее преимущества. И, что особенно важно, беседы эти он вел у вечерних костров, когда воины, не смущаемые присутствием командиров, не стеснялись задавать те вопросы, которые они никак не осмелились бы задать в более напряженной обстановке.

К этому времени снова возник конфликт со старинным врагом мтетва Звиде. Вождю ндвандве интригами и обманом удалось наконец подчинить себе несколько соседних племен и за их счет пополнить свои силы. Следует отметить, что многие из его предприятий увенчались успехом только потому, что он выдавал себя за друга и союзника Дингисвайо.

Легкие победы прибавили ему смелости, и он принялся дразнить льва в его логове — затевал стычки на границах мтетва, как бы испытывая терпение Дингисвайо. Вождь мтетва понял, что без серьезной военной экспедиции не обойтись и на этот раз. По его приказу были приведены в состояние боевой готовности три полка по шестьсот копий в каждом и затребованы вспомогательные отряды из племен союзных вождей. Одним из трех полков — полком Изи-цве — командовал Чака. Возглавляемая Дингисвайо армия переправилась через реку Умфолози и двинулась к реке Нонгоме, на берегу которой был расположен крааль Звиде.

Военный совет, на котором предстояло разработать дальнейший план кампании, был созван, когда армия Дингисвайо находилась уже во владениях ндвандве. На столь почтенном собрании Чака впервые присутствовал на правах равного, и поэтому он выжидал, пока выскажутся более опытные индуны.

Командиры двух остальных полков и союзные вожди и на этот раз не предложили ничего нового. Полагаясь на более высокую дисциплину и численное превосходство, они предлагали задать хорошую трепку Звиде, а после победы наложить на него контрибуцию. Этого, по их мнению, будет вполне достаточно, чтобы заставить вождя ндвандве одуматься. Высказывая свои соображения, каждый из них был уверен, что мнение его полностью совпадает с намерениями Великого.

Когда наконец наступила очередь Чаки, он, не раздумывая, обрушился на бессмысленность подобных действий. Небольшое кровопускание отнюдь не обессилит ндвандве, а наложенная контрибуция только направит все их помыслы на то, как бы с лихвой восполнить понесенные потери. А в результате пройдет год-другой, и мтетва снова придется снаряжать карательную экспедицию… Нет, с врагом следует покончить одним ударом. Что же касается самого Звиде, то он уже давно заслужил смертную казнь, и было бы непростительной ошибкой оставлять его в живых.

Прекрасно отдавая себе отчет в том, что метательные копья, которыми вооружена армия мтетва, пока что мало подходят для сражения строем «атакующего буйвола», Чака предложил бросить значительную часть сил на охват флангов противника и, только зажав его в клещи, начать настоящее сражение.

Против него тут же выступили остальные члены совета, и, что самое неприятное, их поддержал Дингисвайо. Отдавая должное предложенной Чакой тактике, Великий заявил, что в данной кампании он не ставит себе целью учинять полный разгром Звиде, а намеревается всего лишь преподать ему строгий урок. Для этого же вполне можно ограничиться и старым проверенным способом ведения войны. И Чаке пришлось скрепя сердце уступить.

На следующий же день стало ясно, что вождь ндвандве отнюдь не стремится помериться силами с мтетва. Он отвел свое войско в глубь страны, надеясь на то, что армия Дингисвайо, не встречая ни противника, ни скота, которым можно было бы поживиться, поутратит боевой пыл и уберется восвояси. Очень может быть, что именно тем все и кончилось бы, если бы не Чака.

Переговорив кое с кем из союзных военачальников, он разослал во все стороны их воинов в качестве лазутчиков: их отличный от мтетва наряд давал им в какой-то мере свободу передвижения. Времени действительно оставалось в обрез — захваченный с собой трехдневный запас провизии был уже на исходе.

Вот эти-то лазутчики и донесли Чаке, что армия Звиде

занимает удобную для обороны позицию на склоне крутого холма на берегу Нонгомы. Они сообщили и то, что на помощь Звиде движутся три крупных отряда его союзников. Чака тут же бросился к Дингисвайо, который находился в арьергарде армии, окруженный ветеранами полка Енгондлову. На бегу Чака тщательно продумывал, как наилучшим образом использовать то обстоятельство, что Звиде все еще не успел соединиться со своими союзниками. Немедленная атака на позиции Звиде давала возможность разбить противника по частям, но тут возникала опасность, что подоспевшие подкрепления ударят по армии Дингисвайо с тыла и тем самым поставят под угрозу успех всей кампании. Нет, здесь требуется нечто иное… И вдруг Чаку осенило: конечно же, следует применить предложенную им тактику охвата врага колоннами с одновременным фронтальным ударом основными силами. Чака даже замедлил стремительный бег… Вот наконец блестящая возможность доказать свою правоту. Но только на этот раз он ни слова не скажет о том, что предлагает новый тактический прием, — пусть эти надутые индуны думают, что все идет по заведенному порядку. С этими мыслями Чака и предстал перед Дингисвайо. Собирать военный совет было некогда, и Великий ограничился тем, что собрал командиров и ознакомил их с планом Чаки. А план этот заключался в следующем: полк Енгондлову, состоящий из наиболее закаленных воинов, усиленный отрядами союзных племен, двигается на позиции ндвандве и завязывает с ними бой. Полк Изи-цве, находящийся в авангарде, форсированным маршем обходит правый фланг Звиде, заставляя того растянуть линию обороны, а заодно препятствует подходу подкреплений с этой стороны. Третий из участвующих в кампании полков мтетва движется почти параллельно полку Енгондлову, с тем, однако, расчетом, чтобы выйти на левый фланг ндвандве, и прикрывает основные силы оправа и с тыла.

В этот момент к Дингисвайо подбежал один из высланных Чакой лазутчиков и сообщил, что к правому флангу Звиде движется отряд кумало и нчалини примерно в пятьсот копий. Чака тут же испросил у Великого разрешения вернуться в строй. На этом совещание и закончилось.

Когда Чака догнал наконец Изи-цве, с близлежащего холма уже можно было разглядеть вдали плотную массу воинов, направлявшуюся к занятому Звиде холму. Наспех разъяснив командирам сотен их задачу, Чака во главе полка бросился наперерез вражеским союзникам. Вот когда пригодились утомительные военные учения. Четко, не нарушая общего строя колонны, сотни переходили на бег. Вскоре до них стали

доноситься насмешливые выкрики расположившихся на холме воинов Звиде. Тем казалось, что воины Чаки сами лезут в ловушку и будут раздавлены, зажатые с двух сторон. Однако, как только головная часть колонны пересекла ту невидимую линию, по которой двигались союзники Звиде, раздалась новая команда Чаки, и колонна, сделав неожиданный поворот налево, превратилась в несколько стройных шеренг, которые, не снижая темпа, бросились на растерявшийся авангард кумало и нчалини. Почти вся первая шеренга Изи-цве была вооружена ассегаями, выкованными Нгоньямой по Чакиному образцу. Теперь воинам Звиде было не до смеха. Выдохшиеся после продолжительного марша, их союзники попытались обратиться в бегство, но легко становились добычей быстроногих воинов Изи-цве. Чтобы предотвратить поголовное истребление своих друзей, Звиде попытался силами своего правого фланга нанести удар в тыл Чакиных шеренг, и поначалу это удалось ему — воины Изи-цве на какое-то время из преследователей обратились в преследуемых. Но тут ветераны Еигондлову обрушились на основные силы Звиде, которые из-за предыдущего маневра оказались весьма ослабленными. Вступил в действие и третий полк Дингисвайо. Сражение обернулось бы побоищем, если бы не строгий приказ Великого. Полку Изи-цве было поручено очистить местность от остатков кумало и нчалини, а также преградить путь остальным союзникам ндвандве, ежели таковые посмеют объявиться. Преследование разбежавшихся по вельду вражеских воинов затянулось до позднего вечера, и только темнота помогла спастись кое-кому из уцелевших. Когда Чака явился наконец к Великому, он с большой досадой узнал, что Звиде сохранили жизнь. Ндвандве потеряли убитыми и ранеными около тысячи человек, а мтетва — не более трехсот.

После такого успеха никто не мог обвинить Чаку в погоне за бессмысленными новшествами. Ведь только благодаря его руководству мтетва удалось одержать столь решительную победу и притом ценою сравнительно малых потерь. Единственным из военачальников, кто по-настоящему понял, что бой этот был проведен в полном соответствии с предложенным Чакой планом, был Дингисвайо. Теперь Великий заботился только об одном — чтобы быстрым возвышением молодого воина не обидеть старых и заслуженных командиров. Для начала Дингисвайо сделал Чаку членом совета, а потом, ставя молодого зулу во главе сведенных в бригады полков, постепенно приучил старых индун к выступлениям под его началом. Но прежде всего, следуя своему правилу, что верный союзник и друг полезнее самого лучшего из подданных, Дингисвайо сразу же после победы над ндвандве

завел с Чакой разговор о том, кому быть наследником Сензангаконы. Великий решил призвать к себе вождя зулу, чтобы раз и навсегда покончить с этим делом. Дабы не обижать Сензангакону, который, несмотря ни на что, являлся все же отцом Чаки, Дингисвайо постарался поторжественнее обставить эту встречу, хотя прекрасно понимал, что вождь маленького племени не отважился бы ослушаться его воли. Послом был направлен один из наиболее уважаемых людей мтетва — рассудительный и умный Нгомаан, которому для поддержания престижа придали почетный эскорт.

Радушно встреченный Сензангаконой, Нгомаан передал ему приглашение вождя вождей, которое в подобной ситуации можно было считать и приказанием. В ходе обильно сдабриваемой пивом беседы Нгомаан не преминул весьма прозрачно намекнуть на то, что сын его гостеприимного хозяина живет на землях мтетва, достиг там весьма высокого положения и что Великий просто недоумевает, почему это вождь зулу не стремится повидаться со своим наследником. Для Сензангаконы подобное откровение прозвучало как гром среди ясного неба, но он все же попытался отговориться ссылками на беспокойные времена и дела племени, не дающие ему возможности явиться в 0-Енгвени и засвидетельствовать свое почтение Великому, а заодно и прижать к груди своего первенца. Мягко улыбаясь, Нгомаан принялся уверять Сензангакону, что ежели того от визита удерживает память о помощи, которую вождь зулу оказал бутелези в их бесплодной попытке противостоять мтетва, то пусть он не волнуется — Великий зла на него не держит — в те преданные забвению дни Сензангакона, несомненно руководствуясь добрососедскими побуждениями, просто поставил не на того быка… Вождь зулу отлично понял скрытую угрозу. Дингисвайо, оказывается, помнит о его провинности, и хотя вся помощь, которую Сензангакона оказал вождю бутелези, ограничилась тем, что Бакуза зачем-то ввязался в бой и был к тому же убит, Великий в любой день может использовать это как повод для принятия самых суровых мер.

Сразу же после отбытия Нгомаана Сензангакона с тяжелым сердцем стал собираться в путь. Присущая вождю зулу способность во всем находить хорошую сторону в полной мере проявилась и на этот раз. Без долгих колебаний примирился он с тем, что придется ему назначить своим преемником Чаку, которого он, кстати сказать, уже и не очень-то помнил. Сензангакона во всей этой истории побаивался только объяснений с Биби, прочившей на это место своего сына Сигуджану, с доводами которой он уже успел согласиться. Он

даже решил взять ее с собой ко двору Дингисвайо, рассчитывая на то, что пышность крааля вождя вождей и пиршества, которые их там ожидают, заставят Биби попридержать язык. Взял он с собой и некоторых других жен — в первую очередь Лангазану, зная доброе ее отношение к Нанди и Чаке и не без оснований считая, что именно она поможет ему опознать столь неожиданно обретенного любимого сына. Нцаку же и Магулану он прихватил просто по доброте душевной, прекрасно понимая, что они никогда не простят ему, если пропустят по его милости очередное увеселение. Окруженный толпой безалаберных юношей, которые должны были изображать почетный эскорт, он двинулся в путь, окончательно примирившись с выпавшим на его долю испытанием.

Дингиовайо устроил действительно торжественное пиршество, но Сензангакона пил, не пьянея, и все дожидался того момента, когда же наконец Великий заговорит об интересующем его деле. Но начались танцы, а вождь вождей так еще и слова не проронил о Чаке. По пути сюда Сензангакона собирался свое согласие с предложением вождя мтетва выдать за результат долгих размышлений. Дескать, он и сам не раз уже подумывал о Чаке, но колебался, ибо от правильного выбора наследника зависит благоденствие всего народа. Однако колебасы с пивом ходили по кругу, и от благих намерений Сензангат коны ровным счетом ничего не осталось. Лангазана, сидящая на женской половине пирующих, уже несколько раз указывала ему глазами на юношу гигантского роста, танцующего инкондло, но вождь зулу никак не мог понять, чего она от него хочет. Когда же до него дошел смысл ее знаков, он решил взять быка за рога и прямо осведомился у Дингисвайо, что это за красивый и рослый молодой человек.

Понимая, однако, состояние Сеязангаконы, Великий счел, что время для объяснений и восстановления родственных отношений выбрано его гостем неудачно. К тому же он опасался, что вождь зулу, приведенный в благодушное состояние выпитым пивом, наобещает своему сыну такого, о чем и сам не вспомнит на следующее утро. — Это Нодуменхлези из рода Джобе, — ответил он. Сензангакона еще раз поглядел на Лангазану, которая продолжала подавать ему знаки, и, уже окончательно растерявшись, не нашел ничего лучшего, как спросить Великого, где же Чака. Дингисвайо, загадочно усмехаясь, объявил, что юноша, видимо, из робости не смеет появиться здесь. Ответ звучал явно издевательски, и Сензангакона твердо решил на будущее вообще воздерживаться от каких-либо расспросов: Великий наверняка знает, что делает.

После танцев Дингисвайо предложил своему гостю освежиться купанием в реке и послал туда же Чаку вместе с несколькими воинами. Здесь у реки и произошла встреча. Сопровождавшие Чаку воины ушли, чтобы не мешать разговору отца с сыном. Искупавшись и наговорившись вдосталь без посторонних свидетелей, они вместе отправились в крааль. О свидании уже все знали, ибо вернувшиеся воины успели о нем рассказать. Жены вождя зулу — Нцака, Лангазана, Магулана — бросились к восстановленному в правах родственнику. Не вышла одна Биби. Ее поступок не остался незамеченным, а последовавший вскоре за этим эпизод никак не расположил Чаку в пользу своего соперника. Когда одно из копий отца особенно понравилось Чаке, Сензангакона, человек вообще-то щедрый, вместо того чтобы тут же преподнести его в дар, в самый последний момент некстати припомнил, что именно это копье уже обещано им Сигуджане. Снова Сигуджана!

Чтобы окончательно закрепить прочность родственных уз, было решено прибегнуть к колдовству. По повелению Дингисвайо на пути Сензангаконы рассыпали различные приворотные зелья, ими же была обработана циновка в хижине вождя зулу. Посвященный во все эти дела, Чака был также подготовлен соответствующим образом и получил много полезных советов, которыми не преминул воспользоваться. Так, входя в хижину отца, он обязательно становился таким образом, чтобы тень его падала на сидящего Сензангакону, хотя стоять в хижине, если рядом сидит старший, считается неприличным. Для верности Сензангаконе дали понять, что он околдован, — известно ведь, что когда человек знает о насланных на него чарах, чары эти действуют на него сильнее.

Пробыв еще некоторое время в гостеприимном краале Дингисвайо, Сензангакона, окончательно обескураженный и сбитый с толку, отправился домой, еще раз заверив Великого в своей искренней любви к Чаке.

Обеспечив таким образом дальнейшую судьбу Чаки, а заодно с ним и всего племени зулу, Дингисвайо вспомнил и о другом прославленном воине — Нгобоке. Переговорив с Чакой, Великий решил выделить отряд, чтобы восстановить Нгобоку в правах вождя племени сокулу. Он уже совершил достаточно подвигов, чтобы занять это место, тем более что брат его, Нондлову, подозрительно заигрывает с врагами мтетва. В знак особого внимания к другу Чака решил лично возглавить экспедицию. В последовавшей стычке Нондлову погиб, и справедливость наконец восторжествовала. Победа была должным образом отпразднована, и на пиру Нгобока поделился с Чакой своими

планами наведения порядка в родных местах. Планы эти настолько пришлись по сердцу Чаке, что для немедленного воплощения их в жизнь он оставил Нгобоке значительную часть приведенного отряда. С помощью воинов мтетва Нгобока тут же разгромил Сибаку, вождя соседнего племени эма-генгени, а затем и Конджвайо, вождя эма-нзимелени, чьи земли лежали на северном берегу Умфолози. Расширив таким образом владения сокулу, Нгобока тут же поспешил к Дингисвайо с богатыми дарами, дабы засвидетельствовать свое почтение Великому.

Глава VII

Однажды в крааль прибежал запыхавшийся гонец и передал Чаке, что его срочно желает видеть вождь вождей. Чака не знал, следует ли ему облачаться в парадный наряд, а посланец не сумел объяснить причины вызова. Поэтому Чака тут же отправил его обратно, а сам все же переоделся. Если этот мальчишка уже сейчас с трудом переводил дух, то Чака легко обгонит его на обратном пути, а к вождю всегда следует являться в достойном виде. И верно, в крааль Дингисвайо он успел прибыть задолго до посланца.

Перед верховным вождем стоял незнакомец, и по торжественному виду Дингисвайо Чака понял, что случились какие-то важные события. Действительность превзошла все его ожидания: быстро отпустив незнакомца, Великий торжественным тоном возвестил, что человек этот принес известие, которое самым непосредственным образом касается его, Чакиной, судьбы: вождь народа зулу и его отец Сензангакона «ушел домой».

Передавая это известие усаженному рядом с ним воину и верному другу, Дингисвайо пристально следил за выражением его лица, но одно из двух — либо Чака великолепно умел скрывать свои мысли, либо смерть отца не произвела на него особого впечатления. Впрочем, он, возможно, еще и не успел полностью осознать значимости случившегося.

Но Чака прекрасно все понял. Более того, он понял также и то, что смерть отца ничего не изменит в его судьбе, если этого не захочет сидящий перед ним человек. Он, Чака, давно дожидался этого часа. Более того, он уже столько раз в самых мельчайших подробностях представлял себе свои действия в роли главы, пусть пока небольшого, но самостоятельного племени, что ему временами начинало казаться, что событие это уже произошло. К мысли о том, что ему предстоит занять место отца, когда тот покинет этот мир, он привык во время долгих разговоров с Дингисвайо, который всегда хотел видеть во главе соседних племен преданных ему людей. Но только почему Дингисвайо продолжает так странно вглядываться в него? Неужели он передумал? И, как бы отвечая на его немой вопрос, Великий заговорил снова:

— Мы хотели сразу же отправить тебя к твоему народу, где бы ты мог занять подобающее место, одарив тебя на прощание за все оказанные лам услуги, но человек, пришедший из твоих мест, сообщил нам, что за последние две луны там произошли странные вещи. Видимо, болезнь ослабила память отца твоего,

иначе как объяснить то, что он вопреки данному нам слову назначил своим восприемником юного Сигуджану. Поэтому мы решили удержать тебя здесь еще некоторое время и отослать тебя только тогда, когда все решится должным образом. А теперь иди и передай печальную весть твоей матери Нанди. — И Дингисвайо чуть заметно улыбнулся, зная наверняка, что смерть вождя зулу не вызовет слез у его новоявленной вдовы. После чего он приветливым жестом отпустил Чаку, давая этим понять, что аудиенция закончена.

И все же Великий, несмотря на всю свою проницательность, оказался дурным пророком — Нанди плакала. Когда перед самым заходом солнца Чака явился в крааль Мбийи, так и не сняв своего парадного облачения и отмахав под палящим солнцем за полдня добрых два дневных перехода и срывающимся на шепот голосом сообщил ей новость, глаза Нанди сразу же наполнились слезами. Нет, сказать, что она просто плакала, значит не сказать ничего — она кричала на весь крааль, призывая небо и духов предков в свидетели новой — какой уже по счету — несправедливости, допущенной этим человеком по отношению к ней и ее любимому сыну. Послушать ее, так Дингисвайо следовало тут же направить своих воинов к воротам клятвопреступника и не оставить там ни одной живой души. Разве кто-нибудь среди народов нгуни может сравниться с ее сыном в доблести или искусстве управления. Так как же можно было Сигуджану, этого ублюдка, этого недоноска, нарекать главой племени. На крик Нанди сбежались люди из соседних краалей, и только когда явился сам Мбийя, ее удалось немного утихомирить.

До утра они так и не сомкнули глаз. После длительных споров, в которых приняли живейшее участие Нгомаан, Мбийя и Пампата, пришли наконец к заключению, что в Эси-Клебени следует направить Нгвади, поручив ему познакомиться с истинным положением дел прямо на месте. А чтобы войти в доверие к Сигуджане, он сочинит ему трогательную историю о ссоре зарвавшегося Чаки с Дингисвайо, закончившейся, как и следовали ожидать, тем, что Великий приказал отправить непокорного индуну в иной мир вслед за недавно скончавшимся отцом. Дескать, Нгвади и сам едва избежал смерти и теперь примчался к ним в поисках пристанища. Ведь что ни говори, но Сигуджана небось дрожал от страха при мысли о мести Чаки, и поэтому сообщение Нгвади должно было вселить в него радость, а посланцев, несущих добрые вести, везде принимают с распростертыми объятиями.

Наутро проводили в путь Нгвади, и Чака, несколько успокоив мать, отправился к своим воинам, чтобы успеть завершить все те

дела, которые с его уходом так и остались бы незавершенными.

Однако вскоре события приняли неожиданный оборот. Нгвади, как и следовало ожидать, был принят в Эси-Клебени самым доброжелательным образом. Сигуджана, не веря своим ушам, слушал по нескольку раз историю о гибели своего соперника и по мере того, как рассказ доходил до его сознания, все чаще отпускал рискованные шутки по адресу Чаки, Нанди и самого Дингисвайо. Решив наконец, что теперь у него окончательно развязаны руки, он уже не скрывал своего высокомерия, и Нгвади приходилось все больше сдерживать себя во время этих разговоров с ним. Пребывание в краале Эси-Клебени все более тяготило его. Делать ему у зулу, собственно, было больше нечего. Надежды на то, что Чаке удастся восстановить здесь свое положение мирным путем, рухнули, а дальнейшее пребывание в этом враждебном краале для него, сына Нанди и брата Чаки, могло стать опасным. Развязка наступила на пятый день его жизни в Эси-Клебени. Нгвади решил перед уходом привести в порядок свой туалет и, стараясь не попадаться на глаза приближенным новоявленного владыки, отправился для этого к ручью, захватив с собой побольше мягкой белой глины для умывания. И надо же было случиться, что именно это самое место облюбовал для купания и Сигуджана. Что произошло между ними, так навсегда и осталось тайной, но к тому времени, когда солнце дошло до зенита, Нгвади был уже далеко за пределами владений зулу, а Сигуджану нашли на речном берегу с грудью, пробитой двумя ударами копья.

Вернувшись в крааль Мбийи, Нгвади сразу же бросился к Нанди и рассказал ей обо всем. Он еще не кончил, а Пампата уже помчалась к Чаке с известием о том, что на его пути к власти устранено единственное препятствие. Правда, Нгаади и сам мог сообщить ему эту весть и лучше Пампаты поведать о сцене у ручья, но никто не знал, как к этому отнесется Дингисвайо, и визит Нгвади к Чаке мог бы набросить тень подозрения на Чаку. Пампата приложила немало сил, убеждая своего возлюбленного, что Нгвади поступил единственно возможным образом, ссылаясь при этом на его любовь к матери, почтение к брату и заведомую наглость Сигуджаны, прекрасно понимая, что гнев Чаки не может быть искренним.

И тем не менее принесенные Пампатой вести Чаку не обрадовали. В глубине души он все еще продолжал надеяться, что Сигуджана в последний момент струсит и откажется от власти в его пользу. Ведь слава о воинских подвигах Чаки наверняка докатилась до краалей зулу. Что же касается того, чтобы наглец понес заслуженную кару, то Чака предпочел бы явиться к воротам

Эси-Клебени во главе сотни-другой своих испытанных воинов, и тогда вопрос решился бы сам собой. Теперь же ему придется докладывать о происшедшем Дингисвайо, а тот не очень любит семейные распри.

Одолеваемый мучительными сомнениями направляется Чака к дому Великого в этот столь важный для себя день. Но не только для него одного день этот был значительным и знаменательным. Сам Дингисвайо — человек, к которому он шел с таким трепетом, человек, от единого слова которого зависела не только судьба Чаки или маленького племени зулу, но жизнь и смерть более могущественных вождей и целых племен, — с не меньшим волнением дожидался своего любимого индуну. Уже давно внутреннее чутье подсказывало Дингисвайо, что пределы племени мтетва — пусть и самого сильного сейчас среди всех племен нгуни — вскоре окажутся тесными для них двоих. Слишком часто на военных советах и в дружеских беседах между ними возникают споры. Дингисвайо прекрасно понимал — дикого буйвола не удержать в загоне для скота. Упорство Чаки, резкость его суждений — отнюдь не проявление несдержанности, строптивости или же стремления самому занять пост верховного вождя. Однако для того, чтобы подготовить Чаку к полной самостоятельности, ему следует предоставить абсолютную свободу действий, но никак не в границах огромной страны мтетва, а на землях маленького племени зулу. До сих пор Чака сталкивался с решением одних только военных вопросов, и ничего не скажешь, справлялся он здесь блестяще, но управлять целым народом сложнее, чем командовать полком или даже всей армией.

Дингисвайо вспомнил, как резко протестовал Чака против слишком мягкого обращения с ндвандве после измены Звиде. Но что дали бы ему опустошенные земли могущественного племени? Конечно, загоны его краалей пополнились бы захваченным скотом, и юноши мтетва получили бы возможность жениться на полонянках, но юноши нужны ему для новых воинских подвигов, а излишний скот все равно был бы зарезан во время пиршеств — ведь мтетва, благодарение духам предков, и без того не испытывают голода. Другое дело, если бы ему удалось заключить союз со своими извечными врагами — тогда объединение всех племен нгуни было бы решенным делом. А с объединением этим нужно торопиться, ибо растет на юго-западе сила загадочных белых людей. В свое время он только едва соприкоснулся с ними, но и этого оказалось достаточно, чтобы удостовериться не только в их жадности и глупости, но и в несомненном могуществе. Разумному человеку нелегко понять, чем руководствуются они в

своих поступках, но нетрудно убедиться, что им покровительствуют всесильные духи, научившие их как множеству полезных, так, и бесчисленному множеству бесполезных вещей. Пока что духи предков хранят народы нгуни от столкновения с ними, но кто знает, как обернутся дела, когда придет черед этому. Хорошо будет, если вооруженные плюющимися огнем и громом палками белые встретят здесь не сотню раздробленных и ведущих постоянные свары между собой племен, а единую, дружную семью народов нгуни.

И вот когда ему доложили наконец о приходе Чаки, он все еще не решил, как высказать ему все эти мысли.

— Садись, сын мой, беседа нам предстоит долгая, а ты уже успел проделать порядочный путь.

Понимая, что обуревающее Чаку нетерпение может помешать ему внимательно выслушать его слова, Дингисвайо решил сразу же покончить с вопросом о главенстве в племени зулу.

— Мы слышали уже, — сказал он, — что дурной характер и склонность к ссорам оборвали жизнь твоего брата Сигуджаны. Мы и вовсе не стали бы заниматься этим делом — мало ли что может произойти между двумя горячими головами, когда они сойдутся один на один, но поскольку вопрос этот связан еще и с твоим избранием в вожди племени зулу, нам придется строжайше следовать установленному в таких случаях порядку, отдавая тем самым дань мудрости наших предков, да хранят нас их духи. Ты и сам прекрасно знаешь, что с незапамятных времен власть вождя переходит к старшему сыну его главной жены, а если тот умирает, то его ближайшему наследнику. Но в данном случае это не имеет значения, поскольку сын Мкаби умер в младенческом возрасте. Фудукази — вторая жена твоего отца Сензангаконы — бездетна и, следовательно, унаследовать власть по отцу надлежит тебе. Об этом мы в свое время беседовали с твоим отцом, и он признал справедливость наших слов. Однако согласно еще более древней традиции избрание вождя производится советом старейшин племени. Более того, считается даже, что старейшины эти могут сместить неугодного им вождя. Правда, я что-то не могу припомнить ни одного подобного случая и не говорил бы тебе об этом, если бы положение твое не было бы столь сложным. Признать твое главенство означало бы для людей зулу нарушить последнюю волю вождя. Ты вырос среди племен если и не враждебных, но чуждых людям зулу, и слава твоя, сколь ни велика она, — всего лишь слава одного из моих военачальников. А вождь племени должен быть в первую очередь силен собственной родней, советниками и преданными ему воинами. Если ты сейчас придешь в отцовский крааль, опереться тебе там

будет не на кого.

Дингисвайо умолк, утомившись длинной речью, и Чака не решался нарушить воцарившееся молчание. Один из прислужников принес колебасу со свежим пивом, но Дингисвайо не обратил внимания на пенящийся напиток. Пауза затягивалась, и Чаке подумалось, что Великий сказал уже все, что хотел, а сам он никак не мог подобрать слов для выражения обуревающей его сумятицы чувств и мыслей. Он уже совсем было отчаялся, когда Дингисвайо вдруг заговорил снова, но голос его звучал на этот раз значительно сердечнее.

— Пей пиво, у тебя ведь наверняка пересохло горло после перехода по такой жаре. Я прекрасно помню тот день, когда впервые увидел тебя в шеренге воинов. Тогда я подумал, что неплохо бы иметь такого сына, и с тех пор был отцом тебе, постоянно наблюдая за тобой и радуясь твоим успехам. Я рад, что не ошибся в тебе — ведь сейчас ты занимаешь второе после меня место. Привык я видеть тебя рядом с собой, и трудно мне будет с тобой расстаться, как, впрочем, и всему народу мтетва, перед которым у тебя большие заслуги, а труднее всех — твоим воинам, с которыми ты делишь их горести и скупые воинские радости. Я сделал для тебя все, что может сделать для сына любящий отец, и сейчас искренне скорблю о предстоящей разлуке. Но я пойду на это. И не столько ради тебя, сколько ради всех нгуни, ибо теперь я буду знать, что с востока у меня и моего народа есть верный друг, к которому всегда можно обратиться за поддержкой. Самому мне не пристало вмешиваться в дела народа зулу, но мнение мое я им выскажу, для чего и пошлю с тобой мудрого в советах Нгомаана и его племянника Сивангу, чтобы они были моими устами перед людьми зулу. А для того, чтобы не огорчать воинов Изи-цве разлукой с тобой, я позволю лучшим из них сопровождать тебя и помочь тебе в обучении собственных воинов. Думаю, что помощников этих наберется достаточно, чтобы оградить тебя на первых шагах от всяких превратностей судьбы.

Медленно падали слова Великого. Казалось, он совершенно позабыл о сидящем перед ним человеке и просто высказывает вслух свои сокровеннейшие мысли. Но когда Дингисвайо умолк, Чака сделал единственное, что можно было сделать, — он поднялся во весь свой огромный рост и торжественно, как на параде, произнес слова благодарности и почтения.

— Нкози! Баба!

Но сейчас эта привычная формула приветствия вождя обрела в устах его первозданный смысл, ибо, возвышаясь на связке циновок, перед ним сидел подлинный нкози — государь, мудрый, осторожный и отважный, и подлинный баба — отец, щедрый,

заботливый и внимательный.

По знаку Великого прислужник внес поднос с дымящейся снедью, и только сейчас Чака ощутил голод и жажду. Насытившись и прополоскав рот водой, они оба некоторое время помолчали, каждый во власти своих дум. А потом Дингисвайо заговорил. Он поделился с будущим союзником своими планами объединения всех племен нгуни, не умолчал и об опасениях в связи с растущей на юге силой белых, о своих попытках перенять у них хоть часть их хитроумного умения. Касаясь искусства управления народом, он советовал завоевать и удержать расположение наиболее влиятельных и могущественных знахарей и колдунов. Дингисвайо советовал также пристально следить за сводными братьями Чаки — Дингааном и Мхаланганой, — жажда власти самых покорных и, казалось бы, безобидных часто толкает на безрассудные поступки…

Говорил больше Дингисвайо. Чака редко вставлял в разговор свое слово, и чаще всего это бывало слово одобрения. Нет, не во всем был согласен он со своим другом и повелителем, но на этот раз от возражений его удерживали не соображения этикета и не боязнь утратить расположение сильного и щедрого покровителя. Трудно противоречить человеку, который, многое сделав для тебя, намеревается сделать еще больше. Именно сейчас Чаке не хотелось затевать спор. Прав Дингисвайо или нет, не он уже сумел объединить под своей властью огромные просторы, на которых земли племени зулу были едва заметным пятнышком, и Чакины возражения могущественному вождю прозвучали бы сейчас пустым бахвальством. Нет, Чаке нужно сейчас не спорить и не отстаивать свою правоту, а впитывать крупицы мудрости, богато рассыпанные в речи вождя вождей. Вот когда вернется он на земли родного, но некогда столь жестокого по отношению к нему народа, когда твердой рукой приведет его к подчинению, когда изгонит из мужчин зулу праздность и благодушие, тогда и только тогда сможет он прийти к Великому и сказать ему: «Вспомни, что ты дал мне, и погляди, чем я теперь владею». И тогда это будет не хвастовство и не бахвальство, а справедливая гордость за хорошо сделанное дело, ибо стада тучнеют мудростью их хозяина.

Далеко за полночь просидели эти два таких близких и таких непохожих друг на друга человека. Звезда одного из них уже клонилась к закату, а звезда второго только начинала свой путь к зениту, чтобы озарить потом ослепительным светом земли многих народов. И далеко не для всех свет ее будет ласков…

Глава VIII

Прошло несколько дней, и к воротам Эси-Клебени подошла торжественная процессия, возглавляемая Нгомааном. Несколько сот воинов Изи-цве, шагавших в полной парадной форме, могли легко стереть с лица земли главный крааль племени зулу. Поэтому высыпавшая навстречу толпа была обуреваема противоположными чувствами. С одной стороны, многие радовались предстоящим празднествам, которые обычно сопутствуют избранию нового вождя, а с другой — все прекрасно понимали, что воспротивься кто-либо из них воле Великого, и на них обрушатся самые суровые кары.

Не мудрено поэтому, что когда Нгомаан, сославшись на волю Дингисвайо, представил им Чаку в качестве законного наследника Сензангаконы, сообщение это было воспринято радостными возгласами. Если у кого и были свои соображения или претензии, как, например, у Дингаана или Мудли, благоразумие или, вернее, присутствие воинов Изи-цве заставило их удержаться от излишних слов.

Сразу же после утверждения в сане вождя зулу Чака велел заколоть быка для пиршества и пригласил к себе членов совета старейшин. Почтенные старцы были неприятно удивлены, когда вместо веселой пирушки они оказались на самом настоящем заседании. Новый вождь прежде всего потребовал строгого отчета о положении дел в их краалях, о точном числе мужчин, способных носить оружие, о запасах зерна и чуть ли не о каждой корове в загонах для скота. Обо всем этом у собравшихся имелись весьма смутные представления, однако Чака ни словом не выдал своего раздражения или недовольства. Расходясь по домам, старейшины успели переговорить друг с другом, нашлись между ними и такие, которые открыто смеялись над странной напористостью Чаки. Спешка в делах — вещь, не свойственная неторопливым нгуни. Все сошлись на том, что ставленник Дингисвайо очень скоро утратит первоначальный пыл и все вернется на круги своя. Однако уже на следующий день кое-кому пришлось разочароваться в своих надеждах.

Наследственные владения Чаки представляли собой почти правильный квадрат площадью немного менее трехсот квадратных километров, а это означало, что в любой день вождь мог оказаться в любом из краалей своего маленького государства. Обходом краалей и занялся Чака на следующий же день после своего воцарения. В каждом из краалей он требовал подробнейшего отчета, дотошно вникая в мельчайшие

подробности. И горе было тому главе крааля, который не мог ответить на его вопросы или, что еще хуже, пытался ввести вождя в заблуждение. Нерадивые тут же отстранялись от руководства и лишались всех своих привилегий, а обманщики рисковали поплатиться не только имуществом, но и жизнью. Прошло несколько дней, и Чака уже великолепно разбирался в делах племени, а дела эти были далеко не блестящи. Еще в далекие годы Чакиного детства зулу ничем особым не выделялись среди соседних племен, а в последние годы правления Сензангаконы из-за стычек с бутелези и постоянных поражений племя и вовсе захирело. Лучший скот перекочевал в краали бутелези, войска как такового почти не было, в краалях господствовали лень и благодушие…

И вот во все краали были отправлены гонцы с приказом привести абсолютно всех мужчин, способных носить оружие. В назначенный день на широкой поляне собралось около шестисот человек, из которых только сотни полторы совсем еще зеленых юнцов не носили головных колец, а значит, по заведенному порядку были непригодны к несению воинской службы. После самого тщательного осмотра и опроса Чака забраковал около ста человек, тех, кто по возрасту или в силу каких-либо дефектов не подходил для воинской службы. Этих отослали домой. Остальные же были разбиты на три группы. В первую вошли мужчины в возрасте от тридцати до сорока лет. Все они были уже женаты и носили головные кольца. Их поселили в специально построенном краале Белебеле. Впоследствии из них был составлен полк ветеранов — Ама-Вомбе (Одна схватка). Во главе крааля Чака поставил Мкабайю. Несколько труднее пришлось мужчинам в возрасте от двадцати пяти до тридцати лет, еще не женатым, но уже получившим разрешение украсить себя головными кольцами. Чака тут же лишил их этой привилегии и сформировал из них полк, который так и назывался — Джубингванга, то есть Лишенные головных колец. Мужчины того же возраста, но пока еще не носившие колец, были сведены в полк У-Длам-белу (Дикие). Оба эти полка были объединены в бригаду Изим-Похло (Холостяки) и расселены в краале, управляемом Мкаби и Лангазаной. Однако самым надежным и любимым полком Чаки стал полк, сформированный из юношей в возрасте двадцати—двадцати пяти лет. Он получил название У-Фасимба (Легкий туман). Именно ему Чака уделял больше всего внимания и возлагал на него самые большие надежды. Воинам его было поручено строительство нового крааля — Ква-Булавайо. Полк этот стал впоследствии как бы лейб-гвардией зулусской армии и пользовался целым рядом преимуществ. Воинам его не пришлось

переучиваться — они с первого же дня были вооружены ассегаями с широким лезвием по созданному Чакой образцу. Обучением новичков занялся Мгобози, который решил навсегда остаться со своим другом.

Уже первые шаги, предпринятые Чакой, свидетельствовали о его организаторском таланте. В своих стремительных переходах по землям зулу он обследовал уже буквально все краали, но после возведения в ранг вождя так ни разу и не побывал только в Эси-Клебени, где по-прежнему правил Мудли. Но происходило это отнюдь не потому, что новый вождь зулу позабыл о своих врагах или вообще решил предать забвению прошлое, что было бы и вовсе невероятно. Армия, созданием которой он занялся с первых же дней своего правления, поглощала все его помыслы, но вот наконец пришло время воздать должное врагам внутренним, а особенно тем, кто причинил столько горестей Нанди и послужил причиной изгнания Чаки из родных мест.

Чаке не нужно было подыскивать место для суда и расправы. Поле, куда он погнал овец в тот далекий день, начиналось сразу же за оградой Эси-Клебени и прекрасно подходило для этой цели.

Однажды вечером вождь зулу отдал соответствующие приказания, а утром следующего дня все население крааля было собрано в поле и расположено воинами с таким расчетом, чтобы Чака мог видеть каждого из жителей с помоста, сооруженного для него и Нанди в тени огромного дерева. Казалось, что невозможно отыскать в этой толпе врагов или друзей — все они были одинаково безразличны и чуточку враждебны по отношению к человеку, сидящему перед ними на возвышении, к тому, чья воля заставила их бросить привычные занятия и собраться здесь под палящим солнцем неизвестно зачем и для чего. Было интересно и немного жутковато.

Прежде чем стать индуной и прославленным воином, Чака был простым пастухом. Он никогда не забывал этого, правда, об этом помнили и стоявшие перед ним.

Зулусский пастух не всегда в состоянии назвать число голов своего стада, но стоит только затеряться одной-единственной корове, как он сразу же обнаружит пропажу. Более того, он любому и каждому сможет точно назвать все приметы, присущие только этой корове. Пастуху стадо никогда не представляется однородной, безликой массой, оно состоит для него из отдельных строго индивидуальных особей, у каждой из которых свои вкусы, привычки, норов, расположение пятен на шкуре.

А ведь точно так, как стадо состоит из отдельных коров и быков, толпа, которую согнали сюда, состоит из отдельных людей — добрых, злых, щедрых или мелочных — тех, кто скоро будет

подчиняться каждому его слову, жесту, взгляду.

Он оглянулся на мать. Нанди сидела неподвижно, опустив руки на колени и устремив поверх голов взгляд на далекие рыжие, выжженные солнцем холмы.

Чака вздохнул. Что ж, друзья придут к нему сами. Сейчас же его дело — избавиться от врагов. Пусть они прячутся за спины соседей, пусть надевают маску равнодушия или покорности, притворство им не поможет, и пусть дерево будет свидетелем, что суд его суров, но справедлив!

Правда, есть в толпе человек, который не будет прятаться за чужие спины, не будет юлить или лицемерить, пытаясь снискать себе снисхождение. У них с Чакой одна кровь, они даже чуточку похожи друг на друга. Он один не опускает глаз и выдерживает взгляд вождя, хотя обиды, нанесенные им Чаке и Нанди, можно было бы перечислять до самой ночи.

— Вы все мертвы, вы мертвы уже давно, мертвы с того самого момента, когда вы нанесли обиды мне или Великой Слонихе, моей матери. Но я не хочу, чтобы гнев входил в мои уста или руки. Поэтому вы, мертвые, попробуйте вспомнить что-нибудь, хотя бы самую малость хорошего из того, что вы сделали мне или моей матери, и я покрою вас спасительной сенью.

Осужденные тоскливо переминались с ноги на ногу, озираясь по сторонам, как бы ожидая спасения откуда-то со стороны, но память так и не подсказала им ничего.

Только Мудли продолжал испытующе вглядываться в Чаку. И Чака наконец обратился прямо к нему:

— Привет тебе, Мудли. Что ж это ты, у которого в запасе всегда было столько мудрых слов, когда дело касалось меня или моей матери, сегодня хранишь молчание? Неужто во время разлуки с нами ты растерял свою мудрость? А ведь ты должен помнить, что я тебе многим обязан — безрадостным детством, изгнанием и даже именем своим. Говори же, о Мудли!

— Мне нечего сказать тебе, о вождь, — и если в тихом голосе Чаки клокотала сдерживаемая ярость, то в столь же тихом голосе Мудли можно было услышать лишь отрешенность.

— Ну что ж, может, ты отыщешь слова, когда сейчас перед нами ты будешь умирать тяжелой смертью.

По толпе прокатился ропот. Никто не ожидал от разыгравшейся перед их глазами сцены ничего хорошего, но то, что Чака обрекал Мудли, сына, внука и правнука вождей, на мучительную и позорную смерть, превзошло даже самые мрачные их предчувствия.

И опять-таки на лице Мудли Чаке не удалось обнаружить ни малейших признаков страха. Лицо его скорее отражало глубокое

раздумье. Наступила мучительная пауза, и Чака хотел было дать уже знак воинам увести Мудли, как вдруг тот заговорил ясным и громким голосом человека, привычного выступать перед толпой.

— Ты — сын моего племянника. Ты — вождь. Смерть, которой ты собираешься предать меня, не только мучительна, но и позорна. С незапамятных времен так казнят колдунов, повинных в насылании различных бед, и казнь эта накладывает пятно позора на весь род осужденного. В гневе своем, о вождь, ты забыл о связывающих нас родственных узах. Не пристало тебе, вождю зулу, начинать свое правление с поступка, позорящего твой собственный род.

— Что-то поздно вспомнил ты о родстве между нами, о Мудли, но я рад, что страх перед смертью не лишил тебя разума. Слова твои справедливы, и ты умрешь от копья, смертью воина.

— Благодарю тебя, о вождь!

По знаку Чаки к Мудли приблизился старый воин с ассегаем в руке, но осужденный даже не глянул в его сторону.

— Погоди, о вождь, — сказал он.

— Мы слушаем тебя.

— Я стар. Я участвовал во многих сражениях, и не страх перед смертью заставляет меня говорить, тем более что умираю я заслуженно. Но заслужил смерть я вовсе не потому, что когда-то обижал мальчика Чаку. Я заслуживаю смерти потому, что всю мою жизнь я держал в руках своих власть. Человек, наделенный властью, распоряжается судьбами других, а человек, распоряжающийся судьбами других, обязан уметь разбираться в людях. Я заслуживаю смерти потому, что в мальчике Чаке я не сумел разглядеть будущего вождя вождей. И поэтому сейчас, умирая, я говорю вам всем, чтобы вы слышали и передали эти мои слова другим: строжайше выполняйте все веления Чаки, ибо он приведет вас, потомков зулу, к славе. Это говорю вам я, Мудли, сын Нквело, внук Ндабы, тот, который уже сегодня будет есть землю.

Воцарилась такая тишина, что казалось, вся толпа затаила дыхание. Что же сделает сейчас этот странный человек, который самое страшное поражение в своей жизни сумел обратить на пользу себе? В какой-то неуловимо короткий миг Чаке показалось, что именно теперь, воспользовавшись впечатлением, которое произвела его речь, Мудли попросит сохранить ему жизнь. Чаке даже захотелось, чтобы он именно так поступил. Более того, Чака даже не знал, как он сам поступит, если Мудли попросит пощады.

Но Мудли неторопливо достал табакерку, взял из нее щепоть табака и так же неторопливо отправил ее под язык и молча

постоял несколько мгновений. Потом, повернувшись к стоящему рядом воину с ассегаем, сказал ему самым обыденным топом:

— Выполняй приказ.

Воин бросил было вопросительный взгляд на Чаку и тут же нанес точный удар.

Пользуясь присутствием второго полка Изи-цве под командованием верного друга Нгомаана, Чака с молчаливого одобрения Дипгисвайо решил включить в свои владения земли э-лангени — племени своей матери. Еще более слабые, чем зулу, они могли стать легкой добычей любого завоевателя, и только соседство с грозными мтетва давало им возможность сохранять пока собственную независимость. За ночь отряд Чаки без труда преодолел расстояние в сорок километров, и утром Македама, вождь э-лангени, был неприятно поражен, обнаружив, что его крааль Эсивени окружен плотным кольцом чужих воинов. У Македамы оказалось достаточно ума и жизненного опыта, чтобы не начинать бессмысленного кровопролития — ведь исход сражения предугадать было нетрудно. Буквально в тот же день повторилась сцена суда, весьма схожая с судилищем над Мудли. Никому из обидчиков Нанди или ее сына не удалось избежать казни. Операция эта явилась первой пробой сил для недавно сформированных полков Чаки, которые справедливей было бы называть сотнями. Таким образом владения Чаки увеличились почти вдвое, причем Македама номинально сохранил за собой власть над племенем, а войско Чаки пополнилось двумя с половиной сотнями воинов э-лангени. Новички пользовались полным равноправием, а после непродолжительного военного обучения под присмотром Мгобози их уже было просто невозможно отличить от воинов зулу. Когда все воины получили ассегаи с широким лезвием, Чака, проведя несколько тренировочных походов, решил немедля испробовать свою тактику на деле. Пришел наконец черед Пунгаше ответить за все притеснения, чинимые им в прошлом зулу и э-лангени. На этот раз Чака намеревался преподать урок не только бутелези, но и окрестным племенам, что помогло бы им понять — на небосклоне нгуни появилось новое светило. Урок этот должен быть жестоким, чтобы сразу отбить охоту у любителей межплеменных свар.

Повод для войны найти было нетрудно — слишком глубоко укоренилось в Пунгаше пренебрежительное отношение к своим соседям. Вот и теперь он, на свою беду, обозвал нового вождя зулу «прихлебателем Дингисвайо». Чака потребовал извинений, но получил еще более резкий ответ. Затем последовало формальное объявление войны, и стороны договорились о месте, где им предстояло помериться силами. Пунгаше, столько раз

бивавший Сензангакону, никак не мог взять в толк, с чего бы это ему не задать трепки и сыну покойного. В условленный день Пунгаше построил своих воинов на заранее выбранной позиции, причем за шеренгами воинов расположились женщины племени с запасами пива и снеди, пришедшие полюбоваться подвигами своих соплеменников, а при случае и принять участие в дележе добычи. Когда вдали показались воины зулу, Пунгаше подивился только их многочисленности, но и тут не испытал беспокойства — дело ведь не в числе воинов, а в их доблести. Когда же от строя зулу отделились две колонны и, перейдя на рысь, стали охватывать его фланги, он все еще благодушно посмеивался над противником, который так неразумно растягивает свой строй. Несколько удальцов бутелези вышли из рядов, намереваясь насмешками раззадорить своих противников и вызвать их на поединок. Однако шеренги зуду надвигались не останавливаясь. Более того, приблизившись к позициям бутелези на расстояние двух бросков копья, они перешли на стремительный бег. Лучшие воины бутелези, вышедшие до этого из рядов, были буквально смяты этой лавиной. Первая шеренга Пунгаше, опомнившись, принялась было метать копья, но противник уже врезался в их ряды, сея вокруг ужас и смятение — это воины У-Фасимба дорвались наконец до рукопашной.

Когда же фланговые колонны зулу начали смыкаться, вождю бутелези стало ясно, что единственный путь к спасению — в бегстве. Наспех сколотив небольшую группу, он проложил себе дорогу сквозь толпу обезумевших от ужаса женщин и скрылся в зарослях на берегу ручья. К вечеру он уже был далеко за пределами своих владений, стремясь добраться до земель Звиде. Племя бутелези прекратило свое существование. Скот, женщины и дети стали добычей зулу. Незамужние девушки, а их набралось около сотни, стали собственностью «правящего дома» зулу. На землях бутелези расселились зулу, мбонамби, э-лангени и другие племена. Жалкие остатки воинства Пунгаше нашли себе приют в зулусских краалях и окончательно смешались с победителями. Это явилось боевым крещением новой армии.

Даже эта скромная победа заставила вождей соседних племен искать дружбы и союза с новым повелителем зулу. Полное равноправие воинов Чаки, независимо от их племенной принадлежности, а следовательно, и возможность отличиться своими боевыми подвигами, представляли собой большую притягательную силу для иноплеменников. Мягкое обращение с союзниками, наличие пусть небольшой, но великолепно обученной армии, а главное — дружба с Дингисвайо обусловили то, что вожди таких племен, как сибийя, гунгебени, газини,

нтомбола и другие не препятствовали своим воинам вступать в армию зулу. А совместная служба мужчин привела вскоре к полному слиянию этих племен с зулу.

Не прошло и года, а владения Чаки успели увеличиться более чем в четыре раза. Армия его состояла теперь из двух тысяч воинов — один только полк У-Фасимба насчитывал восемь сотен — и являла собой грозную силу, с которой не могли не считаться окрестные племена. Ведь всего каких-нибудь три года тому назад в битве между наиболее могущественными племенами нгуни — мтетва и ндвандве — с обеих сторон приняло участие не более пяти тысяч воинов. Загоны зулу и объединившихся с ними племен пополнились захваченным у бутелези скотом. Немалую часть общего богатства зулу составляли и собственные Чакины стада, полученные им за воинские подвиги еще в армии мтетва. И тем не менее была внутри его маленького государства сила, способная противостоять его воле, сила, не всегда враждебная, но опасная тем, что наряду с волею вождя в племени существовал некий авторитет, способный не только противиться этой воле, но и свести на нет все начинания повелителя зулу. Этой силой являлись знахари, а главной противницей многих нововведений была их предводительница Нобела.

Народы нгуни, которые всего полтора столетия назад жили общинно-племенным строем, далеко не всегда могли уловить причинную связь многих явлений окружавшей их действительности и искренне считали, что в их жизни огромную роль играют духи. Добрые и злые, духи эти весьма активно вмешивались в события повседневной жизни — от них зависели урожаи и засухи, победы и поражения, рождение ребенка или смерть соплеменника. Все воспринималось конкретно — падеж скота, гибель вождя, поражение в битве — конечно же, это дело враждебных духов. Хорошо еще, что враждебным духам мужественно противостояли духи предков, которые за определенную мзду опекали своих потомков. Но иногда получалось так, что доброжелательные духи не могли без посторонней помощи одолеть своих противников, и тут на сцену выступали ведуны и знахари, прекрасно разбиравшиеся не только во взаимоотношениях духов, но и в человеческих делах. Им-то с незапамятных времен и поручалось посредничество с духами, а также истолкование воли последних. Постепенно из общей массы скотоводов, земледельцев и охотников выделилось особое сословие знахарей, представлявшее собой замкнутую организацию со своеобразным разделением труда. Самыми распространенными были врачеватели — знахари, сведущие в медицине, хотя зачастую болезни изгонялись ими драконовыми

методами. Наибольшей таинственностью окружали себя составители магических снадобий — этим случалось совершать и ритуальные убийства, ибо в рецептуру их изделий входили человеческий жир, желчь и прочие подобного типа ингредиенты. Кое-кто добывал себе пропитание вызыванием дождя. Правда, считалось, что любой вождь племени также наделен этим талантом, но у многих вождей доставало ума на то, чтобы не испытывать судьбу и не пробовать своих сил в этой области. Но самый почтительный ужас вызывали исангомы — искатели колдунов. Их задачей было выискивать колдунов, враждебных племени, или людей, которые вольно или невольно являются орудием злых духов, а следовательно, и источником уже разразившихся или ожидаемых бед. Исангомы, чаще всего женщины, приобрели особое влияние, когда власть вождя племени стала наследственной, и действовали обычно в тесном контакте с вождем. С их помощью было нетрудно устранить соперников или просто неугодных лиц: носителей зла, выявленных во время обряда «вынюхивания», палачи тут же предавали мучительной смерти. На смерть, правда менее мучительную, обрекалась и семья мнимого преступника, но, что самое важное, — имущество покойного делили между собой знахарки и вождь. Последний, правда, имел право амнистировать преступника, по для этого тот должен был успеть броситься к его ногам и попросить убежища. Но палачи тоже не медлили. Подобная система поддержания благополучия племени означала, что вождю ради собственного спокойствия приходилось делиться властью с могущественным цехом знахарей. А именно этого и не хотел делать Чака. В создаваемом им государстве, зародышем которого являлись наследственные владения, все должно быть направлено на выполнение единственной воли — воли вождя. То обстоятельство, что нынешнему вождю зулу пришлось жить среди людей различных племен, несколько поубавило у него почтения к касте знахарей: ведь в разных племенах, несмотря на сходство обычаев и верований, одни и те же приметы истолковывались часто по-разному. Именно это и заставило вождя зулу усомниться в справедливости многих суеверий, а заодно и в непогрешимости толкователей воли духов. И хотя вождь зулу вынужден был считаться с верованиями и суевериями своих подданных, обе стороны — Чака и знахарки — прекрасно сознавали, что столкновение неизбежно, и постепенно готовились к нему. И все-таки гроза разразилась неожиданно для Чаки. В далеком, краале на океанском побережье умирал Мбийя — человек, назвавший бездомного зулусского мальчишку своим сыном и терпеливо направлявший его шаги на пути к признанию и славе. Получив

известие о болезни приемного отца, Чака, не раздумывая, двинулся в путь, сопровождаемый небольшой группой воинов У-Фасимба. Почти без отдыха преодолели они расстояние в сто двадцать километров, и хотя старику уже ничем нельзя было помочь, присутствие Чаки несколько облегчило его последние минуты. Проводив в последний путь Мбийю и принеся соответствующие жертвы духам предков, вождь зулу не преминул повидаться с Нгомааном, а также испросить аудиенции у Дингисвайо, благо что Великий как раз был занят подготовкой кампании против Мативаана, вождя довольно сильного племени нгванаанов, в которой и Чаке с его армией отводилась немаловажная роль.

Вернувшись в Булавайо, Чака обнаружил: жители окрестных краалей пребывают в подавленном состоянии и, что самое неприятное, тревогой своей они сумели заразить даже неунывающих воинов У-Фасимба. Как выяснилось, в отсутствие вождя на землях зулу произошли события, которые сами по себе ничего опасного или огорчительного не представляли, но, получив должное истолкование знахарей, внесли тревогу и неуверенность в ряды его подданных.

Так, во время последней грозы молнией были убиты две коровы — вещь в период дождей довольно обычная. Но то обстоятельство, что смерть настигла их перед самыми воротами недавно построенного Булавайо, было истолковано знахарями как дурное предзнаменование. А когда вдобавок был пущен слух, будто сидевшая на ограде крааля птица заговорила человеческим голосом, началась уже самая настоящая паника. К моменту возвращения Чаки искусно распускаемые слухи успели накалить атмосферу до такой степени, что даже уравновешенные люди во всеуслышание требовали провести «вынюхивание» насылателей зла, дабы предотвратить грозящие народу зулу неисчислимые бедствия.

Скрепя сердце пришлось Чаке назначить церемонию «охоты за колдунами», а значит, на какое-то время передать власть над жизнью и смертью своих подданных в руки Нобелы.

Ранним утром все мужское население подвластных Чаке земель было собрано на широком поле перед Булавайо. Полукругом выстроились воины, а в центре дуги, на возвышении восседал Чака. Толпа застыла в тягостном ожидании, и даже воины У-Фасимба хранили мрачное молчание. Каждый знал, что день этот для многих может стать последним. Все мучительно перебирали свои поступки за последнее время и пытались предугадать, на ком остановят свой выбор страшные исангомы.

Чака был обеспокоен ничуть не меньше других. Нет, ему,

вождю племени, не угрожала непосредственная опасность — издавна считалось, что вождь является как бы духовным главой племени и никак не может быть орудием злых духов. Но Чака, несомненно, отдавал себе отчет в том, что если сегодня он не проявит достаточной твердости, авторитет его будет навсегда подорван, хотя об этом будут знать только он да знахарки. Да, Нобела ловко выбрала время для удара, однако у вождя тоже имеются кое-какие права, и Чака незамедлительно воспользуется ими. Он ведь не зря просидел сегодня всю ночь с Мкабайей, лучше всех знавшей неписаные законы племени.

Наконец в центре полукруга появились исангомы. Возглавляемые Нобелой, они начали пляску смерти, которая предшествовала самому процессу выискивания насылателей зла. Считалось, что, подобно охотничьим собакам, исангомы нюхом чуют злых духов и их пособников, по обряду «вынюхиваний» предшествовал особый ритуал. Много поколений назад знахари заметили воздействие танца и ритмической музыки на психику людей и издавна основывали на этом большинство магических обрядов.

Доводя себя до исступления, исангомы пляской смерти приводили толпу в состояние полной покорности, и когда наступало время перейти к обряду «вынюхиваний», воля толпы была полностью парализованной.

Пять прорицательниц, монотонно распевая заклинания, все быстрее двигались по кругу, а за ними в зловещем молчании шагали вооруженные тяжелыми палицами палачи. По приказу Нобелы все собравшиеся, кроме Чаки, свободного от этой обязанности в силу своего сана, стали подпевать знахаркам. Это было необходимо якобы для того, чтобы учуять дыхание поющего и по запаху его определить, замешан ли поющий в колдовстве.

Первые две жертвы были выбраны в дальнем конце толпы, и палачи тут же поволокли несчастных к месту казни. Чака понял, что Нобела действует по тщательно разработанному плану.

Шествуя гуськом, знахарки постепенно подбирались к ближайшему окружению вождя — тем, кто стоял подле возвышения. Понимая, что помочь друзьям можно, только разрушив каким-то образом воздействие ритма, Чака не слишком громко, но так, чтобы его могли расслышать стоящие рядом, крикнул Нобеле: «Смотри не сядь в осиное гнездо!» Наградой ему был полный признательности взгляд Мгобози.

Сегодня Нобела боролась за власть и считала необходимым преподать урок вождю и всему народу зулу. Сейчас следует нагнать страху на своевольного повелителя племени, лишить его друзей и показать всем, что никто не в силах противостоять

великому таинству освященного веками обряда. Но своей короткой фразой Чака сбил ее с толку и вырвал кое-кого из своих друзей из состояния оцепенения. Нобела снова отвела знахарок подальше от вождя и там, внимательно следя за реакцией толпы, стегнула нескольких человек хвостом гну. Палачи расправились с ними, и Нобела решила совершить последнюю попытку, ради которой и была задумана сегодняшняя церемония. Цепочка прорицательниц снова двинулась к Чаке, но долгое время держалась от него на почтительном расстоянии. Они выделывали замысловатые восьмерки, то приближаясь, то удаляясь от окружавшей Чаку небольшой группы приближенных. Чака понял, что наступил решающий момент, но так и не знал, что ему предпринять. И все-таки старая знахарка застала его врасплох: она вдруг сделала гигантский прыжок, проскочив между Мгобози и Мдлакой и успев хлестнуть хвостом гну и того и другого. За ней этот маневр повторили остальные четыре знахарки. Такие образом за спиной осужденных оказалось пять исангом, которые преградили им путь к вождю, а значит — и к спасению. Но те, окончательно подавленные, казалось, и не думали просить убежища. Восемь палачей схватили осужденных. Первым опомнился Мгобози. В нем проснулся воин. Без особого усилия освободившись от вцепившихся в него рук, он вырвал у одного из палачей массивную палицу, и двое из прислужников Победы тут же свалились с проломленными черепами. Первым делом он бросился на выручку к другу, и через несколько секунд с палачами было покончено. Недобро усмехаясь, Мгобози двинулся к оцепенело застывшим знахаркам, за ним, сжимая окровавленную палицу, но без улыбки па лице, шагал охваченный яростью Мдлака. Исангомы поняли, что настал их последний час. Понял это и Чака, однако относительно знахарок у него были свои планы.

— Вы просите убежища? — прогремел он во всю силу легких. Вопрос этот был обращен к друзьям.

Мгобози, который и думать забыл о такой возможности, недоуменно глянул на него, но, твердо веруя в умственное превосходство соратника и повелителя, не раздумывая ответил: «Да, отец мой», и, тут же отбросив палицу, обнял колени вождя. Его примеру последовал и Мдлака, но так и не выпустив из рук дубину.

— Я полагаю, обряд «вынюхивания» закончен, не так ли? — осведомился Чака у знахарок. Лишенные поддержки палачей, исангомы теперь думали только о том, как бы поскорее унести ноги.

— Да, о вождь, — ответила за всех Нобела.

— А почему? — неожиданно взревел Чака. — Ведь только что вы утверждали, что чуете запах враждебных духов. Более того, вы обвинили двух прославленных воинов в преступлении и обрекли их на позорную смерть. Клянусь духами предков, вы поплатитесь за это… Нюхайте друг друга, и пусть двое из вас пойдут есть землю вместо Мдлаки и Мгобози!

— Ты забыл, о вождь, что, подобно тебе, исангомы по могут быть орудием злых духов, а значит, и не подлежат «вынюхиванию», — с оттенком превосходства в голосе возразила Победа.

— А вот это мы сейчас и проверим. Нюхайте друг друга! Или, — Чака сделал паузу и закончил уже совсем другим тоном, — или вы признаете, что ошиблись относительно Мгобози и Мдлаки…

Нобела глянула на грозных соратников вождя. Мгобози, посасывая щепотку табаку, смотрел на знахарок с презрительным любопытством, но Мдлака, не вполне разобравшись, куда клонит Чака и не уверенный в том, что опасность миновала, даже не пытался скрывать своих намерений относительно исангом. От немедленной гибели прорицательниц могло спасти только показное раскаяние, и Нобела поспешила заверить вождя, что действительно произошла ошибка.

— Ошибка, которая чуть было не стоила жизни двум лучшим воинам народа зулу? Я не исангома, но от ошибки этой далеко разит самым настоящим обманом! — Чака на этот раз не напрягал голоса, но слышали его все собравшиеся. — Ты утверждаешь, что исангом нельзя подвергать «вынюхиванию»… Хорошо! Но вы повинны в ложном обвинении, а обнаружить преступника вы умеете простым бросанием костей. Так вот, пусть каждая из вас бросит кости и назовет виновную. А чтобы на этот раз все было без обмана, ты, Нобела, бросишь кости первой. Смотри не ошибись, каждой из вас разрешается только один бросок, а палачам отдадут тех, на кого дважды укажут кости. Гадание вы будете повторять до тех пор, пока не выявите двух преступниц, но каждый раз у вас будет по одному броску.

Он мог бы и не повторять этого — Нобела поняла, что западня захлопнулась: на кого бы она ни указала, бросая первой, обвиненная ею тут же в отместку укажет на нее. Остальные же, спасая собственную шкуру, отдадут свои голоса тем, на кого уже по разу указали кости. Нобела кинулась к Чаке и обняла его колени.

— Убежища, о вождь, я прошу убежища! — закричала она.

— Значит, ты просишь у меня убежища, — медленно, как бы раздумывая над чем-то, произнес Чака.

Выдержав длительную паузу, он вдруг благодушно усмехнулся.

— Нехорошо лишать убежища тех, кто просит о нем вождя зулу. Имя нашего прародителя Зулу, что означает небо, а под небом любому и каждому должно найтись место. Но тот, кто хочет жить среди нас, пусть поступится каждым десятым, а если придет нужда — то и каждым пятым быком своего стада в пользу армии, и армия оградит его и от враждебных духов, и от завистливых соседей. — Тут, как бы вспомнив об исангомах, он обратился к ним: — Идите и помните, что отныне «вынюхивать» пособников злых духов вы будете только по моему приказу и только среди тех, кого я вам укажу.

Знахарки, явно обрадованные таким оборотом дела, поспешили убраться восвояси. Остальные тоже вздохнули с облегчением и ждали только разрешения разойтись. Но Чака заговорил снова:

— Нет, я не ошибся, назвав стоящих перед вами Мдлаку и Мгобози лучшими воинами народа зулу. Они доказали это своими подвигами. А то, что родились они на землях других народов, не имеет теперь никакого значения. Защищая своими ассегаями краали зулу, они и сами стали зулу, и так будет с каждым, кто служит небу. Впереди, нас ждут новые сражения, ибо окружены мы алчными соседями, которые зарятся на наш скот и посягают на наши земли. Противопоставить им мы можем только собственное мужество и сплоченность. Отныне не род, не племя, не число скота или жен, а только личная доблесть будут мерилом достоинств каждого. Так есть и так будет на землях Неба. Того же, кто будет противиться нашей воле, постигнет судьба бутелези, но даже и они, или, вернее, те, кто из них уцелеет, получат возможность запять достойное место среди нас. А теперь идите по домам и передайте мои слова тем, кто не слышал меня здесь.

Утомленный непривычной для него длинной речью, Чака тщательно прополоскал горло, а затем сделал несколько глотков пива. Потом он как ни в чем не бывало обратился к Мгобози:

— Признайся, ты здорово струхнул, когда в тебя вцепились помощники Нобелы?

— Нет, отец мой, они только пробудили меня ото сна. Но если бы не твои слова об осином гнезде — кто знает — возможно, я спал бы так крепко, что проспал бы и собственную гибель. Жаль только, что ты, отец, помешал Мдлаке потолковать с Нобелой. Мы наверняка услышали бы много интересного.

— Не торопись, может быть, наступит черед и для этого…

Глава IX

Оправдалось еще одно пророчество Чаки. Дингисвайо был вне себя от гнева: его политика уступок по отношению к Звиде не принесла никаких результатов. Трижды разбивал он его в бою и трижды отпускал на волю, довольствуясь небольшим выкупом, надеясь каждый раз, что тот превратится в доброго соседа, а может быть — и в союзника. Однако Звиде заключил союз не с мтетва, а со своими северными соседями и обрушился на ничего не подозревающего вождя нгванаанов Мативаана. Поход этот закончился почти поголовным истреблением племени. Краали нгванаанов были сожжены, а скот угнан. Когда же Дингисвайо потребовал у него объяснений, Звиде сослался на то, что он якобы боялся, что нгванааны нападут на старых друзей и союзников Дингисвайо — хлуби.

Уличенный во лжи, Звиде направил к Дингисвайо свою сестру Нтомбазану в надежде, что ей удастся завоевать расположение и любовь вождя мтетва. Ей еще было дано секретное задание добыть что-либо — волосы, остриженные ногти, на худой конец — испражнения для колдовства над ними, чтобы полностью подчинить себе волю Дингисвайо. И Нтомбазане это удалось.

Пока составлялись магические зелья, Звиде при помощи подарков и искусно затягиваемых переговоров удерживал Дингисвайо от решительных действий. Когда же колдовское зелье было готово, а урожай собран, Звиде решил испробовать свои силы. В качестве предлога для войны он убил Малуси, который был женат на сестре Дингисвайо Номантули. Вдова убитого, естественно, потребовала наказать виновного. Дингисвайо мобилизовал бригаду Ньелези и направил послов к Чаке за помощью. Обе армии должны были обрушиться на земли ндвандве одновременно. Армия Дингисвайо прибыла на земли Звиде и разбила лагерь, поджидая подхода Чаки.

Тем временем Дингисвайо, то ли действительно поддавшись действию черной магии, то ли окончательно уверовав в свою неприкосновенность, без каких-либо оснований для этого продолжал продвигаться вперед в окружении нескольких девушек в качестве личной охраны. Звиде решил не упускать удобного случая и захватил в плен вождя мтетва. Продержав Великого несколько дней под арестом в своем краале, он приказал убить его. Голову Дингисвайо отрезали для приготовления еще более сильных колдовских снадобий, а тело предали земле.

Между тем армия Дингисвайо, совершенно растерянная из-за

внезапного исчезновения своего вождя, пребывала в бездействии в своем лагере, пока не пришло печальное известие. Хотя и в подавленном состоянии, они все же вернулись к себе, пробившись сквозь отряды вражеских племен. Уже на обратном пути к ним присоединился Нгобока со своими воинами, который, подобно Чаке, не имел времени на подготовку к этой так неудачно составленной и трагической по своим результатам кампании.

Тем временем Чака уже выступил со своими полками, но на полпути один из вождей племени кумало, Донда, который тоже должен был присоединиться к мтетва, встретил его словами: «Куда ты идешь? Дингисвайо уже убит, а армия мтетва уходит».

Расправившись с Дингисвайо, Звиде решил, что ндван-две теперь по праву могут претендовать на первое место среди племен нгуни, и стал собирать силы для похода на земли мтетва. Но чтобы гарантировать себя от всяких неожиданностей, необходимо покончить сначала с Чакой, который угрожал его армии с фланга.

Гибель Дингисвайо означала и полный развал возглавляемого мтетва союза племен, который держался на личном авторитете Великого. Большинство союзных вождей тут же вспомнили о старых добрых временах и вышли из союза. Остальные же пребывали в состоянии полной растерянности. «Империя» мтетва распадалась на глазах. Наиболее дальновидные обратили свои взоры к Чаке, справедливо полагая, что только военный гений вождя зулу способен предотвратить вражеское нашествие. Первым в Булавайо пришел Нгомаан, приведя с собой второй полк Изи-цве, затем появился Нгобока во главе воинов сокулу. Их примеру последовали вожди нескольких мелких племен, не желавшие полагаться на милость Звиде. Группами и по одному приходили воины мтетва. Их сразу же распределяли по полкам, где они проходили курс ускоренной военной подготовки. Численность зулусской армии возросла таким образом до пяти тысяч человек.

Но несравненно более усилилась армия ндвандве. Гибель Дингисвайо, столь неожиданная и, казалось бы, непонятная, укрепила положение Звиде, и многие вожди поспешили к нему на поклон. А тут еще вождь ндвандве успел расправиться с вождями кумало и влить их воинов в свою армию. Так у Звиде оказалось в наличии двенадцать полков, примерно по тысяче человек в каждом. Будучи человеком осторожным, вождь ндвандве постарался подыскать подходящий повод для войны с зуду, чтобы обеспечить себе расположение окрестных вождей. Звиде придрался к старым обязательствам покойного Сензангаконы, который и впрямь был щедр на посулы. В ультимативной форме

он потребовал у Чаки трех девушек для своего гарема, якобы обещанных ему отцом вождя зулу. Последовал обмен резкостями, в результате которого полки ндвандве двинулись к границам зулу.

Во главе двенадцатитысячной армии ндвандве стоял Номахланджана — молодой, самолюбивый и слишком уверенный в своих силах наследник Звиде, а в рядах отборного полка Ама-Нкайя шли почти все остальные взрослые сыновья вождя ндвандве.

Колоссальному численному превосходству противника Чака мог противопоставить только богатый боевой опыт и железную дисциплину своей армии. И все же для сражения в открытом поле этого было явно недостаточно — двенадцать полков ндвандве окружат и сомнут его пять полков, и дело завершится скорее всего их полным истреблением. И Чака выбрал единственно возможную для него тактику.

Но прежде всего вождь зулу принял меры невоенного порядка. Были срочно мобилизованы все способные носить оружие юноши, еще не достигшие призывного возраста, и старики, чьи военные подвиги стали уже давно достоянием прошлого. Именно этим, наспех сколоченным формированиям и поручили заботу о скоте народа зулу. Скот и припасы под их присмотром были срочно укрыты в непроходимой чаще леса Нкандла.

Вдоль берегов Умфолози, являвшейся в то время границей между ндвандве и зулу, Чака заблаговременно расставил сильные сторожевые заслоны из мобильных отрядов, состоящих в основном из воинов союзных племен под общим командованием Нгобоки. Задача их облегчалась тем, что из-за прошедших ливней вода в реке стояла высоко и переправу можно было осуществить только на бродах, прекрасно известных той и другой стороне.

Основные силы зулу было решено построить на холме Гокли, лежавшем почти у самой границы, но удаленном от реки на такое расстояние, что ндвандве не смогли бы утолять в ней жажду, не покидая поля боя на длительное время.

Гокли — холм со срезанной вершиной — идеально подходил для осуществления Чакиного замысла. На плоской его вершине можно было расположить значительный резерв, укрытый от глаз наблюдателей. Туда же доставили сосуды с питьевой водой и запас продовольствия, которого на худой конец хватило бы на несколько дней.

На рассвете решающего дня к холму Гокли приблизилась под надежной охраной вереница девушек, возглавляемая Пампатой. Они принесли горшки с пивом и новые запасы продовольствия.

Прибытие этого своеобразного пополнения явилось для Чаки неожиданностью, а неожиданностей, да еще перед самым боем, он не любил. Однако Пампата тут же сослалась на приказ Нанди, и Чака сменил гнев на милость, справедливо рассудив, что лишний запас пива в такую жару не помешает. Но скоро он понял, что Пампата явилась сюда отнюдь не ради пива или снеди для его воинов — у нее явно были какие-то другие планы. Все утро она молча ходила за отдававшим последние распоряжения Чакой, но как только у того выдалась свободная минута — тут же заговорила с ним. Чака не сразу понял, к чему она клонит.

— Дингисвайо погиб, доверившись Звиде, и теперь ты покрываешь тенью своей многие народы. Ты вождь вождей и великий воин. Сегодня будет решаться судьба не только зулу, но и всех нгуни, а воинов у тебя мало. Ндвандве сильны, многочисленны и коварны, а смерть Дингисвайо прибавила им смелости и уверенности в себе. Сегодня прольется кровь многих воинов, и почти во всех краалях завтра будут оплакивать своих близких. Кто я такая? Я не жена, хотя и оторвалась уже от девушек родного крааля. Признаюсь тебе, я уже давно приготовила себе наряд замужней женщины, но только примерила его, так никогда и не надев…

В Чаке закипело раздражение.

— Ты ведь знаешь…

— О нет, мой повелитель, — впервые в жизни Пампата осмелилась прервать своего любимого, — не мне обсуждать мудрость твоих решений, и долю свою я считаю достойной зависти. Но сегодня я, как о величайшей милости, прошу тебя разрешить мне надеть одежду замужней женщины в первый и последний раз в моей жизни. И прошу я тебя об этом не из женского тщеславия — я не собираюсь красоваться в нем перед своими подругами… Вспомни историю Нонтомы. Давно это было, но знают о ней даже дети в самых отдаленных краалях. А ведь она всего лишь удержала воинов своего сына от бессмысленного кровопролития. Я же хочу сделать нечто большее: когда полки ндвандве приблизятся к холму, я пойду им навстречу в одежде жены и разденусь перед самым их строем. Это напугает и собьет с толку даже храбрейших из них, а растерявшись, они станут легкой добычей твоих воинов. Я думаю, что духи предков не взыщут с меня за этот проступок, ибо таким образом я, возможно, спасу жизни многих воинов своего народа. Меня, конечно, убьют, но что значит смерть одной Пампаты, если многие более достойные не увидят завтра солнца. Ты потомок Зулу, ты воин, ты вождь, и в день битвы ты должен думать не о Пампате, а о судьбе десятков народов, чье будущее решится исходом сражения,

поэтому, прошу тебя, позволь мне исполнить задуманное мной. Если все так хорошо запомнили историю Нонтомы, то, кто знает, может, вспоминая о твоих подвигах, потомки наши вспомнят и о Пампате… — она умолкла, просительно глядя на вождя зулу.

Чака не сразу нашелся, что ответить ей, но когда он заговорил, голос его звучал мягко и задумчиво:

— Ты права, Пампата. Я и в самом деле потомок Зулу, воин и вождь. Права ты и в том, что от исхода сегодняшнего боя зависит судьба многих народов и что победа нужна нам как никогда. Но, даже выиграв этот трудный бой, я буду далеко не первым зулу, воином и вождем, который одерживает победу. Проиграв его, а поражение это будет означать гибель моего народа и крушение всех моих надежд, я все-таки буду не первым, кому изменило военное счастье. Ты, Пампата, хочешь принести себя в жертву военной удаче, и, может быть, потомки наши и впрямь будут воспевать твой подвиг. Правда, сегодня многие воины пожертвуют собой, а имена их будут преданы забвенью даже в собственных краалях, но и это не беда, ибо таков удел воина. В щедрой доброте своей ты позабыла, очевидно, что от ударов вражеских копий мы закрываемся щитом, на котором натянута бычья шкура, остальное же зависит от собственной ловкости и немалой доли удачи. Я очень хочу выиграть этот бой, и мне тоже хотелось бы сохраниться в памяти народной, но я не хочу, чтобы потомки наши вспоминали меня как зулу, воина и вождя, который в страхе перед смертью первым на щите своем вместо бычьей шкуры расплял тело своей любимой. Но я все разно благодарен тебе, Пампата, за то, что ты хотела сделать. А теперь собирай своих подруг и уходи, ибо присутствие ваше мешает воинам сосредоточиться на предстоящем им деле…

Чака понимал, что Номахланджана не посмеет двигаться в глубь страны, оставляя у себя в тылу, по существу, всю армию зулу, но и опасался также одновременной атаки холма всеми силами ндвандве. Чтобы заставить наследника Звиде раздробить свои силы, вождь зулу пошел на уловку, которая прекрасно себя оправдала. Когда армия ндвандве после бесплодных попыток с ходу форсировать реку, стоивших Номахланджане около тысячи человек, дождалась спада воды и двинулась все же к холму Гокли, вспомогательные отряды зулу стали перегонять специально выделенное стадо в десяти километрах от Гокли. Номахланджана, как и следовало ожидать, клюнул на эту приманку и бросил примерно треть своих сил на захват скота. После беглого осмотра позиций зулу он решил, что для расправы с Чакой ему вполне хватит восьми полков (примерно 7500 человек) из двенадцати. Следует иметь в виду, что самоуверенность юного полководца

немало подкреплялась и тем, что Чака выстроил на верхних склонах холма всего лишь около полутора тысяч, оставив две с половиной тысячи человек в укрытии на вершине холма в качестве резерва. Но даже и те воины, что были построены в боевые порядки, располагались таким образом, чтобы у противника создалось впечатление об их малочисленности. Беззаботный Номахланджана, отдав приказ атаковать противника, расположился на отдых тут же, у подножия холма. Командиры его полков также не разобрались в сложности ситуации и, построив своих воинов в обычные для нгуни шеренги, двинулись к вершине холма одновременно со всех сторон. Однако подобное движение привело к сужению линии фронта, а в результате сначала сократились интервалы между отдельными подразделениями, а потом и между воинами. К позиции зулу ндвандве подошли настолько плотно сбившейся массой, что не хватало места не только для каких-либо маневров, но даже и для простого броска копья. Этим не замедлил воспользоваться Чака и решительной контратакой смял их ряды. Вооруженные удобными для рукопашного боя ассегаями, воины зулу произвели страшные опустошения в рядах ндвандве, отступление которых больше всего походило на бегство. Однако преследователи, достигнув подножия холма, тут же вернулись па прежние позиции, подчиняясь строгому приказу Чаки: численное превосходство ндвандве было еще столь велико, что вождь зулу не решался ввязываться в длительную схватку.

Вторую атаку ндвандве начали, учтя ошибку предыдущей. Теперь интервалы между полками были сделаны с таким расчетом, чтобы сомкнутый строй образовался только на рубеже атаки. Но воины зулу, укрывшись за щитами, выдержали без особого ущерба для себя обрушившийся на них град метательных копий. Когда у атакующих осталось всего по одному копью, они уже просто не знали, что делать. Тут на растерянных противников ринулись воины Чаки, и ндвандве снова откатились назад.

К середине дня ндвандве предприняли еще три попытки сломить невиданное упорство обреченной, как они полагали, горстки воинов; зулу, и каждый раз откатывались с большими потерями. К этому времени выбыли из строя две трети защитников холма: из начавших бой полутора тысяч воинов у Чаки оставалось не более шестисот, да и из тех почти половина успела получить ранения. Однако и у Номахланджаны из семи с половиной тысяч человек погибло около двух с половиной тысяч, а из оставшихся пяти многие были ранены. Этого ему вполне могло хватить для завершения операции, если бы не одно обстоятельство: его воины, особенно раненые, жестоко страдали

от жажды, а ближайший источник находился километрах в пяти. Почти половина войска ндвандве разбрелась по вельду в поисках воды, причем у раненых нашлось немало добровольных провожатых.

Раздраженный непонятным упорством зулу, Номахланджана решил закончить сражение одним ударом. Для этого он разделил свои силы на две неравные части. Полторы тысячи воинов были построены в колонну по двадцать человек в ряд и брошены на поредевшую шеренгу защитников холма с севера. Тысяча построилась дугой на южной стороне, отрезая зулу путь к отступлению.

Этого момента Чака терпеливо дожидался с самого начала боя. Пришла пора пустить в ход изнывающий от безделья резерв. И когда смертоносный таран колонны ндвандве добрался уже почти до вершины холма по обе стороны его, но вне пределов досягаемости метательного копья, помчались вниз быстроногие воины У-Фасимба и Изи-цве. Пятьсот ветеранов Ама-Вомбе приняли па себя удар головы колонны, а к этому моменту У-Фасимба и Изи-цве успели добежать до арьергарда ндвандве и чуть было не захватили врасплох их командующего. Номахланджане не осталось ничего иного, как присоединиться к замыкающим рядам колонны. «Рога» сомкнулись, и на этот раз полторы тысячи ндвандве оказались в окружении. Сделав полуобороты, воины зулу с ходу атаковали противника, а поскольку те были построены по двадцать человек в ряд, только первые шеренги и успели метнуть свои копья, остальные же из-за образовавшейся давки вынуждены были дожидаться, пока до них доберутся воины зулу. Ндвандве сражались до последнего, пытаясь подороже продать свои жизни, но измотанные предыдущими атаками, изнывающие от жары и жажды, а главное — ошеломленные невесть откуда взявшимися свежими силами зулу, они и не рассчитывали на успех. Сражение скоро превратилось в самое настоящее побоище, в котором особенно неистовствовал Мгобози. Он одного за другим уложил на поле боя всех участвовавших в сражении сыновей Звиде, но вскоре и сам свалился, обессилев от множества ран. Около тысячи человек были брошены на прочесывание местности для уничтожения мелких отрядов ндвандве, разбредшихся в поисках воды.

Номахланджана до последнего мгновения рассчитывал па то, что занявшая южный склон холма тысяча человек придет ему па помощь. Но чуда не произошло. Стоявшие там воины по-прежнему видели перед собой редкие шеренги зулу и, слыша доносившийся до них шум сражения, недоумевали, к какой еще новой уловке прибегнул вождь зулу, чтобы оттянуть разгром

своих сил. Недоумение их сменилось растерянностью, а потом и ужасом, когда одержимые жаждой новых подвигов воины зулу ударили им во фланг. Однако командир ндвандве не утратил присутствия духа и, пожертвовав своими ранеными, из которых наспех создавались заслоны, попытался вывести свой полк из-под удара. Этому способствовало и то, что вдали уже показались четыре обремененных добычей полка ндвандве, отправленных в погоню за скотом зулу еще перед началом боя.

Увидев, что нет никакой возможности помешать силам ндвандве соединиться, Чака начал медленно отступать к Булавайо. Утомленные дневным переходом и изрядно измотанные мелкими стычками с зулусским ополчением, колонны ндвандве не могли навязать отступающим силам зулу решительного сражения и тем самым воспользоваться своим численным превосходством. А Чака тем временем разослал гонцов с приказом всем частям срочно стягиваться к столице. Он особенно рассчитывал на бригаду Белебеле, которая пока что не принимала участия в кампании и в качестве последнего резерва обороняла укрывшихся в лесу женщин и детей.

После целого ряда блестящих тактических бросков, в которых зулу использовали лучшее знание местности и превосходство в маневрировании, Чака решил дать бой у стен Булавайо. Сражение это, начавшееся под знаком превосходства ндвандве, было решено своевременным подходом бригады Белебеле, которая ударом во фланг смяла противника, а перешедшие в контратаку защитники зулусской столицы завершили разгром. Из двенадцати полков ндвандве уцелело не более тысячи человек. Но и потери зулу составили не менее полутора тысяч убитыми, а более пятисот человек получили тяжелые ранения. Сражение у холма Гокли не только раз и навсегда перечеркнуло планы Звиде относительно захвата земель мтетва, но и с полной очевидностью доказало, что среди племен нгуни появился новый центр притяжения — возглавляемое Чакой государство зулу.

И все же битва эта только на некоторое время оттянула решительное столкновение двух сил в борьбе за главенствующее положение в Натале. Обе стороны лихорадочно готовились к неизбежной развязке, однако ни одна из них пока что не решалась нарушить шаткое равновесие. Ндвандве имели почти неисчерпаемые людские резервы среди родственных им племен суту, их северных соседей, но те не спешили на помощь Звиде, намереваясь сначала убрать урожай. Чака, со своей стороны, не пытался ускорить ход событий, справедливо полагая, что время работает на него. Молодое зулусское государство росло как на дрожжах. К нему присоединились многие из тех племен, чьи

вожди после смерти Дингисвайо заняли поначалу выжидательную позицию. Этому немало способствовало и то, что Нгомаан, один из наиболее заслуженных индун мтетва, стал теперь чем-то вроде премьер-министра у Чаки, а осиротевших мтетва возглавил Мландела — ближайший друг вождя зулу. Но не только старые друзья приходили к Чаке. На сторону зулу перешли и некоторые недавние союзники Звиде. Самым известным из них был молодой вождь племени кумало Мзиликази, впоследствии один из самых знаменитых полководцев Африки.

Воспользовавшись тем, что Звиде не оправился после недавнего поражения и наверняка не наберет достаточно воинов, по крайней мере, до весны, Чака двинул свою армию на юг, и вскоре воины гвабе пополнили полки Чаки, а скот их вождя оказался в загонах зулу. После этой победы зимой 1818 года владения зулу составляли около 20 тысяч квадратных километров. Под властью Чаки к этому времени находилось около тридцати независимых ранее племен. Но теперь уже мало кто вспоминал о своей прежней племенной принадлежности. Страну покрыла сеть военных краалей, где воины под руководством опытных индун занимались боевой подготовкой. Поскольку для вступления в брак требовалось специальное разрешение, а таковое давалось только воинам, особо отличившимся в бою, в стране оказалось множество незамужних девушек. Незамужними оставались и девушки покоренных племен, чьи потенциальные женихи пали в бою или бежали из родных мест. И Чака обратил свое внимание на этот людской резерв. И вскоре были созданы вспомогательные женские полки. На их плечи легли заботы но «интендантской» службе. В мирное время девушки занимались обычными полевыми работами, а в походах обеспечивали армию провизией. Первый женский полк был сформирован вскоре после сражения у Гокли в начале 1818 года и получил название Вутвамини («те, что созревают в полдень» — название сладкого дикорастущего плода).

Поскольку главной заботой нового государства было создание сильной и боеспособной армии, главы военных краалей взяли на себя функции прежних старейшин округов. Так постепенно военная администрация вытесняла старую родо-племенную знать.

Наступило время уборки урожая, и Чака приказал ссыпать зерно в заранее заготовленные корзины и прятать его в тайниках леса Нкандла. В краалях разрешалось держать только самый необходимый запас провизии.

Теперь и Звиде получил возможность перейти к активным действиям. Восемнадцать полков снарядил он для вторжения на

земли зулу. Во главе этой невиданной но своей численности армии стоял опытный полководец Сошаигаан — впоследствии основатель нескольких государств нгуни. Главнокомандующий ндвандве учел печальный опыт сражения у холма Гокли, и теперь почти каждый его воин наряду с обычными метательными копьями имел и массивный ассегай, пригодный для рукопашного боя. Наконец все приготовления были закончены, и в июле 1819 года — а в южном полушарии это самый разгар зимы — огромная армия двинулась на юг.

Через своего соглядатая Нолуджу Чака был в курсе каждого шага Звиде. Как только пришли известия, что ндвандве готовятся к выступлению, вождь зулу приказал очистить от всех запасов продовольствия территорию шириной в 60–70 километров.

Подавляющему численному превосходству врага Чака мог противопоставить только тщательную разработку всей кампании в целом, заранее предвидя передвижения противника, а затем, используя более высокую мобильность и железную дисциплину своей армии, довести дело до полного разгрома врага. Немалую роль отводил он составленным из мальчиков отрядам носильщиков и женским полкам.

Все эти предвидения оправдались самым блестящим образом. Трехдневный запас пищи, взятый с собой воинами ндвандве, был израсходован ими еще на своей территории. Теперь же они уповали на то, что в краалях зулу их ждет богатая добыча. Однако на своем пути они встречали лишь безлюдные краали с пустыми закромами и загонами для скота. Летучие отряды зулу постоянно сновали вокруг наступающей армии врага, мешая быстрому продвижению в глубь страны, где все-таки можно было поживиться кое-какой добычей. Воины, которых Сошангаан посылал на заготовку провизии, исчезали бесследно, а зулусское войско все не показывалось, хотя незримое присутствие его чувствовалось постоянно. К исходу второго дня полк зулу смелым маневром зашел в тыл армии ндвандве и, перебив охрану, угнал около сотни быков — последний продовольственный резерв Сошангаана. Голодная армия ндвандве оказалась на грани катастрофы. Ее воины провели ночь без сна из-за беспокоящих операций зулу. Чтобы изголодавшиеся и продрогшие враги не повернули вспять, Чака прибегнул к новой хитрости. По его приказу в двух-трех километрах от лагеря ндвандве разбрызгали кровь недавно заколотого быка и пригнали на это место стадо. Встревоженный скот поднял рев, который отлично был слышен воинам Сошангаана. Те решили, что добыча у них под носом. Однако предусмотрительный Сошангаан ограничился тем, что выслал разведчиков. Воины зулу специально дали им добраться

до стада, и разведчики, не разобравшись в ночном мраке, что к чему, доложили Сошангаану о намерении воинов зуду угнать скот за реку Тугелу. А на рассвете Сошангаану донесли, что стада зулу переваливают через холм Сунгульвени, расположенный примерно в десяти километрах от лагеря ндвандве.

Сошангаан и здесь чуял западню, но ему уже трудно было сдерживать голодных воинов, и армия ндвандве устремилась в погоню. За день они проделали более пятидесяти километров и достигли реки Тугелы — южной границы владений зулу, постоянно отвлекаемые нападениями летучих отрядов зулу. Эти мелкие стычки, каждый раз грозившие перейти в генеральное сражение, вынуждали Сошангаана прекращать преследование и выстраивать полки в боевые порядки, но зулу упорно не начинали бой. В результате всех этих задержек войска ндвандве подошли к Тугеле как раз в тот момент, когда юноши зулу переправляли через нее остатки стада. На противоположном берегу стояли, изготовившись к бою, полки Чаки. Многочисленные броды охранялись заведомо слабыми отрядами, и умудренный опытом Сошангаан понял, что, форсируя реку, он только сыграет на руку Чаке. По его приказу армия отошла к лесу Нкандла и расположилась там на ночлег. Предприимчивый Чака сделал все, чтобы и эта ночь оказалась неспокойной для его врагов. Под покровом темноты воины зулу просочились в ряды измотанных дневным маршем и голодом ндвандве и, когда тех сморил сон, учинили страшную резню, усугубленную еще и тем, что в темноте невозможно было разобраться, где друг, а где враг, и многие воины ндвандве пали под ударами своих же товарищей.

Наутро Сошангаан повернул назад свою потрепанную и измученную армию. Две тысячи воинов потерял он за три дня в бесплодных попытках завязать сражение, в то время как зулу отделались потерей всего двух-трех сотен, да и то преимущественно ранеными. И хотя у ндвандве все еще оставалось шестнадцать тысяч против десяти тысяч Чакиных воинов, теперь это была не та армия, которая так самонадеянно пересекла границы зулу.

Начатое отступление было очень скоро приостановлено армией Чаки, настигшей противника неподалеку от холма Сунгульвени. Сошангаану тут же пришлось построить свои полки. Готовясь к сражению, он расставил войска обычным для нгуни порядком: строй ндвандве представлял собой растянутую километра на полтора линию из шестнадцати шеренг, каждая из которых состояла из полка примерно в тысячу человек. Это было классическое построение, принятое у народов нгуни, и, несмотря на подавленное состояние своих воинов, Сошангаан без особой

тревоги дожидался атаки десяти Чакипых полков. Да и воины его, вконец раздраженные бесполезными переходами на пустой желудок, с нетерпением дожидались возможности схватиться наконец с неуловимыми зулу. Но Чака и па этот раз спутал все планы противника. Армия зулу на виду у врага, но вне пределов досягаемости метательных копий развернулась в боевую фалангу, и обе стороны замерли друг перед другом в двух бросках копья, что составляло около ста метров. Но каково же было изумление Сошангаана, когда он увидел, что от боевых порядков зулу отделяются два полка и рысцой движутся в обход его флангов. Пытаясь преградить им путь, он приказал растянуть фланги, но направляющие колонны стали обходить их. Дальнейшее растягивание линии фронта могло привести к ослаблению центра, перед которым стояли основные силы зулу, и Сошангаан срочно приказал полкам, составлявшим две последние шеренги, двинуться наперерез наступающим колоннам и прикрыть фланги. Однако зулусские воины продолжали наступать как ни в чем не бывало, и вскоре между полками прикрытия и основными силами ндвандве образовался значительный разрыв. Вот в эти-то бреши Чака и бросил два новых полка, которые зашли в тыл отрядам прикрытия. Затевать новую перестановку сил на виду у изготовившейся для атаки армии зулу было более чем рискованно, и тогда Сошангаан решил, пожертвовав двумя полками, немедленно атаковать противника, надеясь на то, что обреченные будут яростно сражаться и свяжут брошенные против них четыре полка Чаки.

Войско ндвандве, ободряемое криками командиров, ринулось вперед, но… ничего не произошло. Шеренги зулу отступили в полном порядке, так и не дав сократить разделяющее противников расстояние. Насмешки и оскорбления, которыми осыпали их ндвандве, казалось, не производили на зулу ни малейшего впечатления. Разрыв между фланговыми прикрытиями и основными силами ндвандве увеличился еще более, и там уже кипела битва. Сошангаан приказал было повернуть назад, но тут же на его тылы двинулись шеренги зулу, и ндвандве пришлось остановиться, чтобы сдержать их напор. Так повторялось несколько раз, а тем временем с двумя полками ндвандве было покончено, и победители численностью около тысячи копий зашли ндвандве в тыл.

Сознавая полную обреченность каких-либо наступательных действий, Сошангаан приказал двигаться в сторону родных краалей. Но и это было сопряжено с невероятными трудностями. Продвижению мешали четыре полка зулу, которые, так и не соединившись с основными силами, двигались теперь перед

авангардом ндвандве, а сзади на расстоянии все тех же двух бросков копья вышагивали главные силы Чаки. Это вынуждало ндвандве постоянно сохранять боевые порядки, то есть передвигаться четырнадцатью шеренгами в полтора километра шириной. Любая неровность местности, овраги, ручьи или холмы путали их ряды, а мобильные отряды зулу пользовались каждым замешательством для нанесения молниеносных, но весьма ощутимых ударов.

К вечеру противники достигли реки Умлатузи, и здесь Сошангаан расположил на ночь свою голодную и окончательно павшую духом армию. Ночью были произведены подсчеты, и оказалось, что к Умлатузи пришло всего двенадцать тысяч человек. Это означало, что ндвандве растеряли треть своих сил, так и не сумев навязать противнику открытого боя.

Наутро ндвандве снова увидели армию зулу, занимавшую позиции на господствовавшей над местностью возвышенности. Даже теперь Сошаигаан предпочел бы атаковать врага, но, опасаясь повторения вчерашнего, приказал готовиться к переправе. Еще до рассвета неподалеку был обследован подходящий брод, по которому свободно могла пройти шеренга из двадцати воинов. Но к этому же броду двинулась и армия зулу.

Сошангаану снова пришлось выстраивать свою армию в шеренги. И тут командующий ндвандве допустил роковую ошибку. Растянутые на полтора километра войска его начали переправляться через реку отдельными полками, а значит по мере переправы на другой берег число шеренг уменьшалось, а фронт при этом не сокращался. Выждав, когда половина армии ндвандве окажется на противоположном берегу, Чака сомкнутыми колоннами прорвал их поредевший строй, отрезая тем самым основную часть вражеских сил от брода. Почти половина оставшихся на зулусском берегу ндвандве была уничтожена, а остальные, побросав копья, искали спасения в ледяных водах Умлатузи. Немногим удалось достичь противоположного берега, да и те, оказавшись безоружными, стали бесполезным балластом для Сошангаана. Самое яростное сражение завязалось у брода. Разъяренные ндвандве контратаковали с такой силой, что даже ветеранам Ама-Вомбе пришлось уступить их натиску. Но это был временный успех. Прекрасно понимая, что форсировать реку в подобных условиях невозможно, Чака вывел из боя два отборных полка — У-Фасимба и Изи-цве и приказал им переправиться — одному ниже, а другому выше — по течению и зайти ндвандве в тыл. Успешное проведение этого маневра решило исход всей кампании. Один только Сошангаан не утратил присутствия духа и с группой наиболее опытных воинов сумел пробиться сквозь

ряды зулу и спасти тем самым свою жизнь.

Пока основные силы были заняты истреблением мелких групп противника, свежие, почти не принимавшие участия в боях полки Мбонамби и Йси-Пеза стремительным маршем направились к столице ндвандве. Преодолев за сутки более ста километров, они подошли к краалю Звиде, распевая боевую песню ндвандве. Население крааля, полагая, что это возвращаются с победой их соплеменники, высыпало навстречу. И здесь началась резня. Вождю ндвандве все же удалось скрыться, однако Нтомбази, его мать и вдохновительница всех его черных дел, понесла заслуженную кару.

Прошло всего три года со смерти Сензангаконы и прихода Чаки к власти. За этот короткий срок владения зулу увеличились почти в сто двадцать раз, составляя теперь почти 30 тысяч квадратных километров. В распоряжении Чаки имелась закаленная в боях армия, равной которой не было среди племен нгуни.

На землях зулу воцарились наконец мир и покой. В вельде под присмотром опытных пастухов паслись многотысячные стада подобранного по мастям племенного скота. На тщательно обработанных полях вызревали обильные урожаи. В военные краали постоянно прибывали пополнения, из которых тут же формировались новые полки. Но главным было то, что каждый наконец получил возможность спокойно пользоваться плодами своих трудов, не опасаясь того, что скот его и добро могут стать добычей более воинственного соседа.

Всякий, какое бы скромное положение ни занимал он во вновь созданном государстве, твердо знал, что в случае какого-либо конфликта он может обратиться к нелицеприятному судье, чьи приговоры бывали суровыми, но справедливыми. Далеко не каждый решался отправиться в Булавайо, чтобы представить свое дело на суд грозного владыки, но и местные индуны старались вершить правосудие по справедливости и в соответствии с тем толкованием старых обычаев, которые давал им Чака. А законы эти были просты. Смертной казнью карались трусость в бою, невыполнение приказа, клятвопреступление, прелюбодеяние и клевета. В остальных же случаях виновный отделывался штрафом в несколько голов скота, взимаемым в пользу пострадавшего или вождя. Именно простота законов и приводила к тому, что желающих затевать тяжбы оказывалось не так уж и много. Однако память народная сохранила до наших дней несколько судебных решений Чаки, свидетельствующих не только о его уме, но и о своеобразном чувстве юмора.

Так, однажды в Булавайо прибыли два человека с просьбой

рассудить их. Они некогда были друзьями, но, когда заботам каждого из них было поручено по огромному стаду вождя, а пастбища имели общую границу, возник извечный «спор о меже». Межи, собственно, в вельде никакой не было, но, поскольку ссора затянулась, каждый стал претендовать на изрядную полосу пастбища другого. Чака самым блестящим образом разрешил этот затянувшийся спор.

— Так где же, по-твоему, проходит граница? — спросил он у первого пастуха. Тот, решив воспользоваться случаем, наспех перечислил ориентиры на местности, прихватив изрядную полосу земли своего противника. Второй пастух только возмущенно крякал, но, подчиняясь повелительному знаку вождя, хранил молчание.

— И ты согласен поклясться, что, если я проведу границу в указанном тобой месте, у тебя не возникнет новых претензий? — спросил Чака самым доброжелательным тоном.

— Клянусь, о вождь!

— Тебе известно, что клятвопреступники караются смертью?

— Да, о вождь!

— Хорошо.

И, обернувшись ко второму пастуху, он предложил и ему высказать свое мнение. Тот принялся подробно доказывать несостоятельность претензий своего врага, но Чака тут же прервал его:

— Зачем все эти слова? Скажи нам, где должна проходить граница.

И тут обиженный пастух, решив, что наступил черед свести счеты с противником, а заодно — и прирезать себе изрядный ломоть пастбища, назвал ориентиры, которые далеко передвигали границу на земли соседа.

— Поклянись, что будешь доволен, если граница пройдет там, где ты хочешь.

— Клянусь, о вождь!

— Клятвопреступники караются смертью.

— Я знаю, о вождь!

— Вот вы и попались, — рассмеялся Чака. — Когда вас назначали пастухами моих стад, то под пастбища вам были выделены одинаковые участки. Участки эти так и не изменились с тех пор. Вот вы и поменяйтесь своими пастбищами, но так, чтобы граница, указанная каждым из вас сохранилась, и тогда между вами будет лежать полоса земли, равная вашей жадности.

Смущенные пастухи удалились под общий хохот присутствующих, которым только теперь стал ясен смысл Чакиного приговора.

Глава X

Среди людей зулу уже давно кружили неясные, но устойчивые слухи о каких-то белых пришельцах, отличных даже от жителей бухты Делагоа, с которыми нгуни вели торговлю уже во времена Дингисвайо. И вот наконец в один прекрасный день индуна, прибывший с земель, лежащих у морского побережья, доложил Чаке о некоем человеке, который попросил убежища в его краале. Человек этот принадлежит к племени коса и зовется Джекотом Мсимбити. С одной стороны, он как будто хорошо знаком с этими белыми, но с другой — то, что он рассказывает о них, об их обычаях и повадках, настолько противоречит здравому смыслу, что поневоле возникают сомнения относительно правдивости его слов. Не слишком доверяя чужеземцу, но, однако, и не будучи в состоянии опровергнуть сказанное им, индуна счел необходимым привести своего гостя сюда, в крааль Чаки, дабы Великий сам выслушал его россказни и решил, содержатся ли в них сведения, ценные для народа зулу.

Чаке в этот день предстояло решить несколько судебных дел особой важности, а поскольку приговоры тут же приводились в исполнение, то когда наступила очередь приведенного индуной человека, тот уже точно знал, что ему следует говорить одну только правду.

Он назвал себя и подтвердил, что действительно провел много лун в плену у белых, где претерпел множество мук, прежде чем сумел наконец бежать, дабы предстать перед лицом вождя зулу.

— Разве народ твой воюет с белыми? — спросил Чака.

— Нет, отец мой.

— Так как же ты оказался в плену?

И тут Чака, поначалу сомневавшийся в искренности Мсимбити, удостоверился в том, что человек этот вознамерился говорить только чистейшую правду, ибо, никем не принуждаемый, он признался в совершении тягчайшего преступления — краже скота. Оказалось, что именно за это он был схвачен белыми.

— А как же ты, пойманный на месте преступления, избежал казни?

И тут Мсимбити поведал такое, что Чаке сразу стало понятно, почему приведший своего гостя индуна отказывался верить ему: белые вместо того, чтобы казнить преступника, сохраняют ему жизнь, но лишают свободы, запирая в каменные здания, и содержат в невыносимых условиях. Более того, здания эти

находятся на острове, со всех сторон окруженном морем, и бежать оттуда невозможно.

— Но ты все же бежал, чтобы предстать перед нами? — усмехнулся Чака.

— Я бежал, отец мой, но только не с этого острова.

Из рассказа Мсимбити следовало, что белый вождь, поставленный над заключенными, передал нескольких из них, тех, кто научился понимать язык белых, другому вождю, который командовал судном — а это такой деревянный дом, в котором плавают по морю. Тот же, в свою очередь, отдал Мсимбити другому белому индуне, который тоже имел свой морской дом. Шестеро белых людей вместе с Мсимбити решили высадиться на берег, но лодка опрокинулась и разбилась о прибрежные камни. Четверо белых утонули, а двоим удалось добраться до берега. Причем одного из них на берег вытащил именно он — Мсимбити. Оба этих белых были индунами, судя по тому, как властно покрикивали они на остальных. И вот тут второй белый, тот, что сумел спастись своими силами, неожиданно набросился на Мсимбити с кулаками. Понимая, что он находится в стране дружественных зулу, о которых ему еще дома рассказывали столько хорошего, Мсимбити воспользовался первым удобным случаем и сбежал от белых.

— А как же ты спасся, да еще помог спастись белому, если белые, привычные к морю, утонули? — спросил Чака.

— Я вырос на морском берегу и умею плавать.

— Это можно проверить, — произнес Чака не предвещавшим ничего хорошего голосом и тут же приказал нескольким воинам бросить Мсимбити в реку, выбрав для этого местечко поглубже. Люди зулу, перебирающиеся через реки только при помощи плотиков из камыша, поняли, что лгун попался в ловко расставленную ловушку. Но он не проявлял никакого беспокойства. Поглядеть на расправу с ним отправились даже несколько индун из ближайшего окружения Чаки. Однако неунывающий Мсимбити, брошенный довольно бесцеремонно в воду, сначала скрылся под водой и пробыл там так долго, что разочарованные зрители собрались было уйти, но потом появился на поверхности и поплыл сначала по течению, а потом, к всеобщему изумлению, и против течения. Добравшись до стоящих на берегу стражников, он как ни в чем не бывало выбрался на берег, отряхиваясь как собака и добродушно улыбаясь.

Чаке тут же доложили об этом, и он, окончательно поверив рассказу Мсимбити, наградил его почетным прозвищем «Пловец» и приказал ему остаться в Булавайо, рассчитывая воспользоваться им как переводчиком.

Злоключения Мсимбити, правдивость рассказа о которых ему пришлось подтвердить столь необычным образом, имели свою предысторию.

В далеком Лондоне Британское адмиралтейство решило отправить гидрографическую экспедицию для обследования юго-восточного побережья Африки. Экспедиция эта, возглавляемая капитаном Британского королевского флота У. Оуэном, вышла из Вулвича 10 января 1822 года, а из Кейптауна — 31 августа того же года и прибыла в бухту Делагоа 27 сентября.

Во время стоянки в Кейптауне капитан Оуэн получил для использования в качестве переводчиков и грубой рабочей силы несколько заключенных из тюрьмы на острове Роббен. Среди них был и уже известный нам Джекот Мсимбити, которого англичане вскоре «перекрестили» в Джекоба.

Завершив работы в бухте Делагоа, Оуэн вернулся 27 июня 1823 года в Порт-Элизабет, чтобы пополнить запасы продовольствия. Пока грузился корабль Оуэна, в порт вошел принадлежащий Джеймсу Сандерсу Кингу бриг «Солсбери», который был зафрахтован торговой компанией, возглавляемой Ф. Дж. Феруэллом и А. Томпсоном. Феруэлл, некогда и сам лейтенант Британского королевского флота, потом, отказавшись от военной карьеры, стал купцом. Теперь этот почтенный негоциант решил вложить свои капиталы в торговлю с жителями восточного побережья Африки. Им-то и переуступил капитан Оуэн двух переводчиков. Не ограничившись этим, Оуэн снабдил Кинга копией составленных его экспедицией карт побережья Наталя вплоть до бухты Санта-Лючия, находившейся уже во владениях Чаки. Оуэн попросил капитана «Солсбери» обследовать эти районы и передать потом карты морскому командованию в Кейптауне. И «Солсбери» с Феруэллом и Томпсоном на борту отправился в дальнейшее плавание. Шторм помешал бригу войти в залив Порт-Наталь, но зато была предпринята попытка высадиться в бухте Санта-Лючия, которая и закончилась гибелью лодки и четырех матросов.

Оказавшись из-за излишней горячности Томпсона без переводчика, Феруэлл не сумел наладить контакта с жителями побережья и с большим риском вынужден был вернуться на борт брига. На обратном пути погода благоприятствовала мореплавателям, и им удалось наконец войти в Порт-Наталь и стать на якорь у острова, который в честь этого события был назван островом Солсбери.

Здесь они расположились на длительную стоянку, и Кинг, во исполнение данного им Оуэну обещания, произвел промеры глубин бухты.

Скорее всего именно в это время и произошло окончательное сближение Кинга и Феруэлла. Во всяком случае, торговая компания теперь освободилась от одного из компаньонов и вместо «Феруэлл, Томпсон и К°» могла именоваться «Феруэлл, Кинг и К°».

Итак, мужественные негоцианты вернулись в Кейптаун с готовым планом, согласно которому они и разделили обязанности. Чем занялся Томпсон, мы не знаем, но Кинг с первым же попутным судном отправился в Лондон, дабы заинтересовать британское правительство перспективами развития торговли на восточном побережье Африки. Феруэлл с той же целью принялся бомбардировать проектами местные власти. Правда, не очень рассчитывая на Кинга, он взял себе в компаньоны некоего Генри Фрэнсиса Финна.

Компании по эксплуатации ресурсов восточного побережья Африки возникали весьма легко, компаньоны вступали в содружества и расторгали союзы без особых колебаний, но это отнюдь не свидетельствовало об их легкомыслии или пренебрежительном отношении к «высоким целям». Просто в этих краях «бремя белого человека» взваливали на себя те представители «строителей Британской империи», которые никак не могли тягаться со своими коллегами, осевшими в иных, уже освоенных районах земного шара. У тех уже были сделаны капиталовложения, в Лондоне открыты солидные конторы, а в банках — не менее солидные счета. На конкурентов они смотрели настороженно, а «вольным стрелкам», которым, кроме собственной, замешенной на авантюризме предприимчивости, нечего было вложить в дело, нетрудно было и на рее повиснуть.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что мистер Феруэлл так легко менял компаньонов. Не будем же удивляться и тому, что, отправляясь в Англию, Кинг не передал карт Оуэна со своими коррективами представителю морского ведомства в Кейптауне, а повез их в Лондон. Там он, ничтоже сумняшеся, объявил себя автором привезенных карт. Адмиралтейство приняло отважного исследователя с распростертыми объятиями и, дабы поощрить здоровую инициативу, присвоило Д. С. Кингу звание лейтенанта Британского королевского флота.

Не дремал тем временем и Феруэлл. Он вручил губернатору колонии лорду Чарлзу Сомерсету прошение, в котором, поплакавшись на предыдущую неудачу, выражал непреклонное стремление сделать «новую попытку в надежде, что, устроив там (в Порт-Натале. — М. Б.) стоянку, мы сможем вести товарообмен с туземцами, а это, в свою очередь, приведет и к иным выгодам».

Лорд Чарлз не устоял перед такой перспективой и дал свое

губернаторское благословение, с тем, однако, непременным условием, чтобы общение с туземцами было дружелюбным и честным. Новоявленным колонистам запрещалось, кроме того, приобретать какие-либо территории. Оговорка эта носила чисто формальный характер — уж слишком хорошо было известно лорду Чарлзу, какого типа негоцианты ведут коммерческие дела у него в колонии.

Заручившись согласием губернатора, Феруэлл зафрахтовал два судна — «Джулию» и «Энн», чтобы высадить в Натале банду пестрого сброда в количестве сорока душ. В марте 1824 года «Джулия» с частью торговой экспедиции, возглавляемой Финном, вышла из Столовой бухты и благополучно прибыла в Наталь в конце того же месяца.

Финн с несколькими спутниками направился в глубь страны, пытаясь через местных вождей испросить аудиенцию у верховного правителя этого края — Чаки. Остальные принялись строить жалкие хибарки из обмазанных глиной ветвей, которым предстояло стать зародышем города Дурбана.

О продвижении Финна Чаку регулярно оповещали гонцы, отправляемые каждый день главами краалей, по чьим землям проходила эта странная процессия.

Чака решил под благовидным предлогом оттянуть аудиенцию, выяснить истинные намерения белых и только тогда встретиться с ними. Однако, не желая обидеть посланцев белого вождя — а именно за таковых выдавали себя эти люди, — Чака распорядился послать им сорок голов скота и слоновую кость. Он также приказал сообщить им о том, что посещение Булавайо придется отложить до тех пор, пока не будут сделаны приготовления для достойного их приема.

Финну, который стремился опередить Феруэлла в налаживании отношений с вождем зулу и тем самым занять главенствующее положение в фирме, пришлось несолоно хлебавши и проклиная на чем свет стоит любовь вождя зулу к церемониям проделать стомильный обратный путь к побережью. Правда, полученный скот и слоновая кость несколько смягчили его.

В Порт-Натале его встретил прибывший на «Энн» Феруэлл с остальными участниками экспедиции. Дела задержали главу торговой фирмы в Столовой бухте на шесть недель. Компаньоны решили дождаться «Джулии», которая увезла слабых духом обратно в Кейптаун и должна была доставить сюда новую партию охотников до Наталя. Но они так и не дождались ее — «Джулия» затонула, и предприимчивые авантюристы пошли на корм рыбам. «Энн» также увезла обратным рейсом робких и нерешительных.

Таким образом на берегу остались избранные. Это были: Феруэлл, Финн (Мбуязи ве Теку), Генри Огле, слуга Феруэлла, Джон Кейн — плотник, Томас Холстед, Джордж Бриггар, Попхэм и Петерсон. Люди эти принадлежали к той породе искателей приключений, неунывающих, беззастенчивых, жадных до наживы, из которых рекрутировались «строители Британской империи».

Постоянно следить за действиями белых было поручено Мхлопе, который даже построил ради этого крааль недалеко от поселка белых. Из его донесений следовало, что белые не рассчитывают на новое пополнение своих рядов, что целью их является обмен товаров на скот и слоновую кость, что товары их добротны и красивы, но что сами они довольно беспомощны и опасности не представляют. Охотятся они при помощи ружей — таких же, что и у португальцев из бухты Делагоа, но искусными охотниками их никак не назовешь. Ружья их часто гремят впустую, а иногда даже, особенно по утрам, и вообще отказываются греметь. Неудачи эти, кстати сказать, довольно часто приводят белых в бешенство, и они, забывал о приличествующей мужчинам выдержке, разражаются ругательствами, являя собой смешное и нелепое зрелище. Жилища они строят из грязи и веток, подобно ласточкам, и живут, не заботясь о чистоте и удобствах. Тем не менее, по крайней мере, двое из них непрестанно утверждают, что они являются посланцами и друзьями великого вождя белых, короля «Джоджи», и от его имени добиваются права быть представленными Чаке.

И Чака решил, что наступило время встретиться с ними. Для этой цели он вызвал в Булавайо вождя мтетва Мбикваана. Чаке в его стране нечего стыдиться и скрывать. Пусть белым покажут по пути все, что они пожелают увидеть, а в знак особого доверия к ним с Мбикваaном будет идти минимальное число воинов. Тем временем Чака приказал стянуть к Булавайо большую часть своих полков. Велено было также перегнать на близлежащие пастбища отборные стада племенного скота. Богатство и военная мощь зулу должны произвести на белых самое благоприятное впечатление. И уж если королю белых захотелось дружбы с людьми зулу, то пусть он знает, что это будет дружба равных. Если же белые замышляют что-то недоброе — парад полков Чаки отобьет у них охоту мериться силами со своим северным соседом.

На следующий день путешественники увидели раскинувшуюся внизу широкую панораму долины реки Умлатузи с холмами и долинами, поросшими мимозой. В центре долины лежала ставка Чаки — крааль Булавайо.

После долгой и пышной церемонии гостям предложили места

на циновках перед Чакои и подали пиво. Он предупредил своего переводчика Мсимбити, или, как теперь его называли, Хламбаманзи (Пловец), о том, чтобы тот проявил все свое искусство.

Вождю зулу хотелось послушать людей посторонних, а поэтому способных трезво судить о том, что проделал он на землях нгуни. Ведь если в дни его юности, дни не столь уж далекие, скромные владения Дингисвайо казались необъятными просторами, а армия мтетва была самой могущественной среди нгуни, то с чем же можно сравнить величие народа зулу, когда во владениях Чаки земли мтетва занимают лишь один из округов, а вся их армия, некогда считавшаяся грозной силой, не устояла бы теперь против двух-трех его полков.

Простыми и понятными словами Чака говорил о строгом порядке, царящем в его землях, и сравнивал его с недавним разбродом и своеволием вождей. О богатстве людей зулу, о том, что созданная им армия не имеет себе равных и что она и только она является гарантией всего этого порядка и благополучия.

Он поинтересовался, велика ли страна белых и кто управляет ею, каков возраст короля Георга и много ли у него жен, каковы обычаи белых и строго ли они соблюдаются, богаты ли их соотечественники скотом и как строят свои жилища. Больше всего интересовала его их армия, но на первый раз, чтобы не вызывать подозрений, он воздержался от вопросов о ней. В ответах белых было много непонятного и странного, и Чака не знал, можно ли им верить. Правда, услышав, что король Георг весьма преклонного возраста, но довольствуется одной-единственной женой, он расхохотался и объявил: тот только поэтому и дожил до своих лет, но было бы лучше, если бы «брат Джоджи» последовал примеру Чаки и вовсе отказался бы от брака.

Понимая, что гости его устали с дороги, Чака решил прекратить беседу и оповестил их, что они будут отведены сейчас в специально для них построенный крааль на окраине Булавайо.

Настоящие торжества по случаю приезда гостей начались на следующий день. Если вчера знакомство с белыми сводилось только к беседе, да еще наверняка перевранной переводчиком, сегодня посланцы белых людей смогут воочию убедиться в том, что в сказанном Чакой не содержится ни крупицы лжи. К белым был отправлен гонец с приглашением на празднество, и они, тоже не желая ударить в грязь лицом, явились верхом на лошадях, хотя расстояние, отделявшее их жилище от места парада, было ничтожным. И все же им предстояло почувствовать, что здесь, на этих землях, все вершится волею Чаки, он один хозяин жизни и

смерти своих подданных, и белым — на лошадях они или пешие, могущественна их армия или нет — придется считаться с этим. Чака заранее приказал держать одного из осужденных на смерть преступников среди индун, окружавших его во время утреннего омовения. Когда белые подошли к Чаке, он после обычного обмена приветствиями самым небрежным тоном приказал казнить преступника. Казнь была совершена тут же, и на белых произвела должное впечатление.

Во время парада англичане насчитали пятнадцать полков. Один за другим проходили они мимо белых церемониальным маршем. У воинов каждого полка были особые щиты и плюмажи. После парада начались пляски, от которых содрогалась земля. Затем прогнали стада. Но самое изысканное зрелище — пляски полков девушек — было припасено напоследок.

Белый весьма подробно записал разговоры, которые вел с ним Чака, не умолчав даже о том, что вождь зулу высмеивал их порядки и хваленое всеведение. Спор с ними — а спор этот Чака будет вести до самого своего смертного часа — был, но существу, попыткой обосновать разумность и целесообразность образа жизни народа зулу. Конечно же, белые — великие искусники, они владеют секретом изготовления множества вещей, на первый взгляд ценных и заманчивых. Взять хотя бы эти разноцветные огни, которые с треском вспыхнули высоко в небе по велению белых в первую ночь их пребывания в краале Булавайо, — зрелище было великолепным, и почт и все глазели на него, раскрыв от изумления рты! Однако, оставшись наедине с собой и хорошенько обдумав услышанное и увиденное, он приходил к мысли о том, что здесь, в его стране и среди его народа, многие вещи, столь расхваливаемые белыми, окажутся бесполезными, а многие их обычаи — бессмысленными.

Все эти возражения он и высказывал в кругу своих индун, и часто бывало так, что, поставленные в тупик его меткими замечаниями, белые ничего не могли возразить. Иногда он намеренно выставлял белых в нелепом виде, рассчитывая на то, что, раздраженные его замечаниями, они в запальчивости скажут больше, чем намереваются сказать, и ему удастся услышать то, что они наверняка предпочли бы утаить.

Белые, однако, продолжали расхваливать порядки и богатства своей страны, а поскольку никто, кроме Мсимбити, не имел возможности наблюдать их ранее, то людям зулу приходилось верить им на слово. То же обстоятельство, что Хламбаманзи пребывал у них на положении преступника, заставляло и к его словам относиться весьма сдержанно. Правда, белые, признавая, что многое из рассказанного их бывшим

узником соответствует истине, не уставали твердить о том, что места, где побывал Мсимбити, — это еще никак не их страна, что родина их лежит на расстоянии многих лун пути морем и что уж там-де царят подлинные порядки и благоденствие. А как проверить правдивость их слов, если даже здесь, в их южных владениях, побывал только все тот же Мсимбити? Ни слова, ни поступки белых не таили никакой угрозы народу зулу. Более того, они утверждали, что являются друзьями и посланцами короля Джоджи. А тот только и желает наладить дружбу с Чакой, слава о делах которого докатилась уже и до их далекой страны. Дружба эта, а возможно, и военный союз двух великих народов принесут огромную пользу и будут выгодны и тем и другим.

Через несколько дней празднества были закончены, обе стороны обменялись дарами, и белые начали собираться в обратный путь. Чака велел щедро одарить их скотом, дабы посланцы белого короля не могли посетовать на то, что у людей зулу не нашлось для них сытной пищи. Наступило время прощаться. Было условлено, что Феруэлл со спутниками вернутся в Порт-Наталь, а Финн останется в Булавайо с тем, чтобы поддерживать связь малочисленной колонии белых с Чакой.

Элемент новизны постепенно утрачивался, и довольно скоро все привыкли к тому, что нелепую фигуру Финна можно встретить в любое время если не в краале вождя, то где-нибудь в близлежащих окрестностях, куда он нередко отправлялся па охоту. Прогулки эти тяжелым бременем ложились на толмача, без помощи которого белый на первых порах не мог и шагу ступить. Поглазеть на диковинного пришельца стремились теперь только гости из самых далеких районов страны или посланцы чужих племен, прибывающие в Булавайо по различным делам. Но оказалось, что Финн тоже утратил интерес к местным жителям. Он затевал разговоры с пришельцами из отдаленных мест и непременно задавал им одни и те же вопросы об охоте, количестве скота, о реках, протекающих рядом, о лесах и рощах. Спрашивал, далеко ли от всех этих мест до морского побережья. Самым неприятным для толмача было то, что содержание всех разговоров белого приходилось самым подробным образом передавать Чаке, а при каждой встрече с суровым вождем зулу бедного Пловца буквально трясло от страха. Однако вскоре и сам Чака утратил интерес к беседам белого — видимо, того и впрямь волновала одна лишь слоновая кость, а то, что белые узнают, где и сколько добывается слоновых клыков, не может повредить народу зулу.

Участвовавшие в празднествах полки были давно разосланы но своим военным краалям, стада пастухи увели па пастбища, и

жизнь в Булавайо пошла своим чередом. Это был период относительного затишья, и казалось, ничто не предвещало беды. А тем временем произошли некоторые перемены — исконный враг зулу Звиде, разбитый и опозоренный, укрывшийся с остатками ндвандве на северо-западе во многих днях пути от владений Чаки, умер. Но даже смерть его была использована для того, чтобы нанести удар в самое сердце народу зулу.

По обычаю, смерть вождя скрывали не только от его подданных, чтобы избежать борьбы за власть и связанных с нею смут, но и от всех вообще. В случае необходимости кое-кому говорили, что вождь «занемог», а правда это или нет — узнать было трудно, да и тут следовало держать свои догадки при себе, ибо особа вождя священна, а распускать ложные слухи о его здоровье или, что еще страшнее, — о смерти означало рисковать собственной жизнью. Поэтому, когда незадолго до появления белых людей Чаке донесли, что у ндвандве творится что-то неладное, он решил более тщательно разведать положение дел у его некогда грозного противника. Но визит белых, связанные с ним празднества и перемещения полков, необходимость продумывать новые планы поглотили все его внимание, а кроме того, ндвандве были теперь далеко и, не оправившись от жестокого поражения, не могли представлять собой сколько-нибудь серьезной угрозы для возросшего могущества зулу.

Однако Сикуньяна, сын и наследник Звиде, рассудил, по-видимому, по-иному. Похоронив отца в далекой от земель предков стороне и не без оснований считая вождя зулу главным источником всех обрушившихся на ндвандве бед, он решил воспользоваться давним обычаем и отомстить врагу. Считалось общепринятым вслед за умершим властителем отправлять па тот свет не только ближайших его слуг, но и тех, кто принимал непосредственное участие в этих ритуальных убийствах. Правда, их уже убивали тайно, обычно бескровным способом — умганда, то есть удушением. На этот же раз Сикуньяна решил последовать примеру своего заклятого врага — Чаки, который не только оставил в живых некоего Хлати, принимавшего участие в похоронах Сензангаконы, но и приблизил его к себе. И сделал это Чака именно за нападение, совершенное Хлати из засады и причинившее такой жестокий урон арьергарду армии Звиде. Кое-кого из «могильщиков» Сикуньяна призвал к себе и, подробно рассказав историю Хлати, кстати сказать, прекрасно известную всем, прямо объявил им, что, по крайней мере, часть из них может спасти себе жизнь и имущество, если они согласятся принять участие в весьма рискованном, но славном предприятии: им предстоит на много ни мало как пробраться в самое логово

льва и убить Чаку. Правда, отправляются они почти на верную гибель, но тут есть хоть какая-то возможность того, что кому-то и удастся уцелеть в поднявшейся после убийства суматохе, а кроме того, подвиг этот зачтется им как участие в очищающем обряде омовения копий. Смерть в бою любой предпочтет смерти от руки палача — и группа обреченных, соблюдая строжайшую тайну, отправилась в путь.

Чака, последнее время постоянно пребывавший в благодушном настроении, чаще обычного устраивал развлечения, нередко и сам принимая участие в танцах и веселье. Именно этим и решили воспользоваться посланцы Сикуньяны.

В тот день пиршество затянулось до позднего вечера, и Чака, не желая прерывать танца, велел зажечь факелы. В неверном свете горящего тростника убийцы вплотную подобрались к танцующему вождю. Один из них, выхватив ассегай, нанес удар, который мог бы оказаться роковым, не заметь Чака в последний момент опасность. Он попытался парировать его, и возможно, что это спасло ему жизнь. Наконечник копья, пройдя сквозь руку, вонзился под левый сосок, прошел между ребрами, не задев, однако, сердца. Посланцы Сикуньяны бросились врассыпную, нанося удары направо и налево, особенно стараясь поразить факельщиков и тем самым еще больше усилить возникшее замешательство. Момент для нападения был выбран исключительно удачно — им всем удалось скрыться.

В конце концов все-таки поймали трех мужчин, подозревавшихся в покушении. Вскоре была организована и карательная экспедиция, направленная против одного из враждебных племен. Воины зулу смели с лица земли несколько краалей и вернулись домой с богатой добычей.

Через несколько дней в Булавайо прибыл мистер Феруэлл, которого в ожидании возможных перемен срочно вызвал сюда Финн. Ранение Чаки лишний раз напомнило Феруэллу о бренности человеческой жизни, и он тут же решил позаботиться о вещах непреходящих, а именно о приобретении солидного земельного участка. Однако свое появление в Булавайо он объяснил Чаке исключительно тревогой о его здоровье.

Чака был растроган. То, что друг и посланец короля белых сам примчался сюда, можно было рассматривать как искреннее проявление дружбы. А дружбу Чака ценил больше всего на свете. Что же касается белых, то и здесь Чака руководствовался только желанием заключить с ними союз. Почему бы, пользуясь знаниями белых, — а в том, что познания их широки, Чака уже давно не сомневался, — не расширить свое влияние еще больше? Правда, посланцы белого вождя, прибывшие на его земли,

преимущественно жадны, хвастливы и глупы. Они придают огромное значение вещам несущественным и пустым, не умея при этом пользоваться подлинными благами. Взять хотя бы того же Феруэлла, которому вдруг понадобилось, чтобы Чака поставил какую-то закорючку на исчерканном значками белых клочке гнилой кожи. Если Мсимбити правильно переводит его слова, то получается, что без этого белые соплеменники Феруэлла не признают за ним права на пребывание в отведенном ему Чакой месте. Благодушно посмеиваясь, Чака объяснил ему, что земли эти почти безлюдны и что достаточно сослаться на волю вождя зулу, чтобы никто не посмел чинить препятствий его другу, но Феруэлл снова затараторил, изредка вставляя в свою речь зулусские слова. Мсимбити растерянно умолк. Чака давно уже утратил интерес к предмету их разговора, но просительные интонации человека, только что прибывшего выразить свое соболезнование, заставили его сделать тому и эту поблажку. Он протянул руку за бумагой. Однако Феруэлл попросил стоявших рядом индун подойти поближе и, изредка поглядывая на бумагу, снова заговорил по-английски. Понимая, что белый друг выполняет какой-то важный обряд, Чака решил не мешать ему довести дело до конца. По его знаку индуны слушали незнакомые слова, сохраняя невозмутимую серьезность. А Феруэлл с таким торжественным выражением лица, будто дело шло о его жизни, продолжал свою непонятную речь.

«Я, ингуос (нкоси, что означает «вождь») Чака, король зулусов и страны Наталь, властитель всей области, простирающейся от Наталя до бухты. Делагоа, унаследованной мною от отца… по доброй воле и в обмен на товары сим предоставляю, передаю и продаю Ф. Дж. Феруэллу и К° на вечные времена… порт или гавань Наталь… и окружающую территорию, описанную ниже, а именно: мыс или полуостров у юго-западного входа, а также весь район, простирающийся к югу от Порт-Наталя и далее вдоль берега моря на север и на восток до реки, известной под туземным названием Гумгелоте, протекающей примерно в двадцати пяти милях к северо-востоку от Порт-Наталя, а также всю территорию, простирающуюся в глубь материка до владений нации, именуемой зулусами «Говангневко», примерно на сто миль, со всеми правами на реки, леса, недра и все, что в них находится (…) В удостоверение чего я приложил свою руку, полностью сознавая, что тем самым принимаю на себя все условия и обязательства (…) и по доброй воле даю свое согласие (…) в присутствии вышеупомянутого Ф. Дж. Феруэлла, которого я сим признаю вождем данной страны, обладающего всей полнотой власти над теми туземцами, какие пожелают остаться там (…)

при условии предоставления ему скота и кукурузы (…) в качестве вознаграждения за доброту его ко мне, когда я страдал от раны».

Наконец Феруэлл замолчал. Индуны насторожились, не зная, чего от них теперь потребуют. Англичанин протянул бумагу Чаке и, так и не выпуская ее из рук, подал ему перо, предусмотрительно обмакнув его в темную жидкость. Чака нарисовал на указанном месте значок. Перо скрипело и вертелось в руке. Вся эта церемония уже стала раздражать его. Злясь на собственную неловкость, он сурово глянул на вождей, и они поспешно намалевали на бумаге что кому вздумалось, лишь бы поскорее отвязаться от неприятного дела. Но радость и облегчение, отразившиеся на лице белого, были дополнительной наградой за участие в этом бессмысленном обряде.

— Возьми себе быка пожирнее из моего стада — это будет получше, чем вся эта чепуха, — сказал Чака рассыпавшемуся в благодарностях Феруэллу.

Да, не слишком дальновидных и мудрых посланцев выбрал белый брат его, король Джоджи. Но переговоры между двумя государями штука сложная, и придется запастись терпением.

Биограф Чаки, Э. Риттер, говоря о первой земельной сделке между Чакой и англичанами, признает: «Сделка эта до такой степени позорна для белых, что, без ссылки на авторитет д-ра Брайанта, могла бы показаться невероятной».

Весьма сомнительно, чтобы Риттер, автор солидной биографии Чаки, мог всерьез сомневаться в том, что операции такого беспринципного авантюриста, как Феруэлл, были жульническими. У того же Брайанта, к которому Риттер относится с несомненным пиететом, сказано много нелестных слов не только в адрес Феруэлла, но и в адрес Кинга, Финна и Айзекса, не говоря уже о менее значительных их сподвижниках. Выдавая всю эту пиратскую банду (а именно так и называет Брайант Феруэлла и его друзей) за благородных и бескорыстных доброжелателей Чаки, автор книги «Чака-Зулу» явно не считается ни с фактами, ни с мнением так высоко ценимого им Брайанта. И это отнюдь не случайно — Риттеру во что бы то ни стало требуется доказать «цивилизаторскую миссию» англичан, в связи с чем уместно было бы вспомнить слова того же доктора Брайанта, кстати сказать, миссионера и англичанина:

«В политическом отношении римляне и британцы имеют много общего — и тех и других природа наделила равной страстью к захвату земель; и те и другие прославились своими передвижениями по лику земли, захватывая при этом столько земной и морской поверхности, сколько им удавалось захватить, а затем подчиняя себе и своим институтам и законам

беспомощных и непросвещенных (а в скобках заметим — и неспрошенных) туземцев. Отличались они друг от друга главным образом лишь последовательностью действий. Когда Англия решает провести свои границы по землям примитивных народов, то (как это утверждают антипатриотически настроенные наблюдатели) она сначала посылает торговцев библией для обмана их простых сердец, затем — торговцев ромом для покорения их желудков, а затем является собственной персоной с пушками, чтобы раскроить их непросвещенные черепа. Римляне совершали тот же процесс в обратном порядке — сначала посылали свои когорты, затем демонстрировали свою культуру, но абсолютно обходились без насаждения своих богов. Окончательный результат, однако, получался один и тот же — мировая империя».

И все же значение покушения на Чаку, по крайней мере для его белых друзей, отнюдь не исчерпывалось завоеванием его расположения или приобретением огромной территории мистером Феруэллом.

Финн, внимательно следивший за развитием событий, нашел наконец ахиллесову пяту монолитного государства зулу. Суматоха, всеобщая растерянность и сопутствующая им жестокость, царившие в первые дни после покушения, не остались незамеченными и позволили англичанам прийти к далеко идущим выводам. Империя Чаки находилась в процессе становления, сотни разрозненных родов и племен еще не успевших полностью переплавиться в единую народность зулу и скреплялись пока что только железною волею их верховного вождя. Но стоило покачнуться этому колоссу, как снова всплыли на поверхность межплеменные распри. Мистер Финн заметил, как многие воспользовались всеобщим замешательством, чтобы под шумок свести личные счеты. А это означало, что кое у кого имеются свои интересы, зачастую прямо противоположные намерениям и целям вождя. Теперь оставалось только осторожно выпытать, чего же именно добивается каждый из наиболее влиятельных подданных Чаки, а узнав это и играя на их слабостях, можно будет потягаться с вождем зулу. Ведь никто из европейцев не считал всерьез, что Британия ограничится здесь, на юге Африки, всего лишь жалкой Капской колонией и не постарается продвинуть свои границы далеко на север. А пока что Финн решил закрепить достигнутое расположение Чаки.

Однажды мистер Феруэлл получил странное поручение: Финн просил его срочно прислать склянку с остатками восстановителя для волос. Феруэлл, посмеиваясь про себя, исполнил требуемое, а Финн, ничтоже сумняшеся,

продемонстрировал вождю зулу новое доказательство могущества белых. Изрядно поседевшие виски свои он натер на глазах Чаки восстановителем, а на следующий день предстал перед ним с отливающими синевой волосами. Он не скрыл от Чаки, что снадобье это продлевает отпущенный человеку жизненный срок, и заверил его, что снабдит им вождя зулу и его близких, как только ему удастся наладить более тесный контакт с родиной. Чака тут же помчался порадовать мать, но сильно постаревшая за последние годы Нанди весьма сдержанно встретила его сообщение. Однако после этого памятного разговора Финн начал пользоваться особым расположением всемогущего властелина.

Много интересного узнал во время своих далеких прогулок мистер Финн, но далеко не все услышанное им могло принести немедленную пользу почтенным негоциантам. Казалось бы, зачем им знать, что у деда Чаки Джамы, вождя зулу, первенцем был сын Пало, что вслед за ним родились дочери-близнецы Мкабайя и М-Мама и только потом — Сснзангакона и Мава. Все они, кроме умершего в младенческом возрасте Пало и отца Чаки, живут и здравствуют по сей день, занимая высокое положение в государстве зулу. Однако когда кто-то из стариков, рассказывая Финну о принятых у зулу обычаях, заметил, что по давно заведенному порядку одного из близнецов обязательно предают смерти, англичанин тут же припомнил теток Чаки. Значит, по крайней мере, одна из них — а обе они возглавляют военные краали — только по недоразумению и вопреки обычаям осталась в живых.

По крохам собирал Финн и сведения о загадочном Исанусси. К тому времени он уже знал, что могущество большинства колдунов по верованиям нгуни проистекает из их зловещих и тайных обрядов, тесно связанных с человеческими жертвоприношениями. Поначалу Финн считал, что Исанусси — это имя одного из знахарей или колдунов, только рангом выше, сумевшего с особой тщательностью окружить тайной все, что касается его личности. Финн решил, что было бы нелишне заручиться поддержкой такого человека. Но довольно скоро ему стало ясно, что Исанусси — фигура мифическая и что миф о нем и его загадочной власти все еще продолжает создаваться. И тогда Финну пришло на ум, что стоит добавить к этому мифу некоторые подробности — со временем они могут сослужить белым хорошую службу. Необходимо только умелыми вопросами подвести рассказчика к нужным выводам, и тогда тому будет казаться, что он сам додумался до этого. Так, благодаря любознательности мистера Финна легенда украсилась еще одной немаловажной подробностью: Исанусси в обмен на власть требует

от Чаки человеческих жертв, а поскольку власть его велика, то и в жертву приходится приносить не каких-то там второстепенных подданных или пленных, а людей из ближайшего окружения вождя.

Однако «выполнение долга перед империей», а именно так рассматривали Феруэлл с Финном свою миссию, пока что не приносило дивидендов, и компаньонам приходилось заниматься более прозаическими делами, заботясь о хлебе насущном. Нет, они не голодали. На огромных земельных просторах, отданных Чакой под начало Феруэллу, жило достаточно «туземцев», и что им стоило прокормить десяток беспомощных пришельцев. Хлебом насущным наши почтенные негоцианты считали слоновую кость, пользовавшуюся огромным спросом у них на родине и которую они в полном соответствии с «законами и обычаями» своей страны выменивали у окрестных племен на европейские безделушки. Однако и тут они не могли обойтись без помощи все тех же «туземцев». Прийти на выручку соседу — вещь общепринятая среди нгуни. Тем более каждый знал, что поселившиеся на морском берегу люди — друзья великого вождя, затмившего своим блеском всех вождей прошлого и настоящего. Поэтому и получалось так, что в коммерческих эскападах Феруэлла и Финна принимало участие все большее число жителей окрестных краалей, и делали они это не без удовольствия: попутно можно было побывать в далеких краалях, куда они, не представься им такой удобный случай, так никогда и не попали бы. А когда выяснилось, что оказание помощи белым освобождает от прочих повинностей, то от желающих помочь пришельцам буквально отбою не было. Так что мистер Феруэлл, превратившись теперь в одного из местных «вождей» на основании жалованной грамоты собственного сочинения, жил в своем «домене» подобно влиятельному сеньору, окруженный толпой почитателей и слуг. Здесь, равный по рангу чуть ли не самому королю Георгу, он, однако, среди своих оставшихся в цивилизованном мире друзей считался пропавшим без вести.

В числе этих друзей, как известно, был и Кинг. Украшенный новыми эполетами, он начал подыскивать себе занятие и получил назначение капитаном на торговый бриг «Мэри», груженный в числе прочего товарами, адресованными С. Соломонсу в залив Святой Елены. Там Кинг познакомился с племянником Соломонса Айзексом — и тот и другой были явно иудейского вероисповедания. Натаниэль (таково было, если можно так выразиться, «крестное» имя Айзекса), юноша весьма предприимчивый, три года назад (в 1822 году) покинул Англию и решил теперь сопровождать Кинга в его увлекательных рейсах по

южным морям. До Кейптауна эта пара добралась 28 июня 1825 года.

В Кейптауне циркулировали неясные слухи о судьбе Феруэлла. Кинг тут же припомнил прошлые проекты и решил отправиться на поиски друга. 26 августа 1825 года «Мэри» покинула Столовую бухту. Затратив на переход, отнимающий обычно два-три дня, тридцать пять суток, она завершила свой рейс 1 октября, вдребезги разбившись на прибрежных камнях. Судьба не замедлила нанести новый удар: спасшегося вместе с командой Кинга на берегу встретил слабоумный Томас Холстед, а об остальных не было ни слуху ни духу.

Только 15 октября вдалеке появилась жалкая фигура в обрывках одеяла и шляпе без тульи. Это был Финн, вернувшийся из экспедиции на земли племени пондо, где он пытался сколотить состояние, обменивая европейские безделушки на слоновые бивни. Еще через пять дней прибыл наконец и мистер Феруэлл.

Представить владыке зулу вновь прибывших европейцев взялся Финн. Пользуясь случаем, Кинг поведал Чаке, что искусный умелец его народа, плотник Хаттон, занялся строительством нового корабля, который будет постоянно находиться в Порт-Натале для регулярной связи со страной белых. Это будет способствовать оживленному обмену товарами и всяческими благами между двумя великими народами.

Время для визита Кинга и Айзекса к Чаке было, однако, выбрано не совсем удачно. Раздраженный бездельем огромной армии, вождь зулу недавно провел «штабные учения», согнавшие жирок с тех его военачальников, которые за последний год быстро приспособились к прелестям мирной жизни. За шесть дней форсированным маршем было пройдено около 500 километров. По возвращении в Булавайо Чака приказал Мдлаке отправиться во главе семи полков против нгванаанов, теснивших его друга Мшвешве. Поход этот завершился весьма успешно. На обратном пути Мдлака нанес визит верховному вождю басуто Мшвешве в его крепости Табе-Босиу. Эта демонстрация военной мощи зулу уберегла Мшвешве от новых посягательств и помогла ему объединить разрозненные племена в единую народность. Народ этот и поныне живет в бывшем Басутоленде, который 4 октября 1966 года был провозглашен независимым государством Лесото.

Часть экипажа злополучной «Мэри» принялась под руководством судового плотника строить новый корабль, который смог бы их доставить в цивилизованные земли. Но дело это было затяжное, а поскольку команда «Мэри» состояла из людей предприимчивых, то каждый из них всеми силами старался

сколотить собственное, пусть и скромное, состояньице.

По примеру Феруэлла Финн объявил своей собственностью всю территорию между реками Мбило и Млази. Он жил там несколько на отшибе, построив с помощью местных жителей крааль, в котором позднее он принимал Чаку с его приближенными. Остальные члены компании поселились в Порт-Натале.

Получив столь солидное подкрепление, фирма «Феруэлл и К°» смогла наконец более рационально распределить обязанности между своими членами. Мистер Феруэлл по-прежнему держал в своих руках бразды правления, Генри Фрэнсис Финн продолжал защищать интересы фирмы, представительствуя при зулусском дворе, а новым членам компании — Кингу с Айзексом — выпала на долю просветительская деятельность. Славный картограф и лейтенант Британского королевского флота счел своим долгом ознакомить монарха зулу с новейшими достижениями европейской научной мысли, а поставщиком духовной пищи стал Натаниэль Айзекс. Он-то и взвалил на себя нелегкое бремя спасения душ темных и закоренелых язычников. Столь глубоко укоренилось в нем чувство «долга белого человека», что ради приобщения бедных зулусов к христианству он поступился даже своей собственной верой. И не его вина, что подвижничество это не принесло абсолютно никаких результатов. Он сделал все, что мог, и настолько сжился с новой для него ролью, что даже в собственных мемуарах начал именовать себя миссионером и как таковой вошел в историю. С рвением неофита принялся он разъяснять догматы христианской религии зулусскому владыке. Но с первых же шагов его постигла неудача. Слушая сбивчивые наставления Натаниэля, Чака спутал божество христиан с зулусским У-Кулукулване — творцом всего сущего — и решил, что ему нет нужды вникать в вероучение белых, если оно столь разительно похоже на бытующие в его народе представления. На этом, собственно, и завершилась миссионерская деятельность Натаниэля Айзекса, и пришлось ему направить свои помыслы на более земные и более достижимые в данных условиях цели. Да и на что тут рассчитывать скромному слуге божьему, если даже сам Джеймс Сандерс Кинг, лейтенант Британского королевского флота, не сумел сломить упорства закостеневшего в своем невежестве язычника. Когда близкий друг короля Георга (а в качестве таковых выступали все члены фирмы «Феруэлл и К°») сообщил вождю зулу о том непреложном факте, что Земля имеет форму шара, тот не только усомнился в правдивости его слов, но вступил с ним в научный спор и путем сложных логических ухищрений умудрился посадить ученого мужа, заслуги которого

перед мировой наукой нашли признание даже в Адмиралтействе, в лужу.

Прежде всего Чака потребовал принести тыкву и, положив на нее несколько кукурузных зерен, предложил Кингу повернуть ее и поглядеть, что получится. Но лейтенант не сдавался. Он рассказал Чаке о том, как английские корабли уходят в плаванье, держа курс на восток, а затем, обогнув земной шар, возвращаются к родным берегам с запада.

— Вот ты и попался, — рассмеялся Чака и напомнил Кингу, что тот всего несколько дней назад вышел во главе охотничьей партии из Булавайо, держа путь на восток, а потом, проплутав всю ночь, вернулся к воротам крааля с запада.

— Но не горюй, Мкинги, — утешил он его напоследок. — Я пошлю моему брату Джоджи своих проводников, и тогда ваши корабли, ушедшие на восток, будут возвращаться домой с востока, как бы далеко они ни заплыли.

Так, посмеиваясь, этот невежественный дикарь отказался признать общеизвестную истину, для принятия которой просвещенной Европе потребовалось всего лишь несколько столетий и мученическая смерть лучших ее сынов.

Глава XI

Продвигаясь на север, колонизаторы из Капской колонии медленно, но неотступно приближались к владениям Чаки, объединительная деятельность которого находилась в прямом противоречии с интересами подданных его «друга и братан короля Георга. Если в борьбе с коса англичанам и бурам помогали враждующие с коса племена пондо и тембу, не говоря уж о готтентотах, то при столкновении с хорошо организованной армией зулу таких союзников могло и не оказаться. И все-таки противоречия в лагере белых колонистов нельзя было разрешить без захвата новых плодородных земель. Не мудрено, что в подобных условиях чисто коммерческая деятельность компании все чаще отходила на второй план.

У лейтенантов королевского флота Феруэлла и Кинга оказалось все же достаточно познаний в топографии, чтобы нанести на карту удобные проходы для войск. В этом им немалую помощь оказывал и Айзеке, который после первых неудач на миссионерском поприще сменил непривычный ему крест проповедника слова божьего на мушкет открывателя новых земель и нередко принимал самое деятельное участие в походах зулусских армий. Правда, здесь он нашел себе достойных соперников в лице Генри Огле и Джона Кейна. Немалую силу в случае необходимости мог бы представить и личный отряд Финна численностью почти в сто человек, набранный им из числа местных жителей.

Айзеке, однако, предпочитал держаться своего старого друга лейтенанта Кинга. Друзья по мере своих сил старались выполнить «долг белого человека» и «внести свой вклад» в захват земель Наталя. Так во время эскапад по владениям Чаки они в один прекрасный день набрели на широкое устье реки Млалази с возвышающимися над ним холмами Онгое. Место это было столь живописно и привлекательно, что они просто оцепенели от восхищения. Оцепенение это, однако, длилось недолго, о том же, что последовало вслед за этим, Айзеке рассказывает в своих записках: «По поручению лейтенанта Кинга я водрузил Юнион Джек[2] на возвышающемся к востоку от реки и заметном издалека песчаном холме, приняв тем самым в наследственное владение эти земли в качестве дара нам от Чаки с целью ведения торговли под покровительством монарха зулу». Даже из записок Айзекса не следует, что дар этот вообще когда-либо был подтвержден Чакой.

Компаньоны всеми силами старались обратить внимание

Чаки на земли его северных соседей — суто, кумало, ндвандве, а еще далее — португальской колонии Мозамбик. Этим англичане намереваясь убить сразу двух зайцев: с одной стороны, непривычные климатические условия ослабят армию Чаки, а с другой — столкнут ее с конкурентом Англии по ограблению африканских земель — Португалией.

Однако в начале октября 1826 года пришло известие, что войско возрожденной на севере конфедерации ндвандве движется к владениям зулу. Тут же был отдан приказ о всеобщей мобилизации. Вскоре почти сорокатысячная армия Чаки двинулась навстречу врагу. Вождь зулу попытался привлечь на свою сторону и отряд европейских «мушкетеров», но те отговорились отсутствием пороха и плохим состоянием мушкетов. Почти половина зулусских сил под командованием Мдлаки была послана в обход. После двухдневного марша часть армии, руководимая Чакой и двигавшаяся по кратчайшему пути, достигла цели и расположилась на ночлег. Утром Чака вместе с несколькими индунами поднялся на близлежащий холм, чтобы разведать позиции врага.

Ндвандве выстроились на склонах холма Ндодолваан, и расположение сил в точности повторяло позиции у холма Гокли, только на этот раз противники как бы поменялись местами, да и силы их были почти что равными.

Разумнее всего было бы дождаться подхода Мдлаки, но за это время армия зулу была бы измотана голодом и непривычными климатическими условиями. Но тут на выручку пришел — в который раз! — старый боевой друг Мгобози. Он объявил, что прорвет ряды ндвандве и выйдет им в тыл, чего бы это ни стоило. Еще одна ночь прошла в тревожном ожидании, а наутро, как только завязался бой, Мгобози с группой храбрецов выполнил свое обещание. Стремительная атака, возглавляемая им, спутала строй пдвандве и значительно облегчила основным силам их задачу. Воины ндвандве, узнав Мгобози, повинного в смерти стольких сыновей Звиде, обратили против него всю свою ярость, а Чака, воспользовавшись замешательством противника, завершил битву полным разгромом врага. Однако победа эта не принесла ему радости. Он глубоко переживал гибель Мгобози, друга боевой юности. Человек чужого и далекого племени, он сделал так много для народа зулу за свою короткую жизнь и сейчас смертью своей оказал Чаке последнюю, но неоценимую услугу. Память народная хранит его и по сей день, ибо он был идеалом зулусского воина.

На обратном пути армия Чаки столкнулась с дилеммой: путь ее лежал через владения Млочи и Бедже, вождей двух ответвлений многочисленного племени кумало. Оба этих вождя

уже давно раздражали Чаку своими дерзкими выходками и заносчивым поведением. Но на этот раз Млоче не повезло: армия зулу захватила его врасплох. Иначе обстояло дело с Бедже. Оставлять его безнаказанным Чаке не хотелось, но и бросать против него армию, и без того уже потерявшую довольно много времени, тоже не имело смысла. Для карательной экспедиции был выделен один-единственный полк Улу-Тули, состоявший из молодых я неопытных воинов, вся же остальная армия, нагруженная богатой добычей, продолжала, не задерживаясь, свой путь к родным краалям. Однако не успели зулу вернуться в Булавайо, как стало известно, что Бедже и на этот раз удалось перехитрить противника и он не только не понес заслуженного наказания, но и задал изрядную трепку карателям.

Этого нельзя было ему спускать с рук, но и начинать новый поход сразу же после окончания столь серьезной кампании значило бы окончательно измотать армию длительными и частыми переходами, тем более что рассчитывать на богатую добычу в этом походе не приходилось.

Но тут Чаке на выручку пришел случай: уверенные в собственной безнаказанности, двое слуг мистера Феруэлла изнасиловали зулусскую девушку. По представлениям зулу преступление это было одним из самых тяжелых и чаще всего каралось смертью. Чака решил воспользоваться им в своих целях. Белым друзьям его удавалось под разными предлогами уклоняться от непосредственного участия в военных действиях. Это было странно, особенно если учесть, что они неоднократно заявляли, что готовы жизни свои положить за Чаку и народ зулу. Правда, зулусы прекрасно умели обходиться и без их помощи, но Чаке было просто необходимо убедиться воочию, на что способны белые в бою, в чем заключается их тактика и как противостоять огнестрельному оружию, если народам нгуни придется все-таки столкнуться с ними. На этот раз они не отвертятся! Чака разыграл сцену великого гнева. Вне себя от ярости, он кричал, что велит предать смертной казни не только непосредственных виновников, которыми, кстати сказать, белые спокойно могли и пожертвовать, поскольку это были всего лишь готтентоты — Майкл и Джон, но и вообще всех белых и их прислужников. Нагнав на англичан страху, он тут же сменил гнев на милость и потихоньку шепнул им, что вся эта сцена разыграна ради того, чтобы утихомирить индун, возмущенных попранием общепринятых норм, но что и белым все же придется теперь на деле доказать свою дружбу к народу зулу.

Лучшим выходом для них явится таким образом участие в готовящейся экспедиции против Бедже. Это, дескать, уведет

виновных с глаз долой, а подвиги, которые, несомненно, совершат подданные его брата короля Джоджи, позволят предать забвению весь этот досадный инцидент. Скрепя сердце Айзекс, Кейн, пятеро моряков и проштрафившиеся готтентоты «вступили на тропу войны». К ним присоединились Джекот Мсимбити и несколько коренных жителей Наталя из отряда Финна. Со стороны зулусов в экспедиции, участвовала бригада Белебеле численностью в пять тысяч человек. Однако командиру ее даны были особые тайные инструкции: предоставить белым драться с кумало собственными силами и прийти им на помощь только в том случае, если они окажутся под угрозой неминуемого разгрома.

И началась одна из самых необычных кампаний армии зулу. Командир бригады Белебеле точно придерживался полученных инструкций и не начинал военных действий, чем немало изумил не только своих белых союзников, но и самого Бедже, знакомого с решительным образом действий зулусских полков. Поняв наконец, в чем дело, европейцы волей-неволей вынуждены были предпринять что-нибудь, хотя бы ради поддержания собственного престижа.

Подобная странная война длилась еще некоторое время. Помимо сожженных хижин, кумало потеряли и немалое число своих воинов, но и мистер Айзекс умудрился получить не очень опасное для жизни, но весьма болезненное ранение копьем в область пониже спины. Бригада Белебеле продолжала хранить «нейтралитет», не давая, однако, Бедже возможности воспользоваться всеми своими силами для решительного сражения с белыми. Окончательно сбитый с толку Бедже запросил мира. Он согласился также уплатить контрибуцию скотом и стать данником Чаки.

Когда победители с трофеями вернулись в Булавайо, Чака не преминул расхвалить мужество белых. Он выразил сочувствие мистеру Айзексу и тут же подарил ему несколько голов скота, дабы, как он сам выразился, «смягчить боль от раны», и европейцы, весьма довольные собой, удалились в Порт-Наталь. Только дождавшись их ухода, Чака вызвал к себе командира Белебеле и потребовал от него подробнейшего отчета о каждом шаге белых. Следует признать, что индуна этот был весьма невысокого мнения о воинских подвигах своих союзников. Возможно, правда, что здесь сказалась и досада на собственное вынужденное бездействие. Ведь не будь у него строжайшего приказа Чаки, Бедже на этот раз не отделался бы так легко. Опытный военачальник высмеял тактику белых, а также их чрезмерную осторожность и неумение ориентироваться в лесу

или в горах. По его словам, от разгрома и полного уничтожения белых спасло только присутствие воинов зулу, из-за которых кумало так и не рискнули сражаться более решительно. Понимая его состояние, Чака по многу раз заставлял его рассказывать одни и те же эпизоды, чтобы окончательно уяснить себе, что в рассказе индуны вызвано раздражением против белых, а что — их действительно невысокими боевыми качествами. В конце концов Чака все же пришел к выводу, что хваленое оружие белых отнюдь не гарантирует им победы и что в случае необходимости зулусская армия сможет с успехом противопоставить огню мушкетов тактику быстрого маневра, охватов и стремительных переходов своих более тренированных и дисциплинированных воинов. Как это на первый взгляд ни странно, но результатом этой беседы явилось решение Чаки перенести свою столицу южнее, а значит, приблизить ее к владениям белых. Занятый строительством государства нгуни под гегемонией народа зулу, он ни на мгновение не забывал о своих южных соседях, прекрасно отдавая себе отчет в том, что столкновение с ними почти неизбежно. Он сделает все, чтобы не допустить его, но и дать им застать себя врасплох тоже нельзя.

Почти в тот же самый час, когда Чака, выслушав доклад индуны, пришел к своему знаменательному решению, в поселке белых заседал военный совет из узкого круга наиболее значительных представителей маленькой колонии. Мистер Финн и мистер Айзекс сообщили остальным о результатах своих наблюдений, и результаты эти были весьма неутешительными. Надежды на то, что ндвандве если и не разобьют войска Чаки, то, по крайней мере, нанесут им невосполнимые потери, пошли прахом из-за самоотверженности Мгобози и других смельчаков. Мистер Айзекс подлил масла в огонь, рассказав о странной тактике бригады Белебеле в походе против Бедже.

До поздней ночи поддерживался огонь в грязной и сырой хижине мистера Феруэлла, но джентльмены удачи так и не сумели разработать сколько-нибудь реальный план. В конце концов они пришли к выводу, что не следует забывать и об осторожности, ибо один опрометчивый шаг может свести на нет труды многих лет. Приняв это единственное решение, обитатели Порт-Наталя разошлись по своим жилищам в крайне удрученном состоянии.

Намерение Чаки перенести свою столицу на юг прозвучало для них как гром среди ясного неба. Европейцы почти в полном составе, не сговариваясь, помчались в Булавайо. Но вождь зулу не собирался отказываться от своих планов. Напрасно втолковывали ему, что взоры людей зулу должны быть обращены на север и

северо-запад, что на юге лежат владения вождя пондо Факу, близкого друга короля Георга, и перенос столицы вызовет у него естественную тревогу и опасения. На все их аргументы Чака неизменно отвечал, что решение это продиктовано не чем иным, как желанием быть поближе именно к белым друзьям.

Новая столица была заложена в трех километрах к северу от реки Увоти и примерно на таком же расстоянии от впадения ее в море. Чака назвал свой новый крааль «Дукуза» — от зулусского слова «дука», что значит «теряться». Говорят, что это следовало понимать как намек на великое множество хижин, среди которых терялись вновь прибывшие.

Праздник урожая, правда, состоялся еще в Булавайо. Охваченные завистью к старшим товарищам, молодые воины, пользуясь обычаем высказывать безбоязненно свои мысли на этом торжестве, требовали от Чаки направить их в бой против любых врагов.

Эта вполне понятная жажда подвигов у неопытных юношей была на руку белым. Они умело включились в хвалебный хор и, прославляя непобедимость зулусского оружия, весьма кстати припомнили вождю о его намерении двинуть свои полки на север. Причем сделали они это так, что об этом тут же узнали и остальные участники праздника. Поступок этот привел Чаку в состояние крайнего раздражения и, когда юноши — уже в который раз — принялись распевать тут же сложенную песню, начинавшуюся словами:

Ты покончил с племенами,
Где ты станешь воевать? —

ему наконец изменила выдержка, и он сгоряча объявил, что пошлет их против Собузы, вождя свази, а если им и этого покажется мало, то пусть двигаются еще дальше на север и дойдут до лежащих там земель педисуто. Словом, им будет где развернуться. Сразу же после праздника он пожалел об отданном приказе, но и отменять его не пожелал, опасаясь, что белые заподозрят его в страхе перед северными соседями. Тем не менее бригаду Белебеле, участвовавшую в походе против Бедже, он благоразумно оставил дома.

Этот плохо подготовленный поход в далекие и неразведанные земли заранее был обречен на неудачу. Собуза укрылся в недоступной горной крепости, а малярия и дизентерия скосили третью часть зулусской армии. Возглавлявший эту экспедицию Мдлака счел целесообразным отступить с теми воинами, которые еще не заболели, и поднялся по течению реки Олифантс на запад,

в более возвышенную местность, оставив на месте особенно пострадавший полк Ин-Дабанкулу, а вместе с ним и всех больных, обещая тут же прислать им помощь и скот, как только удастся его захватить.

Двигаясь на запад, отряд Мдлаки все дальше углублялся в Средний вельд, и именно тут ослабленной голодом и болезнями, измученной форсированными маршами зулусской армии впервые пришлось столкнуться с противником, вооруженным огнестрельным оружием. Это был отряд гриква — потомков европейцев и готтентотов — численностью около тысячи человек верхом на лошадях. Но зулу не испугались грома выстрелов и бросились в контратаку. Гриква уклонились от боя, продолжая вести огонь издалека. Памятуя спор Чаки с англичанами, Мдлака вывел свои полки на овражистую местность, сведя тем самым на нет превосходство конного над пешим. Враги его тут же рассеялись, оставив на поле боя трех человек.

18 марта 1827 года измученное войско вернулось в Булавайо. Ссылки на болезни не смягчили гнев Чаки. Он осведомился у европейцев, может ли простая перемена мест ослабить здоровье и волю настоящего воина. Белые друзья, также не удовлетворенные результатами похода, но совсем по другим причинам — ведь Мдлаке все же удалось отделаться сравнительно легкими потерями, — почти в полном соответствии с истиной поспешили заверить вождя зулу, что воины короля Георга бороздят все моря мира и пребывают в невообразимо далеких от их родных земель странах, но все они отличаются прекрасным здоровьем и всегда готовы вступить в бой по повелению своего владыки.

— Вот видите, — воскликнул Чака, — почему же враги наши, живущие в тех местах, остаются здоровыми и невредимыми?

В крайнем раздражении он обвинил несчастных воинов Ин-Дабанкулу в том, что только собственная их трусость помешала им добиться победы, а это, в свою очередь, привело к голоду и болезням. А трусость — преступление такого рода, которое он не оставит безнаказанным. Распаляясь все больше, он приказал выявить наиболее виновных и наказать их в назидание другим.

Глава XII

Политика Чаки, сумевшего в столь короткий срок сплотить сотни племен и разрозненных родов в единую семью зулу с боеспособной и могущественной армией, подчас приводила в полное отчаяние его английских друзей. Казалось, ничто не способно было поколебать эту силу, и освоители новых земель все чаще задумывались о том, не ограничить ли им свою деятельность чисто коммерческими операциями, благо что коммерция в этих забытых богом землях приносила колоссальные дивиденды. Однако железное упорство и выдержка «пионеров» дали наконец свои результаты, и счастье снова улыбнулось им. Произошло это настолько неожиданно, что мистер Финн, охотившийся с Чакой на слонов, был даже раздосадован, когда в самый разгар удачной охоты появился вдруг гонец с вестью о том, что Нанди серьезно заболела. По тону его всем стало ясно, что жизнь ее в опасности.

Несмотря на то, что солнце уже клонилось к западу, Чака тут же приказал бросить все и не терпящим возражений тоном пригласил Финна следовать за ним, полагая, что врачебное искусство белого поможет спасти жизнь матери.

Путникам предстояло проделать около 100 километров до крааля Эмкиндшш, где лежала больная. И начался изматывающий марш. Чака шел не разбирая дороги, не замечая подъемов и спусков, продираясь сквозь заросли колючих кустарников. Ехавший на лошади Финн с трудом поспевал за ним. Но все было напрасно. Когда на следующий день — 10 октября 1827 года — они добрались до крааля Нанди, одного взгляда на больную было достаточно Финну, чтобы понять, что она безнадежна. Он так и сказал об этом вождю зулу. А еще через два часа матери Чаки не стало. Переодевшись в форму простого воина, Чака вошел в хижину, где лежало тело Нанди.

«В полдень, — записал в своем дневнике мистер Финн, — толпа образовала круг с Чакой в центре и запела военную песню. Это явилось для некоторых отдушиной. Когда песня смолкла, Чака приказал тут же казнить нескольких мужчин. Тогда крики стали еще громче, если это вообще было возможно. Новых приказаний не потребовалось: словно желая показать вождю, насколько велико их горе, присутствующие начали убивать друг друга. Многие получили смертельный удар, нанося его другим: каждый старался отомстить за свои обиды — действительные или мнимые. Тех, кто не мог больше исторгнуть слезы из глаз, кого заставали жадно пьющим у реки, тут же забивали насмерть

другие зулусы, обезумевшие от возбуждения».

Далее мистер Финн утверждает, что он насчитал в этот день семь тысяч (!) трупов. Трудно представить себе англичанина, свободно расхаживающего среди описанного им ада и невозмутимо подсчитывающего жертвы охватившего всех безумия. Но оставим точное число убитых в этот день на совести Генри Фрэнсиса Финна, тем более что «Чака был так поражен горем, что утратил власть над собой и над окружающим. Окруженный толпой льстецов, он не имел представления о том, какая резня разыгралась в этот трагический день. Но, как только Чака уяснил себе, что происходит, он немедленно прекратил бойню. Это подтверждает и Финн».[3]

Несравненно большее значение для народа зулу имеют события, последовавшие сразу после смерти Нанди и предания ее праха земле. Видя сраженного горем вождя, все принялись как бы соревноваться друг с другом в изъявлении сочувствия и горя. Подобно участникам изуверской церемонии шахсей-вахсей, они готовы были предаваться самоистязанию, ревниво следя, однако, за тем, чтобы и другие не уклонялись от выполнения долга.

Странная апатия, охватившая Чаку, оказалась как нельзя кстати компании «Феруэлл и К°», поскольку бездействие вождя зулу развязало наконец им руки, побуждая к крайней активности. И тут полностью проявились дипломатические таланты Финна. В это время всеобщих волнений и смут он ни на день не оставался на месте, объездив в одиночку или со спутниками почти все владения Чаки, не уставая сеять семена вражды и розни. Вот именно во время этих поездок по стране и пригодились все те наблюдения, которые он так старательно копил все эти годы. Приезжая к вождю племени, чудом сохранившего какие-то остатки независимости, ила к старейшине округа, а такие в его странствиях попадались ему значительно чаще, он прекрасно знал, кто у того числится в кровных врагах, и вовремя умел намекнуть, что человек этот нежелателен и самому владыке, так как радуется втайне постигшему того горю. Таким образом стремления Всемогущего и захолустного вождя совпадают. Как тут было не перейти к более решительным действиям? Виновного наказывали за недостаток рвения, а в Дукузу шло донесение о том, что правосудие совершилось. Да только в Дукузе некому было сейчас разбираться в том, кто прав, а кто виноват.

Венцом всех недобрых дел Финна явился его визит к Мкабайи. Здесь, казалось бы, англичанину нечего было рассчитывать на успех. Тетки Чаки, сестры-близнецы Мкабайя и М-Мама жили в довольстве, окруженные таким почетом, который и сниться не мог сестрам второстепенного вождя. Только

головокружительный успех Чаки дал им возможность вознестись столь высоко. Успешно справиться с необычайно сложной миссией Финну помогли, как это ни странно, кошки.

Визит начался, как обычно, с подношения даров и выражения сочувствия по поводу невосполнимой утраты. Затем мистер Финн заговорил о горе вождя, величие и грандиозность которого может сравниться лишь с величием духа этого выдающегося правителя. Несомненно, что столь великий человек и близкий родственник его гостеприимной хозяйки должен иметь и могущественнейших духов-покровителей. Тут белокожий гость принялся возносить хвалу отцу Чаки, столь мудро руководящему поступками своего отпрыска. Даже падкой на лесть Мкабайи как-то трудно было себе представить, что именно дух веселого и простодушного Сензангаконы обрел вдруг такую силу после смерти последнего. Но она продолжала соглашаться с цветистой речью своего гостя, радуясь хоть такому развлечению в эти суровые дни траура, пока не было вскользь упомянуто имя «Исанусси». Тут царственная тетка насторожилась, но гость ее, не останавливаясь и как бы не замечая внезапно пробудившегося интереса к его словам, продолжал плавно вести свою речь. Кто мы, восклицал он, чтобы судить великого вождя и столь же великие дела его! Грандиозность свершений требует столь же грандиозных жертв. Всем готов пожертвовать Великий ради прославления рода Зулу, уже распростершего власть свою над многими народами. Кто упрекнет Великого, кто осмелится судить его? Он ведь не щадит тут ни себя, ни семьи своей, ни своих близких. Самое дорогое приносит он в жертву величию рода своего. Вся земля скорбит в эти дни о Нанди, так неожиданно ушедшей из жизни, но что значит скорбь всей земли по сравнению со скорбью ее любимого сына! А чего стоит хотя бы странный обет безбрачия, принятый им для себя?! Казалось бы, почему это человеку столь привлекательному, мудрому и сильному не окружить себя сыновьями, наследниками его славы и доблестей?

Вопрос о наследниках славы и доблестей Чаки мало интересовал Мкабайю, к тому же она смутно помнила какие-то давние пересуды о физическом недостатке ее племянника — трудно теперь сказать, содержалась ли в этих слухах хотя бы крупица истины. Но вот слова белого о смерти Нанди заставили ее призадуматься. Она согласна, что Чака и в самом деле ничего не жалеет для вящей славы Зулу, их общего родоначальника, но при чем здесь Нанди — ведь мать Чаки умерла, насколько ей известно, от какой-то болезни. Правда, ей и самой было странно, с чего бы это болеть Нанди, женщине, по ее представлениям, молодой — они с М-Мамой на добрый десяток лет старше ее, а на

здоровье не жалуются. Просто поразительно, что смерть настигла ее в столь цветущем возрасте!

В юные свои годы мистер Финн не мог предположить, что судьба забросит его в столь отдаленные края, и успел даже получить кое-какое образование. В те — увы! — уже отдаленные времена он считался приятным собеседником и не прочь был блеснуть красноречием в узком кругу друзей. Думал ли он, что одну из лучших своих речей ему придется произносить перед старой неграмотной негритянкой, сидя на циновке в крытой травой хижине! Полностью развернуться ему мешало недостаточное знание языка, но некоторая скомканность речи полностью компенсировалась завороженным вниманием его единственной слушательницы.

Далеко не все поняла Мкабайя в цветистой речи своего странного гостя, но одно она твердо усвоила из его слов — если таинственный и кровожадный Исанусси потребует новых жертв, ничто не спасет ни ее, ни ее близких от смерти. В своем ненасытном стремлении к власти вождь зулу пожертвует ими всеми. Одного этого было уже вполне достаточно для тревоги, но был и еще один вопрос, выяснить который ей не терпелось у своего гостя.

Поэтому когда она ни с того ни с сего спросила вдруг у своего гостя, правда ли, что Великий терпеть не может кошек, а заодно — и их владельцев, тот даже умолк на какое-то время, растерявшись от неожиданности. Но тут Финну вдруг стало ясно все. Еще приближаясь к хижине хозяйки крааля, он заметил, что дорогу ему перебежала кошка. Генри Фрэнсис Финн не был суеверным человеком и просто не обратил бы внимания на этот маленький инцидент, если бы ему не припомнился давнишний разговор с Чакой и какое странное продолжение столь невинная болтовня получила в эти трагические дни.

Незадолго до прибытия белых в Порт-Наталь несколько кошек было завезено на земли зулу, по-видимому, из португальских владений в бухте Делагоа. Зверьки быстро прижились, и среди женщин высокого ранга даже распространилась мода на них. В одной из дружеских бесед с белыми пришельцами Чака поинтересовался, чего это ради их соотечественники держат этих ни на что не пригодных животных. Желая похвастать своей осведомленностью, Финн рассказал ему о множестве поверий и примет, связанных с этими зверьками у них на родине, что в старину считалось, будто кошки дружны с нечистой силой, «со злыми духами», как он тогда выразился, и что колдуньи на его далекой родине держали у себя котов, преимущественно черных. Разговор тогда перешел на другие

темы, и все, казалось, позабыли о его словах. Но теперь в обстановке всеобщей подозрительности и озлобления, воцарившейся после смерти Нанди, несколько женщин было казнено по обвинению в колдовстве, и, как ни странно, главным подтверждением их вины было как раз то, что все они держали у себя кошек.

Англичанин торжественно подтвердил самые страшные подозрения Мкабайи: по совершенно непонятным причинам Чака вдруг решил, что именно владельцы кошек повинны в смерти его матери, а теперь злоумышляют и против него. Всем индунам отдан приказ выявить их всех и поступить с ними по всей строгости законов предков. Видя, какое впечатление произвели его слова на хозяйку крааля, Финн решил не затягивать своего визита и дать ей возможность поразмыслить на досуге.

Так легенда об Исанусси, пущенная в обиход матерью Чаки, получила теперь совершенно новый и весьма зловещий смысл. Но для того, чтобы окончательно оформиться, ей все еще не хватало некоторых деталей. Но детали эти было теперь нетрудно подыскать. Ведь тетки Чаки, свято уверовав в справедливость своих домыслов, с самым пристальным вниманием следили за всеми его действиями, по-своему истолковывая каждый его шаг. А в эти дни вождь зулу совершил немало опрометчивых поступков сам или не помешал другим совершать их… И надо же случиться так, что среди женщин, казненных за прелюбодеяние во время траура по Нанди, оказалась и Нолива — одна из сестер Дингисвайо. Никто не обратил на это особого внимания и, если бы не Финн, то происшествие это так и осталось бы незамеченным. Но Финн тут же помчался к Мкабайе с этой вестью. На этот раз старым знакомым нечего было таиться друг перед другом со своими мыслями и опасениями. Смерть сестры верховного вождя мтетва, человека, сделавшего так много для Чаки на первых его шагах к власти и невиданной славе, явилась новым подтверждением их подозрений. Мкабайя теперь уже ни капельки не сомневалась в том, что Исанусси не успокоится до тех пор, пока не отправит на тот свет всех хоть сколько-нибудь значительных лиц в зулусском государстве. Эта смерть как бы заполнила недостающее звено в цепи преступлений, совершенных уже и совершаемых их племянником, и дала возможность окончательно восстановить полную картину отношений Чаки с его зловещим покровителем. Все ее самые страшные догадки подтвердила и М-Мама, которая тоже была вызвана на совет. Не прошло и нескольких недель, как передаваемая под строжайшим секретом из уст в уста легенда об Исанусси начала кружить по краалям, доносясь до самых отдаленных уголков земель нгуни.

Подхваченная тайными и явными недоброжелателями Чаки, она распространялась с быстротой степного пожара и оказалась настолько живучей, что дожила и до наших дней, получив самое широкое распространение.[4] Согласно первоначальной версии ее Чака заключил с Исанусси тайное соглашение, в силу которого он получает и будет получать власть над людьми самых различных народов и племен, но каждый шаг на этом пути к абсолютной власти он будет оплачивать жизнью самых близких ему людей. Если же отбросить все поэтические домыслы, то это означало, что Чака уже принес в жертву своей страсти жизнь Сигуджаны, своего брата, Нанди, своей матери, Ноливы, своей любимой; что рано или поздно последуют и новые жертвы — сначала Дингаан, Мхлангана и Мпанде — его сводные братья, затем — остальные родственники, а потом, возможно, наступит черед его главнейших индун и военачальников. Теперь мистер Финн мог со спокойной совестью удалиться в свои владения на берегах Умзимкулу и дожидаться там, пока посеянные им семена не принесут плоды.

Активизация «культурно-просветительской» деятельности мистера Финна не прошла незамеченной у остальных членов торговой фирмы «Феруэлл и К°» и была должным образом оценена его компаньонами. Прекрасно понимая, к чему может привести подобная активность, если Чаке вдруг станет известно о ней, освоители новых земель, однако, не возражали против нее, хотя каждому было ясно, что положение белых в стране становится все более рискованным по мере того, как заговор против верховного вождя зулу набирал жизненных сил. После длительного перерыва возобновилось строительство шхуны из обломков разбитого брига «Мэри». Работы велись в лихорадочном темпе, ибо все понимали, что шхуна эта даст им единственную возможность сласти свои шкуры, если дела в Натале примут неблагоприятный для них оборот. А для подобных опасений имелись все основания. В последнее время Чака стал замечать, что подданные его как-то изменили свое отношение к нему — в их поведении было больше подобострастия и меньше былой искренности — и перемены эти он каким-то образом связывал с присутствием белых. Он, правда, считал, что удачный поход в новые земли и богатая добыча, взятая у противника, исправят положение и на землях его народа вновь воцарятся мир и согласие.

И вот наступил наконец день, когда белые друзья прибыли в Дукузу в полном составе и торжественно объявили вождю зулу, что постройка судна, которое даст возможность наладить более тесный контакт между двумя великими народами, близка к завершению. И снова встал вопрос о необходимости направить

послов владыки зулу к его другу и брату королю Джоджи.

Возникла еще одна немаловажная проблема: кому же из белых поручить ответственную миссию сопровождать посольство и помочь посланцам Чаки на первых шагах их дипломатической деятельности? Кандидатуры Феруэлла и Финна сразу же отпали, поскольку первый уже успел порядком надоесть ему своей жадностью, а второй оказался просто ловким пронырой, постоянно сующим нос в дела народа зулу. После зрелых размышлений Чака остановил свой выбор на лейтенанте Британского королевского флота Джеймсе Сандерсе Кинге, известном среди народа зулу под именем Мкинги. Возможно, что немалую роль сыграло и «королевское» звучание фамилии лейтенанта (Кинг по-английски означает «король». — М. Б.). Это заставляло думать, что Кинг, если и не является близким родственником короля Англии, то почти наверняка принадлежит к его роду. Не желая, чтобы посланец его оказался рангом ниже тех, с кем ему придется вести переговоры, Чака счел уместным произвести английского лейтенанта в чин индуны, ради чего Кинг и был назначен им командиром полка У-Гиги-банье, целиком укомплектованного молодыми воинами в возрасте 22–27 лет. Возведение в чин сопровождалось соответствующими в подобных случаях церемониями и проходило в весьма торжественной обстановке. Кинг получил к тому же полную парадную форму зулусского военачальника. Неизвестно, воспользовался ли когда-либо, кроме этого торжественного дня, индуна Кинг своим правом носить эту форму, но он не преминул использовать подходящий случай, дабы документально закрепить свое новое общественное положение.

Без долгих проволочек был составлен следующий документ:

> (Дано) в главной резиденции Чаки
> Умбололи в феврале 1828.
>
> Я, Чака, король Зулу, в присутствии собравшихся сейчас моих главных вождей сим уполномачиваю и поручаю другу моему Джеймсу Сандерсу Кингу принять под свое покровительство и опеку Сотобе, одного из моих главных вождей, для которого я строю крааль «Тугуза» (м. б. Дукуза? — М. Б.), Кати (видимо, одно из имен Пикваана. — М. Б.), моего личного слугу, Джекоба, моего переводчика, и свиту. Я повелеваю ему препроводить их во владения Его Величества короля Георга и представить их как посланников доброй воли королю Георгу; а после передачи ему моих заверений в дружбе и уважении вместе с моим вождем Сотобе вести

от моего имени переговоры с Его Величеством относительно заключения договора о дружеском союзе между двумя нациями, относительно чего мною даны полные инструкции и полномочия вышеупомянутым Дж. С. Кингу и Сотобе действовать от моего лица так, как они сочтут наиболее полезным и целесообразным в зависимости от обстоятельства. Я возлагаю на моего друга Кинга обязанность обеспечить наиболее подходящие условия моим подданным, вверенным его заботам, и торжественно повелеваю ему возвратиться вместе с ними в безопасности и искренне доложить мне о ходе переговоров с королем Георгом.

Настоящим я жалую вышеупомянутому моему другу Дж. С. Кингу в вознаграждение за возложенную на него миссию, за оказанные мне уже услуги и подарки, которые он мне преподнес, а более всего — в признательности за внимание к моей матери во время ее последней болезни, а равно как и за спасение жизни нескольким из моих ближайших подданных в полное и безраздельное владение мою землю, простирающуюся вдоль морского побережья и Порт-Наталя от мыса Наталь до реки Стинкейн, включая обширные пастбища и леса, вместе с островами в гавани Наталь и (проживающими там людьми) народа Матабаан, совместно с исключительным правом на ведение свободной торговли во всех моих владениях; сим я одновременно подтверждаю также и все мои прежние дары ему (…)».

Отправляя своих посланцев в далекую страну белых людей, Чака свято верил з то, что оба народа получат от этого союза немалую выгоду. Люди зулу, например, научат своих белых союзников строить прочные и чистые хижины, и тогда им не придется ютиться в грязных и сырых хибарках вроде тех, что настроили себе они на берегу морского залива и из-за которых за белыми закрепилось презрительное прозвище «ласточки», поскольку птицы эти тоже строят свои гнезда из грязи. Имелось у него и немало соображений относительно совместных выступлений зулусской и английской армий, если только посланцам его удастся подписать оборонительно-наступательный союз с вождем белых. И в этом случае зулусским воинам будет чему поучить плохо ориентирующихся, медлительных и несуразно одетых британских мушкетеров, В обмен же на все эти несомненные выгоды белые люди поделятся с людьми зулу своим

искусством и хитроумными ремеслами. Ради этого Чака готов тут же сформировать пару полков из новобранцев и отправить их в страну белых для обучения. Но, помимо всего прочего, в задачу его посольства входило и приобретение «эликсира жизни». И дело тут было вовсе не в том, что скептически относящийся ко всем проявлениям колдовства Чака стремился добиться для себя вечной молодости — он не слишком доверял словам своих белых друзей. Слишком широкую огласку получили заверения мистера Финна, что у белых имеется это чудодейственное средство. И если Чака и не слышал прямых упреков в свой адрес, то все же прекрасно понимал, что его наверняка обвиняют в том, что он не прилагает достаточных стараний ради того, чтобы продлить жизнь если не всего народа зулу, то хотя бы наиболее значительных и достойных представителей его.

И вот наконец все сборы остались позади, и 30 апреля 1828 года грубо, но прочно сколоченная шхуна, названная «Чакой», взяла курс на мыс Доброй Надежды. Помимо лейтенанта Кинга, на ее борту «находились Феруэлл с супругой, Айзекс, а также посольство Чаки к королю Георгу IV. Оно состояло из Сотобе в сопровождении двух жен, Мбозамбозы, Пикваана, сына Бизвайо, доверенного личного слуги Чаки, и Джекоба Пловца — толмача Чаки».

Отправляясь в плаванье к родным берегам, белые заверили вождя зулу в том, что вся эта экспедиция не отнимет у них много времени, и Чака стал терпеливо дожидаться возвращения своих посланцев. Но дни превращались в недели, недели — в месяцы, а об отбывших не было ни слуху ни духу. Вначале Чака тревожился за судьбу своих подданных, отправившихся в непривычное плаванье по морю, но потом он заподозрил в этой оттяжке новые козни англичан, и его охватил великий гнев. На совете вождей было решено двинуть зулусские полки в страну пондо, земли которых лежали у самых границ белых владений, — возможно, эта мера заставит их поторопиться с ответом или, по крайней мере, обеспечит безопасность членам посольства.

Еще направляя к берегам Капской колонии посольство, Чака воспротивился первоначальному намерению белых отправиться в этот рейс в полном составе. После ожесточенного спора, отголоски которого докатились даже до вождя зулу, было решено, что в Натале в качестве представителя фирмы «Феруэлл и К°» останется Финн, который, однако, будет пребывать в своей резиденции на берегах Умзимкулу. Вот его-то крааль и решил Чака сделать своей ставкой на время кампании против пондо.

На этот раз Генри Фрэнсису Финну, пребывающему, по существу, на положении заложника при Чаке, приходилось

проявлять максимум такта и изворотливости. Его тоже, но уже по совсем иным причинам, волновала судьба посольства. Кампания против пондо могла подхлестнуть администрацию колонии, а это могло привести к самым неожиданным и неприятным для него последствиям. Но даже и он не мог представить себе того, что в действительности происходило в Капской колонии.

> «4 мая 1828 года, после четырехдневного перехода по морю «Чака» бросил якорь в бухте Алгоа (Порт-Элизабет). Власти с неудовольствием взирали на «Чаку» — судно, прибывшее из-за границы и не значащееся в регистре. На этом основании шхуну конфисковали и поставили на прикол — гнить».

Вести о походе Чаки докатились наконец и до Кейптауна. Появление сильной и боеспособной армии у самих границ колонии заставило администрацию приступить к каким-то ответным мерам. Но это хотя бы сдвинуло с мертвой точки дела в Порт-Элизабет. Прослышав о передвижении войск Чаки и о готовящейся против него военной экспедиции, белые опекуны послов и вовсе умыли руки, решив поскорее заняться собственными делами. Друг и индуна зулусского вождя тут же обратил в звонкую монету почти все восемьдесят шесть бивней, посланных Чакой в подарок королю Георгу. Он же поторопился должным образом заверить и верительную грамоту Чаки, справедливо полагая, что она сможет пригодиться ему в дальнейшем, особенно та часть ее, в которой говорится о передаче ему огромных земельных владений. Подобную же операцию попытался проделать и мистер Феруэлл, запасшийся аналогичным документом на первых же порах своей коммерческой деятельности в Натале. Вот тут-то, по всей вероятности, и произошло столкновение между компаньонами, приведшее к окончательному распаду фирмы «Феруэлл и К°». Трудно сказать теперь, к каким именно шагам прибегли бывшие друзья, сцепившиеся из-за лакомого куска, но победа осталась за лейтенантом Кингом. Мистеру же Феруэллу было недвусмысленно указано, что дальнейшее пребывание его на территории Наталя будет рассматриваться как нежелательное. Ему разрешалась поездка туда только для окончательной ликвидации дел.

После почти трехмесячного молчания офицер, командовавший войсками в Порт-Элизабет, получил наконец указание допросить зулусов.

Бесплодный и бесконечный перекрестный допрос продолжался несколько часов.

Тем временем и события на границе подошли к своему завершению. Продвигаясь на юг, армия Чаки достигла земель пондо, но население заблаговременно укрылось в густых лесах вместе со скотом. Тогда «армия Чаки переправилась через реки Умзимвубу и Умтату, покинув таким образом владения Факу, вождя пондо, и вторглась в область племени бомвана, которое также укрылось в зарослях. С уходом зулусов пондо вышли из своих убежищ. Тогда зулусы повернули обратно, захватили столицу Факу и тридцать тысяч голов скота — целое богатство».

Уговоры Финна, непрестанно заверявшего Чаку, что посольство его задерживается только по каким-то непредвиденным обстоятельствам, настроили Чаку на мирный лад. Дабы успокоить белых, он заключил мир с Факу. В переговорах с вождем пондо он решил еще раз воспользоваться услугами Финна.

Здесь же было решено, что армия его отправится теперь на крайний север и, обогнув бухту Делагоа, ударит по Сошангаану, ставшему к тому времени независимым правителем. По совету мистера Финна он отдал также приказ, что носильщики на этот раз не будут участвовать в походе, из них сформируют новый полк Изи-Ньосн («Пчел»), который, если посольство, как утверждает Финн, завершится успешно, будет послан на обучение к англичанам.

17 августа 1828 года зулусское посольство в сопровождении Кинга, Феруэлла и Айзекса высадилось в Порт-Натале. Лейтенант Кинг был в тяжелом состоянии из-за болезни печени и не мог покинуть берега моря. Чака очень хотел как можно скорее увидеть посольство в Дукузе и даже пожертвовал быка, пытаясь этим поправить здоровье своего белого друга. Однако жертва эта не помогла — 7 сентября Кинг умер.

После того как бык, посланный Чакой, был принесен в жертву «духу и покою тела лейтенанта Кинга», Ай-зеке в полном соответствии с «обычаями и законами» своей страны направился к владыке зулусов и там «в качестве компенсации за подарки, полученные им от меня, а также за внимание к его народу во время последней миссии, и за рану, пожаловал мне полосу земли, простирающуюся от реки Умслути (Умдлоти) до реки Умлас (Умлази) на двадцать пять миль по линии морского берега и на сто миль в глубь материка (более 6500 км2! — М. Б.), включая бухту, острова и лес у мыса, а также исключительное право на ведение торговли с его народом. После того как он поставил на дарственной свой знак вместо подписи, а переводчик поставил свой, который оказался больше, чем знак короля, последний осведомился весьма суровым тоном, как это может быть, чтобы

имя простого человека было больше королевского. Он потребовал перо и дарственную снова и, нацарапав значки по всему свободному пространству листа, сказал: «Вот, — указывая на свою подпись, — любой может видеть, что это имя короля, потому что оно больше. Король Георг тоже увидит, что это имя короля Чаки». Но это была последняя дарственная зулусского владыки, ибо дни его были сочтены.

Понимая, что приближается час расплаты и что все его интриги могут вскрыться в любой момент, Генри Фрэнсис Финн начал действовать почти в открытую. Ему удалось убедить Мкабайю, что весь северный поход затеян Чакой с одной-единственной целью избавиться от своих братьев — Дингаана с Мхаланганой. А потом, естественно, наступит очередь и его царственных теток. Разве не является доказательством этого его приказ отправляться в поход без мальчиков-носильщиков? К братьям тотчас же был отправлен гонец, и, сославшись на нездоровье, они вернулись в Дукузу. Там они узнали, что Чака находится в близлежащем краале Ква-Ньякамуби. Мбопа, «главный церемониймейстер» при вожде зулу, посвященный в их планы, подстроил все так, чтобы братья смогли застать Чаку в полном одиночестве. Несколько ударов ассегаями, и жизнь вождя зулу оборвалась. Это произошло 22 сентября 1828 года перед заходом солнца.

Утверждают, что перед смертью Чака успел сказать своим братьям следующие пророческие слова: «Вы не будете править после моей смерти. Белые уже здесь…»

Основные даты жизни и деятельности Чаки

(Составлены предположительно на основании записей европейцев и сопоставления различных событий из истории зулусского народа.)

1787 год — У Нанди и Сензангаконы рождается сын, названный Чакой.

1793 год — Нанди с Чакой и Номцобой покидают крааль Эси-Клебени и поселяются в И-Нгуга на землях э-лангени.

1802 год — Засуха и сопутствующий ей голод вынуждают Нанди с детьми поселиться в краале отца Нгвади — Гендеяны.

1803 год — Нанди с детьми находит приют на землях мтетва. Усыновление Чаки Мбийей.

1809 год — Дингисвайо становится верховным вождем мтетва, а Чаку призывают на воинскую службу в полк Изи-цве.

1810 год — Чака вводит новое оружие — ударный ассегай. Сражение с бутолези и гибель Бакузы, сына Сензангаконы. Поединок с «Безумным великаном» и введение новой тактики. Чака — командир Изи-цве.

1814 год — По настоянию Дингисвайо Сензангакона объявляет Чаку своим преемником. Чака становится главнокомандующим мтетва.

1816 год — Смерть Сензангаконы. Чака — вождь зулу. Кампания против бутелези. Формирование новых полков.

1818 год — гибель Дингисвайо. Сражение у холма Гокли. Кампания против гвабе.

1819 год — Разгром ндвандве.

1820–1823 годы — Завоевательные походы, направленные на объединение племен нгуни под эгидой зулу.

1824 год — Появление европейцев. Покушение на Чаку.

1825 год — Европейцы получают подкрепление в лице Кинга и Айзекса.

1826 год — Сражение с возрожденной конфедерацией ндвандве. Смерть Мгобози. Кампания против кумало с участием Айзекса и его отряда. Строительство Дукузы.

1827 год — Неудачный поход на север. Смерть Нанди.

1828 год — Посольство к королю Георгу IV. Поход против пондо. Возвращение посольства. 22 сентября — смерть Чаки.

Краткая библиография

А. Т. Брайант, Зулусский народ до прихода европейцев. Сокр. перев. с англ. Редакция Д. А. Ольдерогге и И. И. Потехина. М, 1953.

А. Б. Дэвидсон, Матабеле и машона в борьбе против английской колонизации. 1888–1897 гг. М., 1958.

У. Дюбуа, Африка. Перев. с англ. М., 1961.

Д. Ливингстон, Путешествия и исследования в Южной Африке. Сокр. перев. с англ. М., 1955.

Ф. Моретт. Экваториальная, Восточная и Южная Африка. Сокр. перев. с франц. Редакция И. И. Потехина и С. Р. Смирнова. Предисловие И. Потехина. М., 1951.

«Народы Африки». Под ред. Д. А. Ольдерогге и И. И. Потехина. М., 1954.

Д. А. Ольдерогге, Из истории семьи и брака (Система лобола и различные системы кузенного брака в Южной Африке), «Советская этнография», 1947, № 1.

И. И. Потехин, Формирование национальной общности южноафриканских банту. М., 1955.

И. И. Потехин, Военная демократия матабеле. См. в сб.: «Родовое общество. Материалы и исследования». М., 1951.

Э. А. Риттер, Чака-Зулу. Пер. с англ. Редакция и предисловие А. Б. Давидсона. М., 1968.

У. Э. Хатон, Судьбы Африки. Пер. с англ. Редакция А. Б. Давидсона. М., 1959.

Б. И. Шаревская, Старые и новые религии Тропической и Южной Африки. М., 1964.

В. Элленбергер, Трагический конец бушменов. М., 1956.

C. T. Binns, Dinuzulu. The Death of the House of Shaka. London, 1968.

A. T. Fryant, Olden Times in Zululand and Natal, Containing Earlier Political History of the Eastern-Nguni clans. London, New-York, Toronto. 1929.

Q. E. Cori, The Rise of South Africa, A. History of Origin of South African Colonisation and of its Development Towards the East from the Earliest Times to 1857. London, 1910–1930, 5 v.

J. Gibson, The Story of the Zulus, London, 1911.

E. J. Krige, The Social System of the Zulus, London, 1936.

T. Mofo1o, Chaka the Zulu. London, 1964.

G. M. Theal, History of South Africa from 1795 to 1872. London, 1892.

notes

1

«Народ» в данном случае употребляется в значении «народность». В работе К. Маркса и Ф. Энгельса еще нет точного определения нации и народности. *(Примечание И. Потехина.)*

2

Британский флаг.

3

Э. А. Р и т т е р, Чака-Зулу. М., «Наука», 1968, стр. 350.

4

См. T. M o f o l o, Chaka the Zulu, London, 1963. Л. С. С е н г о р, Чака. М., «Наука», 1971.